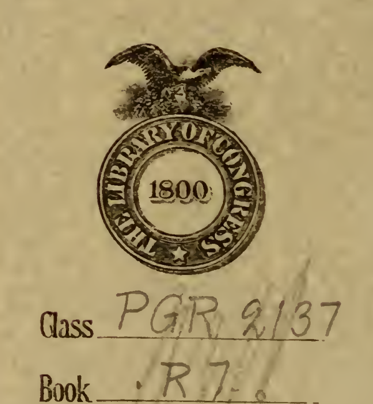
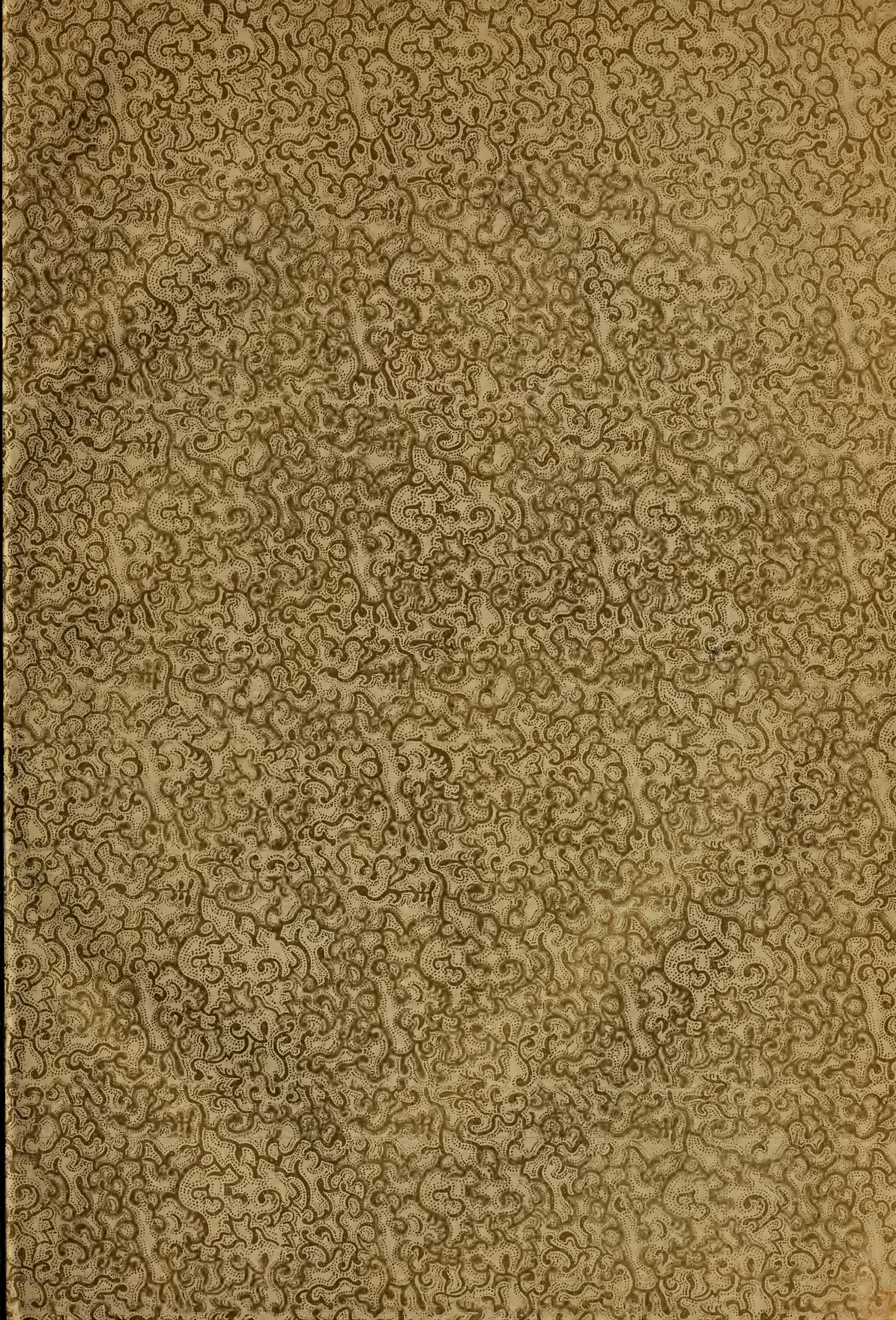
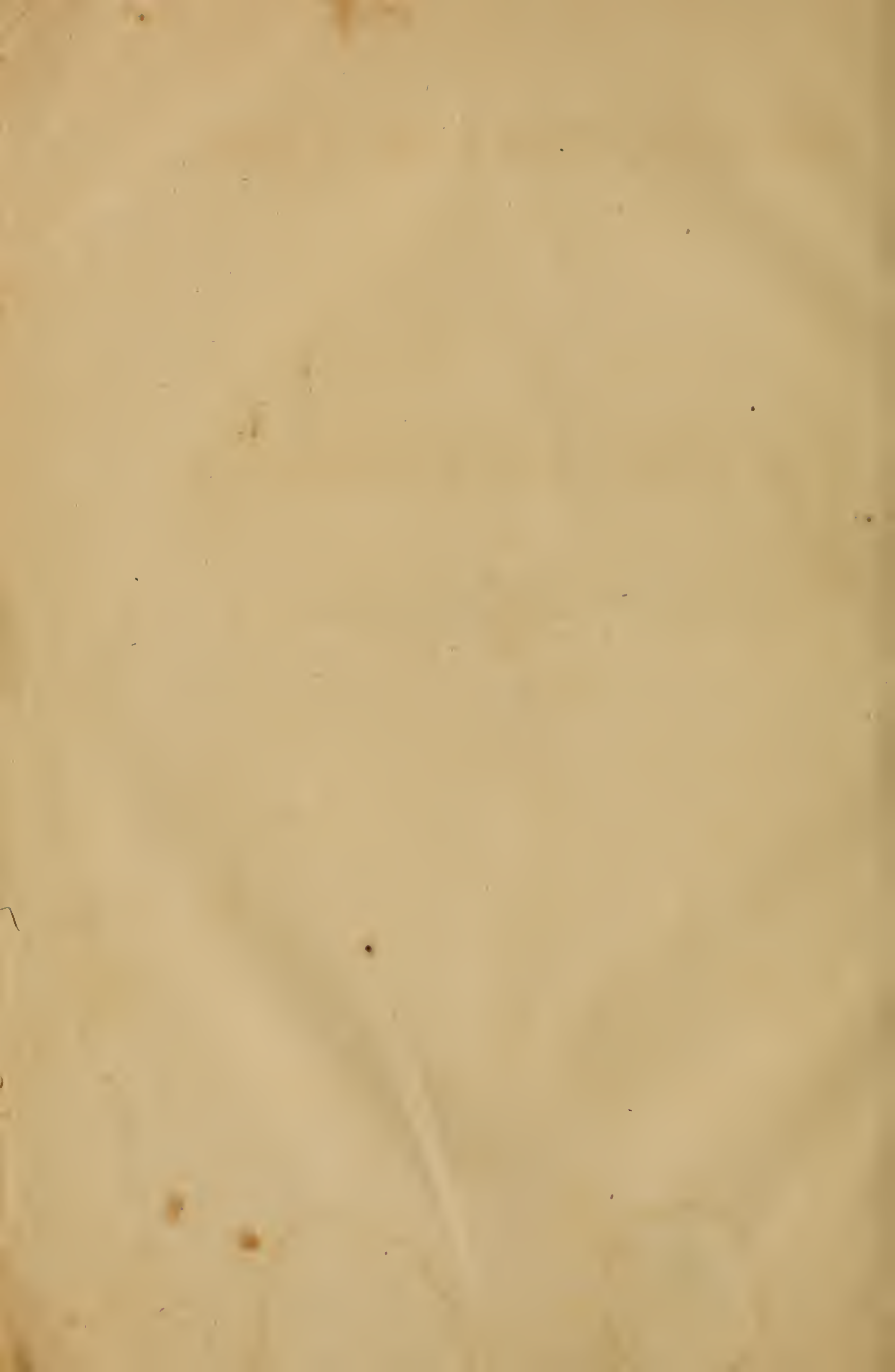

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ДѢДУШКА ГОСТОМЫСЛЪ.

Razin, Aleksei Egorovich

ПОВѢСТИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ, А. РАЗИНА.

Dedushka Gostomysl

ДѢДУШКА ГОСТОМЫСЛЪ.

862 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
Вас. Остр., 8 линія, No. 45.
1868.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 октября 1868 года.

ДѢДУШКА ГОСТОМЫСЛЪ.

Первоначальныя судьбы славянскихъ народовъ теряются во мракѣ вѣковъ. Знаемъ только, что въ глубокой древности славяне жили на рѣкѣ Дунаѣ, гдѣ нынче Венгрія и Турецкія владѣнія; оттуда какіе-то неизвѣстные намъ враги вытѣснили ихъ на сѣверъ, и разселились они въ лѣсистыхъ горбатыхъ (Карпатскихъ) пустыняхъ, по рѣкамъ, озерамъ и по морю варяжскому (Балтійскому), пробрались также къ востоку, разселились по Днѣпру, по Двинѣ, по Волхову. Тамъ, на Волховѣ и Днѣпрѣ, немного болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, полудикіе славяне, жившіе во тьмѣ язычества и въ безпрерывной враждѣ между собою и съ сосѣдями, соединились, потомъ присоединили къ себѣ другія славянскія племена и, мало по малу, просвѣтившись свѣтомъ евангельскимъ, составили начало государства, которое, укрѣпляясь, расширяясь и одолѣвая множество различныхъ враговъ, печенѣговъ, татаръ, нѣмцевъ, турокъ, поляковъ, французовъ и другихъ, является нынѣшнею Россійскою Имперіею.

Въ лѣтописяхъ нашихъ и иноземныхъ сохранилось нѣсколько драгоцѣнныхъ указаній на обычаи, нравы, образъ жизни, религію и повѣрья первобытныхъ славянъ и на начало нашей исторіи. Составленный на основаніи этихъ указаній, разсказъ нашъ о Дѣдушкѣ Гостомыслѣ переноситъ читателей болѣе нежели за тысячу лѣтъ назадъ.

I.

Какъ орлица надъ своимъ орленкомъ, сидитъ молодая Любуша надъ спящимъ своимъ сыномъ, и не налюбуется на него, и порою будто молнія сверкнетъ изъ ея глазъ, когда она окинетъ кругомъ лѣсъ и чутко прислушивается, и при малѣйшемъ шорохѣ хватается за небольшой топоръ, насаженный на длинномъ топорищѣ. Возлѣ нея спокойно сидитъ другая женщина, старая, сухая и сѣдая Предслава, и разбираетъ и вяжетъ въ небольшіе пучки разныя травы и цвѣты, лежащіе передъ нею кучей. Густой многовѣковой лѣсъ закрываетъ ихъ отъ жгучихъ лучей весенняго солнца, которое давно уже согнало туманъ и добиралось до своей полуденной высоты. Старыя мохнатыя ели почти до земли свѣсили свои вѣтви, поросшія длиннымъ бѣловатымъ мохомъ; крѣпкія сосны, точно красныя колонны, поднимаютъ свои голые стволы и упираются въ густую игольную чащу, раскинутую громаднымъ шатромъ. Синицы, чижи, дрозды посвистываютъ въ древесной чащѣ; тетерька глухо и ласково квокчетъ, выводя своихъ едва оперенныхъ птенцовъ изъ подъ густаго ольховаго куста; векши не торопясь перепрыгиваютъ съ вѣтки на вѣтку; комары, любители сырыхъ трущобъ, толкутся густыми тучами и жалятъ

обѣихъ женщинъ, которыя однакоже мало обращаютъ на нихъ вниманія; только съ спящаго сына Любуша внимательно смахиваетъ всякую мошку, и мальчикъ спитъ спокойно, завернутый, не смотря на тепло, въ овчинное одѣяло.

По мѣрѣ приближенія полудня, птичьи голоса замолкали и лѣсъ какъ будто засыпалъ; векши попрятались въ гнѣзда, и только неутомимые комары и слѣпни не давали покою Любушѣ, и рука ея безпрестанно поднималась, чтобы сгонять докучныхъ насѣкомыхъ съ прекраснаго, пышащаго жаромъ личика ребенка. Онъ все раскидывался отъ жару; но мать всякій разъ прятала его голенькія ручки подъ мѣховое одѣяло, и по временамъ ладонью отирала потъ съ его высокаго лба и курчавой бѣлокурой головки.

Привыкнувъ жить въ полномъ согласіи съ окружавшей ихъ природой, обѣ женщины чувствовали необходимость перекусить и заснуть. Предслава достала изъ своей котомки ржаную лепешку и вяленаго судака, разломила и то и другое пополамъ, и обѣ принялись усердно ѣсть, бросивъ за себя, въ жертву лѣсному духу, по маленькому кусочку своей пищи. Когда полдникъ былъ конченъ и запитъ водою изъ большаго берестянаго бурака, старая Предслава собралась спать, босыя ноги спрятала подъ кучу нарванныхъ травъ, на голову накинула большой бѣлый платъ и сказала молодухѣ:

— Ложись, не бойся, Любушенька, ложись, моя бо̀лѣзная; никто здѣсь насъ не найдетъ, да и здѣшній лѣшій, мой старый Чуръ, не допуститъ такого нечестія.

— До сна-ли мнѣ теперь, моя ро̀дная?—отвѣчала тоскливо мать.—Сердце такъ и ноетъ, морозъ такъ и ходитъ по спинѣ, какъ подумаю объ этомъ Богомилѣ. Мѣшаетъ, видишь, ему Хоринька мой, человѣчекъ мой, ненаглядный мой Сварожичъ, сынокъ мой сердечный...

— Эхъ, молодость, молодость! — сказала, покачивая головою, старуха. — Больно ужъ вы жалостливы стали, будто раскисли какъ-то и бога-Сварога-Пѐруна не боитесь; да и мы то старики съ вами грѣшимъ только. Тебя то очень люблю-жалѣю, а то бы Хорьку̀ твоему быть сегодня на ножѣ, и русалочкой качался бы тутъ, сидя на березовой вѣтви, тебя бы оберегалъ отъ всякаго худа...

Любуша припала къ своему Хорю, поцѣловала его раскраснѣвшуюся щечку и шептала про себя, что ужъ лучше она станетъ его оберегать, и хоть пришлось-бы ей самой быть разорванной міромъ на части, а мальчика своего она не дастъ злому Богомилу.

Старуха прилегла, свернулась и скоро заснула, а Любуша придвинула къ себѣ по ближе рукоять топора, оперлась на локоть и продолжая любоваться на соннаго своего Хоря, невольно, съ трепетомъ

припоминала страшное утро того дня, какъ она узнала, что ея сынокъ долженъ быть принесенъ въ жертву Перуну. И въ полусонномъ видѣніи представляется ей, какъ въ убогой лачугѣ ея, съ восхожденіемъ солнца-Дажбога, маленькій четырехъ-лѣтній Хорь протягивалъ свои рученки и гладилъ ей щеку. Дѣтски-ласковая улыбка свѣженькаго здороваго ребенка разливала въ ней невыразимое наслажденіе, а ясное утро и ясный праздникъ весны, когда народъ собирается водить хороводы, провожать зиму Мару и встрѣчать весну, прибавляли еще душевной ясности къ ея полному счастью. Но какъ всегда водится, что сильный приливъ счастья обыкновенно производитъ утомленіе въ душѣ человѣка и уступаетъ мѣсто задумчивости, такъ и Любуша призадумалась, и что-то стало больно щемить ея сердце. Обычный въ то время предразсудокъ состоялъ въ томъ, что слишкомъ сильная радость, это передъ горемъ, а слишкомъ беззаботный смѣхъ—передъ слезами. И въ этомъ есть своя доля правды, потому что во всѣ времена счастье людей было мимолетнымъ гостемъ. Едва только Любуша подумала: не было-бы какого-нибудь горя,— какъ вошла къ ней въ лачугу старуха Предслава, извѣстная не только на рѣкѣ Назьѣ, но и по всей Ловати, и въ самомъ Новомъ городѣ, и по Волхову вѣщунья, отлично знавшая всѣ возможныя преданія, обычаи, сказанія, умѣвшая лечить разными травами

отъ всевозможныхъ болѣзней и даже отъ сглазу. И вотъ передъ Любушей словно опять стоитъ страшная Предслава съ ласковыми словами, въ которыхъ заключена ужасная вѣсть. Дружески привѣтствуетъ ее старая вѣщунья или, какъ тогда говорили, вѣдьма, и желаетъ, чтобы богъ Перунъ милостиво принялъ приготовленную ему жертву въ великій день своего сына Дажбога. Не ясно понимаетъ бѣдная мать въ чемъ дѣло, но сердце ея сжимается и съ недоумѣніемъ смотритъ она въ глаза вѣщуньѣ. «Русалочкой блаженной будетъ Хоринька твой, — продолжаетъ и ласково, и радостно старуха, — беречь будетъ всѣхъ своихъ, и меня, старую, не забудетъ.» — Тутъ она обращается къ мальчику, гладитъ его по головкѣ и по лицу костлявою рукою, радостно прощается съ нимъ, проситъ, чтобъ онъ и корову ея, и овечекъ поберегъ отъ дикаго звѣря, помогалъ-бы ей собирать цѣлебныя травы и силой всемогущаго Дажбога могучіе корни... Мать слушаетъ, слушаетъ, понимаетъ, что ея сына, перваго во всемъ округѣ красавчика, выбрали на сегодняшній праздникъ, что за ея сыномъ сейчасъ придутъ и понесутъ его съ торжествомъ на берегъ Ловати, гдѣ собираются хороводы, будутъ плясать вокругъ него, уберутъ его желтыми цвѣтами, что показались уже у воды, и свѣжею зеленью, а тутъ готовъ костеръ, а среди костра столбъ, а на томъ столбѣ колесо. Полоснутъ Хориньку кривымъ

ножомъ по шеѣ и поднимутъ на это колесо и зажгутъ костеръ, и повалитъ дымъ, затрещитъ костеръ, запылаетъ, а народъ мѣрно, въ тактъ пѣсни, забьетъ въ ладоши.... Какъ взвизгнетъ бѣдная мать! Какъ бросится къ своему Хоринькѣ! Какъ схватитъ его на руки....—«Ну, вотъ, такъ я и знала—говоритъ съ упрекомъ старуха,—такъ и знала. Чего убиваться-то? Если ужъ Хоря твоего выбрали, значитъ такъ угодно Перуну-Сварогу; міръ безъ его воли не выберетъ, да и гдѣ же намъ взять для бога лучше твоего мальчишки?.. Видишь, какой человѣчекъ *купавый!* (бѣлый, красивый). Хочешь ты, малецъ, русалочкой блаженной быть, чуромъ праведнымъ?.... А мать судорожно прячетъ у себя на груди личико испуганнаго ребенка, и мутится у ней въ головѣ, и хочется ей изцарапать, изуродовать прекрасное личико своего человѣчка, только-бы никто не отнималъ его отъ груди, которая для него одного и дышетъ, для него бьется; и съ ужасомъ помышляетъ она о гнѣвѣ божьемъ, если она отниметъ у него лучшую самую угодную ему жертву, и хватается за топоръ, чтобы защитить свое дѣтище; и вспоминается ей добрый и ласковой мужъ, котораго года за три до того увели съ собою проѣзжіе Варяги... И вдругъ хватаетъ она топоръ и съ своимъ Хоремъ на рукахъ выбѣгаетъ изъ лачуги и бѣжитъ прямо къ лѣсу. На опушкѣ, въ кустахъ, догоняетъ ее старуха и начинаетъ уго-

варивать, чтобъ она покорилась волѣ Перуна, и что лѣсной духъ, лѣшій, все равно выдастъ ее, когда люди пойдутъ искать ее, не найдя въ избѣ. И невольно повторяетъ она мысленно тѣ жаркія, краснорѣчивыя мольбы, какими она молила добрую старуху пособить ей въ этой ужасной бѣдѣ. Она валялась у вѣдьмы въ ногахъ, цѣловала ея сухія колѣна, упрашивала взять Хорька себѣ, а ее самое взять въ вѣчную кабалу, только-бы жилъ ея милый Хорь, только бы злые боги не отнимали у него сладкаго дыханія. Она то̀ просила заступничества вѣщуньи передъ лѣсными духами, то̀ хотѣла уйти съ своимъ сыномъ на край свѣта, къ Хозарамъ, въ самый Царь-городъ, только бы спасти, спасти Хорька во чтобы то ни стало. Наконецъ суровая, но добрая старуха улыбнулась и рѣшилась ей помочь, обѣщала свести ее въ такую лѣсную трущобу, гдѣ лѣсной духъ давно и видимо ей покровительствовалъ. На нѣсколько минутъ старуха оставила ее на опушкѣ, сходила домой, наказала что-то двумъ своимъ внучкамъ, захватила свою котомку и возвратясь на опушку, застала трепещущую Любушу съ сыномъ на одной рукѣ и съ топоромъ въ другой, готовую на отчаянную защиту. Оттуда онѣ пошли дальше въ глубину лѣса и послѣ продолжительнаго перехода добрались до завѣтнаго мѣста. Но дорогой старуха все что-то шептала и все собирала разныя травы,

такъ что на мѣсто отдыха она принесла ихъ цѣлую охапку.

Когда маленькій Хорь проснулся, у матери его оказался въ запасѣ порядочный остатокъ лепешки и рыбы, и напуганная мать любовалась, съ какимъ удовольствіемъ онъ ѣстъ, откусывая острыми зубками своими то изъ одной руки, то изъ другой.

Къ вечеру былъ уже состроенъ небольшой шалашъ, не многимъ уступавшій по удобству оставленной на берегу рѣки лачугѣ. Нарублены были жерди изъ молодыхъ деревьевъ; нашолся большой камень, который составилъ цѣлую стѣну новаго жилища; къ нему приставлены были въ наклонномъ положеніи жерди, тщательно потомъ обложенныя густымъ слоемъ еловыхъ вѣтвей. И въ этомъ жильѣ, какъ въ покинутомъ, не было стеколъ, и отверстія, оставленныя вмѣсто оконъ, должны были затыкаться на ночь вѣниками; а если не было удобно затворяющейся двери, за то приготовленъ былъ большой запасъ вѣтвей для закрытія входа.

Ночныя тѣни опускались уже на лѣсъ, и небо начинало принимать багровые цвѣта солнечнаго заката, когда въ темной дали послышались дѣтскіе голоса, которые не то пѣли какую-то коротенькую пѣсню, не то обращались съ обычною мольбою къ лѣсному духу, лѣшему, и къ своему родоначальнику, пращуру или Чуру, считавшемуся невидимымъ покровителемъ

всего своего рода. Голоса понемногу приближались, и уже легко было различить, что ихъ два: то одна дѣвочка, то другая, съ небольшими промежутками, повторяли нараспѣвъ: «Дѣдушка Чуръ, выведи внучекъ, малыхъ дѣвчатокъ, на прямой путь, на ровную дорогу, не давай проплутать! Аау.!»

— Сюда, сюда, дѣвчатки!—закричала имъ старуха, и черезъ нѣсколько минутъ двѣ дѣвочки въ бѣлыхъ рубашкахъ, подпоясанныя красными кушачками, проворно замелькали между старыми деревьями. Завидѣвъ бѣлый платъ старой вѣщуньи, онѣ добѣжали до нея, разцѣловали свою бабушку и маленькаго Хоря и принялись разсказывать все, что видѣли и слышали.

— Сѣли мы въ челнокъ,—говорила старшая,— и поплыли внизъ по Назьѣ до Ловати, и съ нами вперегонку много плыло сосѣдей.

— Богомиловы внуки не сами гребли,—подхватила младшая,—а въ весла полонянника посадили.

— Постой ты, стрекоза!... Не успѣли мы къ берегу приткнуться, тамъ гдѣ наша рѣка съ Ловатью сошлась, а старшины-князья въ лодки садятся, да въ Назью поворачиваютъ, къ намъ. Я и говорю: ну, Тана, побѣжимъ! противъ теченья намъ не выгрести! И побѣжали. Еслибы не болото наше, мы раньше ихъ поспѣли-бы домой. Прибѣгаемъ, а народъ уже тамъ, вокругъ избы тетушки Любуши толчется, кричитъ, а Богомилъ громче всѣхъ. Добыли огня,

притащили хворосту, обложили, и все что-то тебя, бабушка, вспоминали. Потомъ запѣлъ нашъ князь то, что на похороны всегда поется.

— Онъ запѣлъ: «Перуне-Свароже! пріими своего избранника»,—подхватила опять Тана.

— Ну, да,—подтвердила старшая, — и всѣ за нимъ затянули. Взмахнулъ онъ смоляною горящею вѣтвью и бросилъ, на самую кровлю попалъ, и затлѣла солома, и скоро вспыхнула. А народъ все хворостъ таскаетъ, да подкидываетъ сосновыхъ вѣтвей. Не успѣлъ костеръ догорѣть, а старшины-князья опять въ лодки усѣлись и поплыли внизъ, на стрѣлку. Тутъ мы съ Таной въ чью то лодку забрались, доѣхали хорошо, только опять чуть не опоздали. Хороводы почти что начались, и среди народу на холмѣ, что зовется красной горкой, у костра, Богомилъ козленка зарѣзалъ.

— Бѣленькій такой, хорошенькій козленочекъ,— вставила свое замѣчаніе кудрявая Тана, — не знаю чей, только не съ Назьи.

— Подняли этого козленка на колесо, что посреди костра на столбѣ стояло, и Богомилъ опять замахалъ огненной вѣткой и зажегъ, точно такъ, какъ въ прошедшемъ году: я вѣдь все помню. И пошло тутъ веселье, и теперь тамъ, вѣрно, пѣсни еще не унялись, да мы къ тебѣ поспѣшили, и то вотъ едва поспѣли, видишь: вовсе ночь становится.

— Только, бабушка, ты знай, что ужъ я впередъ никогда не буду играть съ Богомиловыми дѣтьми, — сказала Тана; — они забіяки такіе, точно варяги, гадкіе, все дерутся, и не понимаютъ совсѣмъ игры... Впередъ я съ однимъ Хорькомъ буду играть... Хочешь играть со мной, Хоринька? — обратилась она къ ребенку, засыпавшему на рукахъ матери.

— Полно тебѣ, грѣховодница! Не тронь ты младенца! Онъ теперь не нашъ, онъ избранникъ Перуна-Сварога, — прервала ее старуха, поймавъ Тану за руку и отводя ее въ сторону. — Въ нынѣшнее лѣто Перунъ его разразитъ и возьметъ къ себѣ, а если до праздника Тавсеня, до осени, будетъ живъ, ну тогда и играй. А до тѣхъ поръ никто не смѣй къ нему и пальцемъ однимъ притронуться.

Бѣдная Любуша прижимала къ своей груди маленькаго Хоря, и жалѣя о совершенномъ одиночествѣ, ожидавшемъ ея сына, радовалась его сегодняшнему спасенію, и горячо молила Перуна, чтобъ онъ не бралъ къ себѣ единственную утѣху ея, оставилъ ей сокровище ея безцѣнное. Когда дѣти заснули въ шалашѣ, Любуша и Предслава усѣлись у входа и долго еще вели свою бесѣду.

— Ты ужъ не оставь меня, рòдная, — говорила Любуша, подсаживаясь къ старухѣ; — меня, сироту, обижаютъ, рады что мужа угнали варяги, что осталась я одна на свѣтѣ. Куда мнѣ дѣваться те-

перь, горемычной? Ты, бабушка, ужъ не оставь, посовѣтуй....

— Какъ же мнѣ тебя оставить, глупенькая, — отвѣчала Предслава: — мы съ тобой теперь неразлучно бѣдовать станемъ, потому что, слышала ты, старшая моя сказывала, будто меня князья поминали. Видно смекнули они, что мы въ этомъ дѣлѣ съ тобой заодно. Ты такъ уже и считай, что намъ съ тобой одна доля поставлена...

— Что я при тебѣ, рòдная моя! Ты что? Тебѣ почетъ всякій отдаетъ, всякій знаетъ, что ты у насъ во всемъ краю первая вѣдьма, и свѣдомы тебѣ всѣ тайны лѣсныя, и водяныя, и небесныя. и тебя никто тронуть не посмѣетъ. А вотъ я то, горемычная, куда дѣнусь? Нигдѣ мнѣ и проходу не будетъ....

— Полно тебѣ сокрушаться, не гнѣви ты Перуна великаго, не гнѣви Чура древняго.... — сказала Предслава съ тою увѣренностью, съ какою говорятъ старые и свѣдущіе въ наукѣ своей жрецы. — Никакой бѣды тебѣ не будетъ. Конечно, пять дней, пока идутъ хороводы, показываться въ народъ тебѣ не годится, потому что пять дней еще мірская рука съ тебя не снята. А тамъ ничего, опять за работу принимайся, лачужку себѣ поставишь, только гдѣ на новомъ мѣстѣ, а пожарища не трогай, оставь мѣсто свято русалкамъ собираться. А что ты говоришь про сиротство свое горькое, такъ это и міру видное дѣло. И Хорька

твоего чуть не извели сегодня все изъ за того же. Собрались старшины князья на сходку, и стали жалѣть, что народу нашего много за варягами пропадаетъ и ужъ который годъ, всякую весну, что ни проходятъ, все кого-нибудь да захватятъ. И порѣшили, что видно Перунъ-Сварогъ прогнѣвался на насъ и надобна ему за всѣхъ уведенныхъ людей жертва. И стали выбирать, толковали долго, и выбрали что ни есть лучшаго на Ловати и Назьѣ ребенка....

— Да гдѣ жъ онъ лучше, бабушка родимая? — сказала тоскливо Любуша; — мало-ли ребятъ пригожихъ и купавыхъ? Отчего-же моя такая несчастная доля вышла?...

— Ай ужъ сказать? Инъ скажу. Слушай. Знаешь ты эту ехидну, змѣю подколодную, Богомилову жену, Малушу съ Волхова? Она лѣтъ пятнадцать зла была на Буривоеву жену, вотъ что въ третьемъ годѣ дочку на костеръ отдала? Вѣдь и Буривоева тоже съ Волхова. Такъ вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ у нихъ вражда идетъ, родовая. По ея, по Малушиной, милости и осиротѣла Буривоева; ужъ я знаю, что она день и ночь сколько лѣтъ сряду пилила своего старика, чтобы допечь волховскую свою сопротивницу. И что-же? — отняли, вѣдь, дѣвочку, изъ рукъ вырвали, взвели на костеръ. Не жалко ребенка, потому что онъ русалочкой блаженной будетъ, Чуромъ могучимъ, а мать жалко: убивалась она не хуже вотъ твоего. Такъ и

сегодня. Можетъ и нашлось-бы дитя и красивѣе, и кудрявѣе Хорька твоего....

— Это ты, бабушка, врешь: красивѣе Хориньки на свѣтѣ не бываетъ, — подумала про себя Любуша; но благоразумно промолчала.

— Можетъ нашлось-бы, да эта змѣя и на тебя вѣдь зла: не натолковала-ли она и на этотъ разъ? Все можетъ быть, все съ нея станется. А на счетъ Перуна ты, молодуха, будь спокойна, и только покорись. Угодно ему будетъ прибрать Хорька твоего къ себѣ, приберетъ, а неугодно — живъ будетъ. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь и въ лѣсъ не уйдешь. Перунъ — изо всѣхъ боговъ богъ. Дажбогъ у насъ добрый и сильный богъ, это солнце; отъ него и трава растетъ, и листъ на деревѣ показывается, и все оживаетъ, родится и живетъ. Но и на Дажбога великаго есть Марана, все равно что смерть. Къ осени Дажбогъ слабѣетъ, это зима - Марана его одолѣваетъ, и такъ заберетъ силу, что хоть и видно Дажбога, да свѣту отъ него нѣтъ, тепла нѣтъ, и все живое тогда еле живо, и русалкамъ нѣтъ выходу на свѣтъ изъ темнаго царства. А на Перуна, грознаго, всемогущаго, нѣтъ Мараны, нѣтъ смерти; отъ Дажбога защиту найдешь и въ тѣни подъ деревомъ, и въ водѣ студеной; а Перунъ грозный вездѣ найдетъ, никуда отъ него не схоронишься, и въ лѣсу добудетъ тебя, и въ полѣ, и въ шалашѣ, и подъ водою. И

смотри, что за благодать, какъ Перунъ прокатится по небу и побываетъ на землѣ! И всякая хворость отъ него пропадаетъ, и дышать легко, и на что ужъ у меня кости стары, такъ и старымъ костямъ легко станетъ. Ты ему и покорись, и не гнѣви его, не мудри. Его прогнѣвишь, то и дѣти его свѣтлые: Дажбогъ, — солнце красное, и Тавсень, — огонь нашъ кормилецъ, прогнѣваются на тебя, и солнышко посѣва твоего изъ земли не подниметъ, а огонь хлѣба твоего не испечетъ....

Долго еще старуха толковала Любушѣ о своихъ вѣрованіяхъ, объясняла преданія и пуще всего совѣтовала покориться Перуну.

II.

Любуша еще крѣпче прежняго, если это возможно, полюбила своего Хоря. Просидѣвъ въ лѣсу установленные обычаемъ пять дней, въ теченіе которыхъ не была еще снята съ нея мірская рука, она со страхомъ показалась на берегу Назьи. Подруги и сосѣдки отшатнулись отъ нея, считали ее съ сыномъ принадлежащими Перуну, чуждались ихъ и дѣлали видъ, будто не замѣчали ихъ присутствія. Любуша чувствовала себя и особенно Хоря своего совершенно одинокими на цѣломъ свѣтѣ, и всѣ силы

ея души, которыя при другой обстановкѣ могли еще какъ нибудь разсѣяться, устремились на одного ненагляднаго Хориньку. Она построила для него хорошенькую лачужку, брала его съ собою въ челнокъ, когда отправлялась ловить рыбу, давала ему въ руки удочку, проводила съ нимъ однимъ дни и ночи, и только изрѣдка вспоминала мужа, который пропадалъ, уведенный варягами, вотъ уже четвертый годъ.

Не безъ тайнаго страха помышляла она о приближеніи лѣтняго Купальнаго праздника. Въ этотъ день тоже иногда бывали жертвоприношенія, и хоть она знала очень хорошо, что обычай не позволяетъ никому прикасаться къ Хориньке̂, а все какъ-то сердце сжималось отъ ожиданія еще новой бѣды.

Но наболѣвшее сердце напрасно чуяло бѣду, когда ожидала ее большая и ясная радость. Дня за три до Купалы прошелъ слухъ, что изъ Кривичей показались Варяги. Этотъ слухъ былъ знакомъ всеобщаго ликованья, и понятное дѣло, что не варягамъ обрадовались люди, а тому, что идутъ они съ юга. Когда они шли въ этомъ направленіи, то обыкновенно дѣло обходилось благополучно, никого не забирали съ собой и еще довольно выгодно торговали: отдавали разныя ткани, зеленыя бусы, золотыя и серебряныя монеты, а брали мѣха бѣлокъ, т. е. горностаевъ, векшъ, соболей и др. Да сверхъ того возвращали нѣсколько человѣкъ, забранныхъ въ первый проходъ

по Ловати, когда проходили съ сѣвера. Но, конечно, не многіе изъ забранныхъ людей возвращались: тотъ умеръ дорогой, того въ свалкѣ убили, а того продали грекамъ. И каждый родъ, изъ котораго увезенъ былъ человѣкъ, надѣялся, что вотъ нашъ то въ этотъ разъ вернется, если угодно будетъ Дажбогу....

Тамъ, гдѣ рѣка Пазья впадаетъ въ Ловать, на стрѣлкѣ, было обыкновенное мѣсто праздничныхъ сборищъ, а также остановки, отдыха, торговли варяговъ. Туда начиналъ уже собираться народъ съ мѣхами и медомъ, чтобы захватить варяговъ пораньше и повыгоднѣе сбыть свой товаръ. И вотъ наконецъ они показались вдали, на поворотѣ рѣки, въ своихъ ладьяхъ съ выгнутыми носами, похожими на лебединую шею. Вотъ причалили, и ступилъ прямо съ лодки въ воду знаменитый богатырь конунгъ Труанъ; изъ другой лодки выскочилъ Иворъ, тамъ Фарлафъ, дальше Рюаръ, Карлы, и посыпали изъ пяти большихъ ладей богатыри-варяги. А вотъ между ними мелькаютъ и наши: Прастѣнъ съ озера Ильменя, Путята съ Волховскихъ пороговъ, Вельмудръ изъ самаго Новгорода, Моиславъ, тоже новгородецъ, а вотъ и Стемиръ, здѣшній, съ Пазьи, мужъ Любуши, отецъ маленькаго Хорька.

На берегу началась та суматоха, какая обыкновенно бываетъ передъ непродолжительной остановкой въ походѣ. Старшина-князь Богомилъ съ поклономъ

принималъ конунга Труана и подносилъ ему десятокъ превосходныхъ соболей, и просилъ погостить; другіе уже наливали гостямъ крѣпкаго, хмѣльнаго меду, получая за это по двѣ или по три зеленыя стеклянныя бусы. Говоръ, крикъ и шумъ не мѣшали однакоже Стемиру присматриваться къ народу и искать глазами Любуши; наконецъ онъ увидѣлъ Предславу, сидѣвшую подъ лѣсомъ и спокойно наблюдавшую суету выгрузки, торговли, разспросовъ, радостей свиданья.... Онъ быстро подошелъ къ старухѣ и въ нѣсколькихъ словахъ узналъ, что его Любуша жива и здорова, что его Хорь выросъ и бѣгаетъ, но что съ нихъ не снята и долго еще не снимется рука Перуна. Растолкавъ толпу, онъ проворно добрался до предводителя, конунга Труана, распрощался съ нимъ крѣпкимъ рукожатіемъ, кивнулъ головой прочимъ товарищамъ и отправился добывать изъ лодки запрятанную тамъ небольшую, но довольно тяжелую котомку, зашитую въ кусокъ лошадиной шкуры. Ему помогалъ въ этомъ громадный, тяжелый, неповоротливый воинъ въ лаптяхъ, бѣлой, сильно загрязненной рубашкѣ и съ огромнымъ мечемъ, висѣвшимъ черезъ плечо на узкомъ ремнѣ. А въ это время старая Предслава на своемъ челнокѣ подплывала уже къ ихъ варяжской лодкѣ и приняла отъ нихъ вещи. Они пересѣли въ челнокъ, чужой воинъ сѣлъ въ весла, Стемиръ взялъ весло кормо-

вое, и всѣ трое отправились въ путь, огибая стрѣлку и варяжскія лодки и заворачивая въ Назью.

Могучій воинъ былъ родомъ Чудинъ, тоесть финнъ или, какъ онъ самъ себя называлъ, Суомалайнъ, по имени Гуды. Года три тому назадъ онъ спокойно жилъ и рыбачилъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ озеро Нево (Ладожское) устьемъ своимъ впало въ море. Варяги, остановившіеся тамъ на короткое время для починки своихъ лодокъ, увидѣли этого великана, захватили его, при чемъ едва не убили, и заставили грести, а потомъ тянуть лодку бичевою, такъ какъ въ устьѣ Нево, а потомъ и на Волховѣ, приходилось взбираться на пороги. Точно также, на стрѣлкѣ Назьи и Ловати, захватили они и Стемира, но не за ростъ и необычайную силу, а за то, что онъ былъ отличный плотникъ, и проворнѣе его едва-ли кто умѣлъ вычинить лодку, а чище, ровнѣе его никто не съумѣлъ-бы острогать стрѣлы. Такіе люди нужны были варягамъ въ ихъ военно-купеческихъ странствованіяхъ, и они забирали ихъ по закону своей силы. Стемиръ, во время долгаго пути черезъ волоки, по Днѣпру и по Черному морю, до самаго Царяграда, работалъ вмѣстѣ съ Гуды, сердечно полюбилъ его за добрую, мягкую, безотвѣтную натуру и особенно за страшную силу, которая постоянно ломила впередъ, не разбирая препятствій, и теперь, на обратномъ пути, зазвалъ его къ себѣ погостить.

Гуды согласился на это охотно, особенно потому, что онъ былъ почти дома, и для его могучихъ рукъ вовсе и трудомъ не было—спуститься на лодкѣ по Ловати въ Ильмень, перевалить черезъ озеро, спуститься по Волхову и черезъ озеро Нево добраться до устья его, тамъ гдѣ рѣчка Мья (впослѣдствіи Мойка), извиваясь по болотистому лѣсу, впадаетъ въ море.

— Ну, жена! Давай-ка сюда Перуньяго человѣчка! Какой онъ тамъ у тебя?—говорилъ Стемиръ, поздоровавшись съ женой на берегу и собираясь войти въ новую лачужку, построенную близь Предславы.

Женщины не хотѣли-было давать ему ребенка, представляя, что и на отца ляжетъ рука Перуна, если онъ прикоснется къ избраннику его, но Стемиръ ихъ не слушалъ.

— Полно, полно, — сказалъ онъ бабамъ, — всѣ мы подъ Перуномъ ходимъ; а въ грекахъ видали мы Перуна лицомъ къ лицу, когда царское войско насъ обдавало огнемъ изъ горшковъ муравленыхъ. Такъ-ли, Гуды? Помнишь ты того Перуна?

Гуды вспомнилъ, какъ они едва не погибли отъ такъ называемаго греческаго огня, какъ жестоко ему обожгло ноги, и добродушно-широко улыбнулся своимъ широкимъ ртомъ.

— Ну, Сварожичъ! молодецъ! — говорилъ Сте-

миръ, поставивъ сынишку на свои колѣна, такъ что мальчугану очень удобно было вцѣпиться въ его косматую русую бороду. Вишь, кудрявый какой!... Пойдешь со мной въ Царь-градъ? Хочешь?... Полюбуешься, братъ, увидишь то, чего вѣкъ тутъ не увидишь.... А, Гуды? правда?

А Гуды лежалъ въ углу на кучѣ вѣтвей, покрытыхъ рогожей, и уже начиналъ дремать. Онъ по природѣ способенъ былъ на продолжительный и самый тяжкій трудъ; даже варягамъ казалось, что онъ никогда не уставалъ. Но когда нечего было дѣлать, онъ становился вялъ, неповоротливъ, и спалъ по цѣлымъ днямъ.

Хозяйка между тѣмъ принялась за стряпню, и въ тоже время, одинъ за другимъ, собирались сосѣди, услышавъ о возвращеніи родича. Тащился старикъ Улѣбъ, мужъ вѣщуньи Предславы, и съ трудомъ волочилъ громадный медвѣжій окорокъ для угощенья Стемира и его гостя. Изъ за рѣки переплыла въ челнокѣ Свѣтлана, разспросить, что дѣлаетъ мужъ, въ прошломъ году уведенный въ Греки, и принесла огромнѣйшую щуку. Внучки Предславы принесли лукошко ягодъ и, не смѣя подойти къ Хорю, только кликнули его, поставили ягоды и отбѣжали прочь. Могута плылъ со стрѣлки, вымѣнявъ дочери красный платокъ на три пары горностаевъ, и заѣхавъ домой, везъ цѣлый жбанъ меду. Угоняй спѣшилъ къ доро-

гимъ гостямъ съ двумя лосьими языками, прокопчеными въ можжевеловомъ дыму,—самое тонкое угощенье. Щекъ торопился съ большимъ турьимъ рогомъ стараго, рѣдкостнаго меду, споткнулся и упалъ, и пролилась драгоцѣнная влага, такъ что ему осталось только подлизать нѣсколько капель. И много народу спѣшило къ Стемировой лачугѣ, посмотрѣть пріѣзжаго, покормить его отъ своихъ трудовъ и послушать о Царѣ-градѣ.

Въ Любушиной лачужкѣ не помѣстилась-бы и десятая доля всего этого народу, и стряпня началась на воздухѣ. Закурились небольшіе костры, и въ разныхъ мѣстахъ стало готовиться кушанье, а пріѣзжій родичъ переходилъ отъ одного гостя къ другому, отвѣчая на разспросы и братски лобызаясь. Отъ Свѣтланы трудно ему было отдѣлаться; она никакъ не хотѣла вѣрить, чтобы Стемиръ не встрѣтился съ ея мужемъ или на Днѣпрѣ, или на морѣ, или хоть въ Царѣградѣ. Щекъ десять разъ выражалъ сожалѣніе, что не донесъ меду. «А ужъ какой, братецъ ты мой, медъ! Отъ прачура достался!»

Къ вечеру пированье - почестный - пиръ дошло до того, что уже никто почти не обращалъ вниманія на Стемира и на его товарища Гуды, который покончивъ щуку, окорокъ молодаго вепря и лосій копченый языкъ, отрѣзывалъ себѣ ломоть медвѣжатины и принимался за него не торопясь, съ разстановкой. Только

старикъ Улѣбъ, тоже слегка подгулявшій, все разспрашивалъ Стемира, да Свѣтлана все ждала, не вспомнитъ-ли онъ чего-нибудь о мужѣ, и порою вмѣшивалась въ бесѣду.

— Нѣтъ, погоди! — говорилъ Улѣбъ; — вотъ, хорошо, стрѣла. А какъ у нихъ стрѣла? Также колотая, какъ наша, или струганая? Стрѣла, самъ ты знаешь, дѣло великое. Какъ ты ее сработаешь, такъ и она тебѣ поработаетъ. И какъ наконечники, сами куютъ, или тоже у нихъ есть своя Корела и Саволаксъ (финскія племена) — ковать эти наконечники?

— Свои, братъ, у нихъ есть, свои и колютъ, и стругаютъ, и куютъ: на всѣ руки у нихъ есть мастера, — отвѣчалъ Стемиръ. — У нихъ стрѣла длинная, потоньше нашей, и тоже летитъ, ничего....

— Вотъ и тоньше, — возражалъ Улѣбъ, — а зачѣмъ тоньше? и если тоньше, что ты на нее насадишь? великъ-ли будетъ наконечникъ? Не годится тоньше. А длиннѣе-то зачѣмъ?

— Луки у нихъ другіе, любезный ты мой, такъ какъ-же ты станешь длиннымъ-то лукомъ короткую стрѣлу пускать.

— Ну, греки, греки! — отвѣчалъ Улѣбъ насмѣшливо и презрительно. — Только слава, что греки, а на что, скажи ты мнѣ, длиннѣе нашего лукъ? Чего съ нимъ, съ долгимъ-то, возиться? Лукъ долженъ быть уютный, вотъ какой, весь тутъ, какъ есть, и не видать...

И онъ показывалъ руками какой долженъ быть лукъ и какъ онъ долженъ уютно прятаться на лѣвомъ боку чтобы хваталъ не ниже колѣна.

— А ты, можетъ, не сказываешь, — вставляла свое замѣчаніе Свѣтлана, — вѣрно мужа-то стрѣлой застрѣлили, а ты только такъ, не сказываешь?....

Поздно ночью гости разошлись и расплылись на своихъ челнокахъ, а нѣкоторые заночевали тутъ-же подъ открытымъ небомъ, на берегу тихой и прозрачной рѣки, подернувшейся легкимъ туманомъ.

На слѣдующій день Любуша разспрашивала Стемира о его житьѣ-бытьѣ въ варяжской неволѣ.

— Сначала трудно было, — отвѣчалъ Стемиръ, — и трудно такъ, что хоть въ воду. Поднялись мы по Ловати, тамъ перевалили черезъ волокъ, да въ Двину, а тамъ опять волокомъ въ Днѣпръ. Что-же это за рѣка! Что нашъ Волховъ! Рѣчка передъ нимъ нашъ Волховъ, больше ничего. Сначала все лѣса на немъ, а послѣ все поля пойдутъ, и народъ другой: Поляне зовутся, а все равно, тѣ-же наша братія, славяне....

— Да я не про то, лебедь ты мой бѣлый, — замѣчала Любуша. — Тебѣ-то, тебѣ каково было съ этими варягами? А что мнѣ тамъ Днѣпръ какой-то съ Полянами? Ну ихъ!...

— Мнѣ-то? Ну, сама знаешь, стерпится — слюбится. Да и правду сказать, варяги эти народъ хорошій. Сначала-то они строго насъ держали, и сказано было,

что если который попробуетъ бѣжать, тутъ-же и смерть, безъ разговору. Хорошо, что сказали, а я, признаться, подумывалъ, какъ-бы на утекъ. Чтожъ? Заставляли работать, это такъ, точно, да вѣдь работа намъ дѣло знакомое. Внизъ-то по Днѣпру и легко было, до самаго моря, а вотъ моремъ-то потрудились, нечего сказать! И не то, чтобъ они сами-то сложа руки сидѣли; нѣтъ; самъ конунгъ, значитъ ихъ старшина, по нашему князь, весломъ работаетъ не хуже нашего: ты только ему помогай. Какъ выбрались въ море, все оружіе припрятали на самое дно лодокъ, въ воду, и досками закрыли, будто купцы. Приплыли къ Царю-граду. Ну, одно слово, Царь-градъ. Палаты — грѣхъ сказать, — у самого бога Перуна такихъ палатъ не будетъ. Страсть! Золото, камень дорогой, въ окнахъ все стекло, и богу своему молятся и жертвы приносятъ не по нашему, не подъ небомъ божьимъ, а тоже въ палатахъ. Только разсказать этого всего никоимъ образомъ нельзя; одно слово—Царь-городъ. Домовъ, палатъ каменныхъ — видимо-невидимо, что деревьевъ въ лѣсу, и между ними все дороги, такія хорошія, ровныя. Сначала расторговались мы хорошо. Навезли эти варяги мѣховъ разныхъ, все больше соболь, векша, да бѣлка (горностай), и отдавали ихъ за деньги золотыя и серебряныя, за платки, за бусы, вотъ за эти самыя, что бабамъ нашимъ такъ полюбились. И какой-то смотритель, что-ли, грекъ, приставленъ былъ къ намъ,

всѣхъ насъ переписалъ, и такъ все время и не отходилъ. Да сталъ онъ насъ какъ-то притѣснять: видно въ грамотѣ своей не то писалъ, что надобно, или подать велику наложилъ. Только вижу наши-то стали на него такъ сурово поглядывать, что, думаю, быть худу! Однако обошлось какъ-то, ничего. Сколько тамъ времени прошло, глядь, опять князь Труанъ съ смотрителемъ этимъ связался. А на ту бѣду нашихъ было мало: разбрелись по пристани, земляковъ повстрѣчали, или покупателя ищутъ. Какъ крикнетъ князь Труанъ по своему! Какъ всполохнется народъ на пристани! А я, не будь дуракъ, за доски, выворотилъ кучу какого-то товара въ воду, да снизу-то оружіе и выкидываю, все знай выкидываю: мечи, копья, щиты, шишаки желѣзные. Похватали кто что поспѣлъ, и пошла свалка. Смотритель, разрубленный, давно уже въ водѣ; стража тутъ кое-какая была, та разбѣжалась, а мы, — нельзя-же на людяхъ и не погорячиться, — и я съ ними: нагрянули на лавки, да и нагрузились даровымъ товаромъ. А у нихъ и большая стража готова: цѣлымъ полкомъ выступила, и лодки сторожевыя со всѣхъ сторонъ надвигаться стали. Вотъ тутъ и пошла настоящая работа, и мой пріятель Гуды показалъ Царюграду, какая такая бываетъ Чудь бѣлоглазая. Если рубнетъ, такъ ужъ не иначе, какъ пополамъ человѣка разсѣчетъ. Помнишь, Гуды, кровавую-то работу?

Гуды, вспоминая страшную работу своихъ могучихъ

мышцъ, добродушно и широко улыбался, такъ что его глазки совсѣмъ изчезали.

Долго еще Стемиръ разсказывалъ своей Любушѣ о своихъ подвигахъ въ далекой землѣ. Оказалось, что на его долю изъ наторгованныхъ и награбленныхъ товаровъ досталось много добра, которое варяги ему охотно отдали, похваливая за расторопность и за находчивость. Принялись распарывать его котомку, и какъ раскрыли, такъ у Любуши глаза разбѣжались. Тѣхъ зеленыхъ бусъ, за которыя платили ея сосѣди по горностаю за штуку, было пригоршни три. Серегъ золотыхъ было восемь штукъ, не па̀рныхъ, какъ и слѣдовало по тогдашней модѣ. Въ одной сережкѣ былъ камень самоцвѣтный — какъ жаръ горѣлъ; въ другой камень—какъ дажбогова росинка на солнышкѣ, такъ и прыщетъ свѣтомъ, и переливается, и мигаетъ, и играетъ. Но когда Стемиръ вытащилъ изъ котомки большой красный шелковый платъ, а за нимъ другой, а тамъ третій, четвертый.... а пятый — по красному полю съ желтыми кругами, — Любуша не выдержала, бросилась къ Стемиру на шею и заплакала отъ удовольствія.

Послѣ, когда Любуша отдавала два платка внучкамъ Предславы, то старшая, Лилюша, не хотѣла брать, потому что вся семья Хорька была еще подъ рукою Перуна, а младшая, Тана, взяла тотчасъ, повторяя стемировы слова, что всѣ мы подъ богомъ

Перуномъ ходимъ. Старуха Предслава разрѣшила и старшей взять подарокъ, обѣщая умилостивить Перуна приношенiемъ перваго сота, какой въ нынѣшнемъ году вынетъ изъ своихъ ульевъ.

III.

Въ Купальный день на стрѣлкѣ, при впаденiи Назьи въ Ловать, народу собралось множество, почти все прибрежное населенiе обѣихъ рѣкъ. Богомилъ, избранный старшина-князь обѣихъ рѣкъ, принесъ въ жертву Перуну бѣлаго козленка и чернаго пѣтуха, и отошелъ къ старикамъ, которые собрались потолковать о нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ, а молодежъ осталась плясать и пѣть вокругъ костра.

Родъ Богомила сидѣлъ на рѣкахъ Назьѣ и Ловати. Ниже этого рода сидѣлъ, по той-же Ловати, у самаго озера Ильменя и по озеру, другой родъ, Борислава, и считался младшимъ, или потому, что онъ откуда-нибудь выселился туда позже, или произошелъ отъ первоначальныхъ поселенцевъ Назьи. Каждый родъ состоялъ изъ дальнихъ и ближнихъ родственниковъ, и управлялся каждый своимъ старшиною-княземъ, который обыкновенно былъ избираемъ изъ числа старѣйшихъ и умнѣйшихъ родичей и очень часто былъ далеко не старшимъ по лѣтамъ. Осторожность

требовала, чтобы старшина-князь, имѣвшій право распоряжаться самостоятельно, какъ отецъ многочисленной семьи, совѣтовался въ важныхъ случаяхъ съ стариками. Одинъ изъ такихъ случаевъ подвернулся и на этотъ разъ. Позвали и Стемира въ число стариковъ, не потому, чтобы онъ былъ старъ, а потому, что онъ человѣкъ бывалый, былъ въ Царѣградѣ, водилъ дружбу не только съ варягами, а съ самимъ Труаномъ, стало быть не одинъ топоръ, но и мечъ хорошо знакомъ его рукѣ. А на этотъ разъ дѣло было такое, что могло кончиться дракой.

Въ то время, какъ здѣсь, на Назьѣ, едва не погибъ маленькій Стемирышъ Хорь, въ двадцати верстахъ ниже, на самомъ озерѣ Ильменѣ, въ родѣ Борислава, среди весеннихъ игрищъ, молодой рыбакъ изъ Богомилова рода, именемъ Путша, уговорилъ красавицу Людмилу уйти съ нимъ на Назью и стать его женою. Такъ и сдѣлалось. Черезъ два или три дня Путша привелъ свою жену къ старшинѣ Богомилу, объявился, а старшина спросилъ его, какъ и слѣдовало по обычаю, есть-ли у него чѣмъ заплатить за выкраденную жену, потому что ея родъ непремѣнно потребуетъ вѣно, то есть вознагражденіе родственникамъ за дѣвушку. Путша отвѣчалъ, что вѣно у него готово. Тѣмъ дѣло и кончилось. Бориславовъ родъ сначала бросился за озеро, въ Новгородъ, потому что на праздникѣ были молодые ребята и оттуда; но тамъ Людмилы

не было. Скоро однако стало извѣстно, что она благополучно проживаетъ на Назьѣ. Пріѣхалъ братъ Людмилы, и требуетъ вѣно не въ сорокъ соболей, какъ приготовилъ Путша, а два сорока съ половиной, да полсорока *золотниковъ*, какъ тогда назывались червонцы цареградскіе. Путша прогналъ родню своей жены и пришелъ жаловаться старшинѣ Богомилу. А старшина его прогналъ, крѣпко наказавъ, чтобъ онъ дѣло покончилъ какъ знаетъ, только миромъ. Торговались долго, и дѣло дошло до того, что бориславовскіе уперлись въ своей цѣнѣ, а богомиловскіе въ своей. Чтобы уладить дѣло, первые предложили весь споръ отдать на судъ третьему лицу, и выбрали для этого старшину-князя новгородскаго, Гостомысла. Разсказавъ все дѣло старикамъ, особенно для того, чтобы съ нимъ познакомился пріѣзжій, Стемиръ, старшина кончилъ такъ:

— Теперь уже не о Путшѣ рѣчь, не о Людмилѣ, не о томъ, велико-ли надо заплатить вѣно. И соболи, и золотники у насъ найдутся, да найдутся также и кулаки, чтобъ отломать бока бориславовскому роду. Это не порядокъ, чтобы младшій родъ упрямился и не слушался старшаго. Наши пращуры впередъ сѣли по Назьѣ, а отсюда пошли колѣна на Ловать, на Ильмень, на Шелонь, на Волховъ и на волжскія озерныя верховья. Противъ Назьи и Новгородъ молодъ: выселокъ нашъ, и только. Стало быть не

обидно-ли будетъ взять намъ Новгородъ судьею? Не будетъ-ли отъ этого ущерба нашему роду, и не лучше-ли упереться и погодить?...

Совѣтовъ было много. Одни говорили, что надо заплатить, развязаться, а Путшу отдать и съ женою въ кабалу на пять лѣтъ тому, кто возьмется за него заплатить. Другіе совѣтовали ничего не платить, а обломать только бока всему бориславовскому роду. Третій совѣтовалъ погодить и посмотрѣть, что будетъ. Стемиръ, принявшій нѣсколько варяжскій складъ мыслей, совѣтовалъ сначала заплатить вѣно, а потомъ налетѣть на озеро и ободрать бориславовцевъ какъ липку. Спорили долго, говорили много, кричали, ссорились, и рѣшили на томъ, чтобы взять судьей Гостомысла новгородскаго, потому что война и ссора есть дѣло, богамъ не угодное. Не дожидаясь конца праздника, шестеро стариковъ съ Богомиломъ сѣли въ большую ладью, взяли человѣкъ пять гребцовъ-охотниковъ изъ молодежи, и поплыли внизъ къ озеру. Они попали на озеро къ вечеру перваго дня праздника, были приняты Бориславомъ со всѣмъ почетомъ и радушіемъ, какіе требовались обычаемъ, поужинали роскошно и сытно, и заночевали. На другой день, тоже къ вечеру, ладьи Борислава и Богомила, пробившись долго на озерѣ съ противнымъ вѣтромъ, вошли въ Волховъ, и черезъ нѣсколько времени ужъ бросали сходни на крутой лѣвый берегъ, застроенный

лачугами, мазанками и избами, и обнесенный частоколомъ. Это былъ новый городъ или Новгородъ. Былъ только второй день Купальнаго праздника. Хороводныя пѣсни далеко разносились по волнамъ; народъ толпился на берегу, и тотчасъ нашлись охотники проводить пріѣзжихъ стариковъ къ старшинѣ князю. Гостомыслъ пировалъ съ новгородскими старшинами и съ однимъ старшиною съ волховскихъ пороговъ, гдѣ, по случаю очень легкаго и всегда удобнаго лова рыбы, давно уже сидѣлъ одинъ изъ славянскихъ родовъ. Въ тотъ день, конечно, не удалось завести рѣчь о дѣлѣ. Употчиванные за ужиномъ гости мирно проспали до утра. А на другой день Гостомыслъ позвалъ ихъ въ просторную избу, построенную нарочно для совѣщаній, и прямо приступлено было къ дѣлу. Выслушавъ всю исторію и согласіе обѣихъ сторонъ выбрать его на этотъ случай судьею, Гостомыслъ низко поклонился гостямъ во всѣ стороны и усердно благодарилъ за почетъ, ему оказанный, и довѣріе, но тотчасъ прибавилъ, что онъ судить не будетъ, потому что добра отъ этого не ждетъ, и униженно просилъ уволить его отъ такой тяжкой обязанности.

Пріѣзжіе старики не ожидали подобной дерзости и съ недоумѣніемъ между собой переглянулись. Словоохотливый старикъ объяснилъ имъ свой отказъ. «Не прогнѣвайтесь, господа честные, — говорилъ онъ съ поклонами.—Взыщите съ меня какую хотите пеню,

только не принуждайте давать судъ. И первое дѣло: судъ безъ расправы все равно, что лукъ безъ стрѣлы, что ладья безъ веселъ. По моему выходитъ, ужъ если разсудилъ, то и расправься такъ, какъ по суду вышло; а если нѣтъ власти расправиться, такъ лучше не срамиться. А другое дѣло: у насъ завсегда судья виноватъ и терпитъ похмѣлье не въ своемъ пиру, а въ чужомъ. Вотъ тоже не хуже вашего въ прошломъ году выбрали меня судьей наши съ пороговъ и Ижора, съ невскаго устья. Я, грѣшнымъ дѣломъ, разсудилъ какъ умѣлъ, и вышла у меня Ижора, народъ смирный, тоже изъ Чуди бѣлоглазой, права. Чтоже? Наши-же меня и побили, отчего такъ разсудилъ. А третье дѣло: что-же Новгородъ за судья матушкѣ нашей Назьѣ? Вѣдь мы всѣ, и прадѣды наши, съ Назьи пошли, такъ не вѣрнѣе-ли будетъ намъ къ ней судиться ѣздить, а не то чтобы ее судить? Есть и четвертое дѣло, господа честные: рѣчь идетъ у васъ не о соболяхъ, не о золотникахъ; объ этомъ и разговору-бы не было. У васъ посѣяно было вѣно, а выросла война и ссора. Обѣ стороны уперлись не за соболей, а за то, что вотъ я самъ себѣ господинъ, а ты своего носу ко мнѣ не суй, и тебѣ я не поклонюсь ни въ чемъ.

Какъ ни отговаривался старикъ отъ чести порѣшить споръ между двумя родами, спорщики ничего не хотѣли слушать.

— Не хорошо, отецъ, не хорошо, — говорилъ съ важностью Богомилъ; — мы сюда пришли не старшинствомъ считаться и выбрали тебя не за то, что ты городской старшина. Городъ намъ не указъ, и Назья знаетъ не хуже кого другаго, что она здѣсь въ переднемъ углу сидитъ. А за то мы тебя выбрали, что у тебя умъ и разумъ есть, и некупленый, а свой, и за то, что Новгородъ моложе Назьи и моложе Ловати, и отъ суда не постарѣетъ онъ, не станетъ старше отца-матери, дѣда и прадѣда.

Долго отнѣкивался Гостомыслъ, потомъ еще разъ подробно переспросилъ обѣ стороны, немножко подумалъ и наконецъ сказалъ:

— У насъ въ городѣ, дѣдушка Богомилъ, вѣно какъ-то ужъ не то стало. У васъ подъ деревьями вѣно, по старинѣ, платится родителямъ или родичамъ, если дѣвушка выходитъ изъ своего рода въ другой, а если остается въ родѣ и выходитъ за мужъ за родича, то считается, что грѣхъ—вѣно взять, и тогда женихъ только даритъ родню невѣстину чѣмъ похочетъ, безъ торгу. Вамъ, положимъ, безъ этого и нельзя. Отдать дѣвушку изъ своего рода въ чужой невыгодно: работница для рода пропадаетъ, а выйдя замужъ станетъ работать на чужой родъ; стало быть тотъ, кто ее беретъ, долженъ заплатить за прокормъ, за все то время, какъ она на свѣтѣ живетъ. А въ городѣ у насъ другое дѣло. Всѣхъ родовъ живетъ у насъ пять,

и стали ужъ путаться, со счету сбиваться; да и опять-же дѣвушекъ въ городѣ много, народъ у насъ гулящій, непосѣдъ: тотъ на Волгѣ съ Хозарами торгуетъ, тотъ за товаромъ уѣхалъ на Бѣло-озеро, въ Весь, тотъ въ Кривичахъ пропадаетъ, тотъ съ Варягами шляется. Дѣвушки и сидятъ, и мы за нихъ вѣна не просимъ, а пожалуй еще и приданое даемъ, а ужъ по крайней мѣрѣ за невѣстой идетъ столько приданаго, сколько отъ жениха заплачено въ вѣно. Такъ-бы и въ деревняхъ надо: пусть-бы одинъ родъ бралъ дѣвушекъ у другаго безо всякаго выкупа, безъ вѣна, потому это дѣло мѣновое: сегодня мы у нихъ взяли дѣвушку, а завтра они у насъ возьмутъ, и — въ разсчетѣ. Стало быть мой совѣтъ такой, чтобы богомиловцы ничего не платили, съ уговоромъ, что и бориславовцы ничего не заплатятъ, если и имъ случится вывести невѣсту съ Назьи.

Крѣпко призадумались обѣ стороны, когда Гостомыслъ отвѣсилъ имъ свои обычные заключительные поклоны. Бориславъ и старики его неласково простились съ хозяиномъ, сердито спустились по тропинкѣ крутаго берега къ Волхову и съ гнѣвомъ стали усаживаться въ свою ладью. Пока дожидались они своей молодежи, замѣшавшейся въ городскіе хороводы, такъ-какъ былъ третій день праздника, гнѣвъ стараго Борислава понемногу выступалъ наружу.

— Разсудилъ!—ворчалъ онъ себѣ въ бороду, но

понемногу говорилъ громче и громче.—Вотъ ужъ разсудилъ! А еще говорятъ—умъ-разумъ некупленый. Это у него, выходитъ, не разумъ въ головѣ, а солома одна. Хороша голова—соломой набита!... Вѣна не брать! Да если такъ, такъ лучше на свѣтѣ не жить! Голова! Да развѣ онъ установилъ вѣно, что онъ его отмѣняетъ! Съ прадѣдовъ нашихъ, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, вѣно установлено, а онъ: не надо! И точно, что солома! Отцами и дѣдами установлено, а не надо? Чудное дѣло! Это не судъ, не правда, а одна только кривда! Это онъ только въ угоду старой лисицѣ Богомилу такъ рѣшилъ дѣло, чтобы эта Назья поганая только насъ, озерныхъ, на смѣхъ поднимала, чтобы нашему роду прохода нигдѣ не было. Это я знаю, это не спроста, потому-что у кого-же языкъ поворотится противъ старины слово сказать? У нихъ это давно задумано, чтобы наше озеро Ловати да Волхову въ кабалу отдать. Чуть зима, такъ гдѣ рыбки половить, какъ не на озерѣ? А въ заморозки гдѣ тростнику нарѣзать, какъ не на озерѣ? Чтоже? Въ кабалу мы имъ не дадимся, это ужъ пусть они не думаютъ...

—Да,—замѣтилъ задумчиво одинъ бѣлый какъ лунь старикъ:—старину колебать не годится! Кто старину колеблетъ, тотъ самъ въ старики не попадетъ...

—Онъ пусть лучше не думаетъ старину поколебать,—подхватилъ Бориславъ;—что дѣды установили,

того пустыми рѣчами не сдвинешь, боги этого не потерпятъ. Вѣно! Вѣно установлено потому, что нашему роду, напримѣръ, нужна жена и работница— ну и заплати за нее, если въ своемъ родѣ нѣтъ. И вѣкъ будетъ міръ стоять, и вѣно будетъ стоять!... Нѣтъ, это они только морочатъ насъ, чтобы принизить противъ Назьи, да мы не мальчишки, тоже....

Гнѣвъ стариковъ, поджигавшихъ другъ друга, расходился до того, что когда стала собираться ихъ молодежъ, Бориславъ своими руками прорубилъ дно у ладьи Богомила и велѣлъ одному изъ молодцовъ, принеся съ берега навозу, разбросать его по лавкамъ ладьи. Раздосадованные старики, волнуясь все больше и больше, и очень довольные тѣмъ, что повредили богомиловцамъ и нанесли имъ оскорбленіе, отчалили отъ берега, продолжая увѣрять себя, что они не мальчишки, и что Назью надо впередъ называть *навья*, что означало вообще покойника, и тоже мертвечину.

Богомилъ, совершенно довольный рѣшеніемъ, побесѣдовалъ еще съ Гостомысломъ и потомъ вмѣстѣ съ нимъ пошелъ посмотрѣть хороводы, имѣвшіе въ то время религіозное значеніе. Обошли они два конца, посмотрѣли два хоровода; но подходя къ третьему, услышали, какъ бориславовцы обидѣли, опозорили не только старшину-князя съ Ловати и Назьи, но—что было уже самою непростительною дерзостью,—гостя старшины-князя Гостомысла. При этомъ извѣстіи у

Гостомысла волосы поднялись на головѣ. Какъ? Оскорбить такимъ ненавистнымъ образомъ гостя, прибывшаго въ Новгородъ, да еще по такому священному дѣлу, какъ полюбовный третейскій судъ? Да какъ Дажбогъ вытерпѣлъ это страшное нарушеніе уважаемыхъ обычаевъ? Какъ весь Новгородъ не вспыхнулъ отъ такого неслыханнаго оскорбленія своего старшины-князя?

А разгоряченные бориславовцы забыли, что они оскорбляютъ не однихъ прямыхъ противниковъ своихъ, но въ тоже время вооружаютъ противъ себя весь Новгородъ, который въ самомъ дѣлѣ вспыхнулъ, только что разошелся объ этомъ слухъ. Особенно пылали молодыя головы. Хороводы разстроились, густая толпа обступила Гостомысла, который кланялся въ поясъ Богомилу, прося его прощенія за нанесенную ему обиду. Одинъ изъ толпы, особенно горячая голова, по имени Вадимъ, крикнулъ: «Не кланяйся, отецъ! Не надо!» И вся толпа загремѣла тоже самое. Это означало, что городъ беретъ дѣло на себя и расправится съ оскорбителями. Старшина повиновался, выпрямился, поправилъ на себѣ шапку изъ черныхъ соболей съ краснымъ верхомъ изъ цареградскаго шелку, и приказалъ къ завтрему готовить ладьи. Кто-то крикнулъ-было, что можно и сегодня снарядиться, но старшина спокойно повторилъ свой приказъ такимъ голосомъ, что возражать никто не

осмѣлился, взялъ подъ руку своего гостя и пошелъ съ нимъ домой.

IV.

Къ счастію бориславова рода, въ Новѣгородѣ было нѣсколько молодыхъ людей, пріѣхавшихъ изъ за озера на праздникъ. Въ виду предстоявшей опасности для ихъ рода, каждый изъ нихъ распорядился такъ, какъ ему казалось выгоднѣе. Нѣкоторые бросились въ лодки и поплыли домой, чтобы предупредить свой родъ и успѣть что можно спасти; другіе, видя враговъ съ полуночи и съ полудня, кинулись внизъ по теченію, въ пороги, подбивать тамошній родъ противъ Новгорода; третьи имѣли знакомства и связи съ Весью, народомъ финскаго племени, жившимъ отъ верховьевъ Мсты до Бѣлаозера. Несмотря на далекій путь и трудность плаванія вверхъ по быстрой рѣкѣ, они предвидѣли, что ссора пойдетъ надолго, и пустились по Мстѣ, отыскивать союзниковъ между Весью. Но большая часть молодыхъ людей торопилась прямо домой, черезъ озеро. Они гребли изо всѣхъ силъ, и ихъ мышцы, закаленныя въ трудѣ, работали какъ желѣзныя, и съ такою торопливостью, какъ-будто новгородцы уже сѣли въ свои лодки. Когда они выбрались въ озеро и можно было, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, поставить

паруса, нѣсколько лодокъ сблизились, и начался обмѣнъ опасеній, догадокъ и предположеній.

— Видишь, какъ осерчали! — говорилъ одинъ.

— Разорятъ, братецъ ты мой, и дохнуть не дадутъ, — замѣчалъ другой.

— А все этотъ Бориславъ козлиная борода! Расходился на старости лѣтъ, а какъ-то придется расхлебывать?

— И вѣдь пособить-то некому. Развѣ на Шелонь удариться?

— И то! Шелонскіе молодцы, народъ озерной, какъ и мы, конечно нашу руку потянутъ, а на нихъ новгородцы-то не очень горячо ударятъ, потому что за Шелонью Псковъ стоитъ: сила!

— Дѣло! Заворачивай, ребята, въ Шелонь. У кого тамъ есть рука?

Крутымъ поворотомъ рулеваго весла двѣ лодки взяли на западъ, въ устье Шелони, впадающей тоже въ Ильмень.

Въ одно время съ Бориславомъ, плывшимъ домой не торопясь, въ устье Ловати вошли и лодки вѣстниковъ объявленной войны. Старшина-князь сначала не хотѣлъ вѣрить и думалъ объяснить дѣло хитростью Богомила, который съумѣлъ поднять на него новогородцевъ; но потомъ ему разсказали, какъ было дѣло въ Новѣгородѣ, и тогда онъ согласился, что Гостомыслу невозможно было поступить иначе, какъ велѣть

снаряжать лодки. Старикъ, охранитель старинныхъ преданій и обычаевъ, понялъ очень хорошо, что онъ сгоряча совершилъ непростительное преступленіе противъ важнѣйшаго изъ обычаевъ, гостепріимства, и упрекая себя въ горячности, не зналъ, на что-же теперь ему рѣшиться.

Между тѣмъ народъ собирался на сходку, а это дѣлалось не скоро, потому что тогдашнія селенія разбросаны были на значительныя пространства, а бориславовъ родъ былъ многочисленъ: въ немъ нашлось-бы болѣе полуторы тысячи дымовъ, еслибы кому-нибудь тогда пришло въ голову заняться подобнымъ счетомъ. Сходкѣ, по настоящему, не о чемъ было разсуждать, потому что ссоры съ сосѣдями въ то время происходили очень часто и исходъ ихъ бывалъ обыкновенно миръ, только послѣ сильной потасовки и значительнаго разоренія иногда одной стороны, а чаще обѣихъ. Сопротивляться нападенію многочисленныхъ новогородцевъ—нечего было и думать, особенно потому, что съ другой стороны могли напасть богомиловцы. Въ такомъ случаѣ былъ-бы поголовно избитъ весь родъ. По этому, только что собралась на берегу порядочная кучка народу и Бориславъ спросилъ: кого-же захочетъ міръ выбрать воеводой, чтобы вести воиновъ, то поднялись довольно согласные крики, обвинявшіе его въ томъ, что онъ упрямствомъ своимъ погубилъ весь свой родъ, что теперь не до войны, когда враговъ

наберется четверо на одного. Старшинѣ послышалось даже, будто нѣкоторые голоса говорили о томъ, чтобы выдать его Гостомыслу головою. Ясно, что надо было уходить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

По всему берегу поднялась суматоха неслыханная, крики ребятъ и причитанье бабъ, особенно усердно бранившихъ старшину за то, что онъ довелъ всѣхъ до такой бѣды. Снаряжали лодки; въ нихъ складывались рыболовныя сѣти и небольшое количество добра, которое оставалось наружи. Все-же то, что было подороже, мѣха, цареградскія монеты, запасы меду и рѣдкіе, только у богачей бывшіе небольшіе запасы вина, были зарыты, съ надлежащими заговорами и волхвованіями, въ лѣсу, въ крѣпкихъ и вѣрныхъ мѣстахъ. Нельзя было взять съ собою на легкія лодки только коровъ и овецъ. За то въ лѣсъ къ пастухамъ были посланы два старика, отлично знавшіе всѣ мѣста по берегу, чтобы перегнать стадо на Шелонь, къ сосѣднему и дружественному роду столѣтняго старшины-князя Крока, державшагося съ одной стороны Новагорода, а съ другой псковскихъ славянскихъ родовъ.

По мѣрѣ изготовленія, цѣлый вечеръ, всю ночь и весь слѣдующій день лодки выходили въ озеро и направлялись къ гостепріимной и дружественной Шелони, а устье Ловати мало по малу пустѣло. Старшина Бориславъ, по обычаю, долженъ былъ отплыть послѣднимъ, если хотѣлъ сохранить между своимъ родомъ

хоть небольшой остатокъ уваженія. Со страхомъ поглядывалъ онъ на озеро и торопилъ отсталыхъ своихъ родичей, давая совѣты охотникамъ, остававшимся въ сосѣднемъ лѣсу для наблюденія за дѣйствіями ожидавшихся враговъ и для того особенно, чтобы не дать имъ слишкомъ свободно хозяйничать въ лѣсу, отыскивая тайниковъ съ зарытыми богатствами.

Новогородцы, выходя на берегъ, нашли одни опустѣлые дома, кое-что изъ деревянной посуды, разную домашнюю мелочь, оставленную по малоцѣнности, кое-гдѣ бродившихъ куръ, которыхъ заботливыя хозяйки не успѣли переловить, и нѣсколько праздношатающихся свиней, по своему дикому нраву непокорныхъ распоряженіямъ пастуха. Прежде всего найдена была изба старшины и сожжена. За тѣмъ разсыпавшіеся по берегу новогородцы подпаливали вдругъ по нѣскольку лачугъ, другіе стрѣляли куръ, и короткія стрѣлы ихъ, на близкомъ разстояніи, пронизывали насквозь испуганныхъ пожаромъ хохлушъ. Тутъ гурьба молодыхъ людей свѣжевала свинью и готовилась ее жарить; а тамъ другая толпа со смѣхомъ преслѣдовала одичалаго борова, осыпая его стрѣлами, и бѣдное животное, на которомъ попавшія стрѣлы торчали новою щетиной, бросалось въ разныя стороны. Здѣсь нѣкоторые молодцы разметываютъ горячую золу быстро сгорѣвшей избы старшины и копаются подъ печкой, надѣясь отыскать тамъ что-нибудь запрятанное изъ дорогихъ вещей;

въ другомъ мѣстѣ пожилой огромный новгородецъ нашелъ отлично сдѣланный маленькій деревянный мечъ-игрушку, и смѣется съ товарищемъ надъ этимъ невиннымъ оружіемъ.

Такъ гуляли новгородцы до тѣхъ поръ, пока оставалась возможность хоть что-нибудь истреблять и уничтожать; а между тѣмъ избранный на этотъ походъ воевода Моиславъ совѣщался съ нѣсколькими охотниками, какъ-бы пробраться въ лѣсъ и тамъ пошарить. Моиславъ былъ извѣстнымъ головорѣзомъ въ Новѣгородѣ, и нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ самъ вызвался сопровождать въ Царь-градъ проѣзжую варяжскую дружину. Тамъ онъ поступилъ на греческую службу, дрался въ Азіи и въ Европѣ, прошелъ сквозь огонь и воду и вернулся на родину въ одно время съ Стемиромъ. Подручнымъ своимъ, или адъютантомъ, онъ назначилъ молодаго, но уже извѣстнаго молодецкими подвигами Вадима. Количества своихъ подчиненныхъ онъ хорошенько не зналъ; сами собою, безъ вызова, пристали къ нему самые бойкіе молодые люди, человѣкъ двадцать пять, и рѣшились проникнуть въ лѣсъ. Моиславъ, потерявшій въ подобныхъ попыткахъ правое ухо и почти весь подбородокъ, былъ такъ благоразуменъ, что прежде всего вызвалъ охотниковъ пробраться къ устью Назьи, повѣстить Стемиру и тамошней молодежи, какъ оскорбленъ былъ въ городѣ ихъ старшина и какъ уже гуляютъ новгородцы на озерѣ.

Это было очень опасное порученіе. Бориславовцы, оберегая лѣсъ, должны были пуще всего бояться, чтобы на нихъ съ другой стороны не нагрянули богомиловцы, и потому должны были принять мѣры, чтобы кто нибудь рѣкой не пробрался на Назью, а также если и горой кто пойдетъ, чтобы перехватить. Охотниковъ нашлось четверо: двое должны были пробираться лѣсомъ по правому берегу Ловати, другіе двое по лѣвому; а рѣкою плыть—не надо было и думать, потому что она узка, берега ея поросли частымъ кустарникомъ, и навѣрное засады съ мѣткими стрѣлами и легкими копьями съ обѣихъ сторонъ ожидаютъ неосторожныхъ гонцовъ.

Моиславъ-воевода десять разъ повторялъ своимъ гонцамъ, чтобъ они только отыскали Стемира и только сказали-бы ему, что на устьѣ Ловати ждетъ его безухій Моиславъ; такъ и скажите: ждетъ Моиславъ безухій. Ужъ онъ знаетъ. Да еще отъ нечего дѣлать спитъ у него чудинъ, прозывается Гуды, и тому скажите, что Моиславъ на озерѣ сидитъ и ждетъ. Ну, Дажбогъ вамъ пособляй! Ступайте, да такъ и скажите: ждетъ, молъ, на озерѣ сидитъ.

Вѣстники разошлись, и долго видно было, какъ они пробирались берегомъ, переходя отъ одной группы къ другой, отъ одного пепелища къ другому, какъ-будто имъ и дѣла нѣтъ до лѣсной опушки; а сами все высматривали, гдѣ-бы вѣрнѣе не наткнуться на засаду.

Прошло двое сутокъ. Большая часть новгородцевъ уѣхала назадъ въ городъ, вдоволь натѣшившись разрушеніемъ и не увезя съ собою ничего, кромѣ колоссальнаго китоваго ребра, стоявшаго на жертвенномъ холмѣ въ видѣ воротъ. При дѣдахъ еще этотъ трофей былъ завезенъ къ устью Ловати какими-то молодцами, ѣздившими погулять за Волховъ и невское устье, къ Чуди бѣлоглазой, въ Суомалайнъ. Только Моиславъ съ своею дружиной въ первыхъ кустахъ лѣсной опушки выжидалъ времени, когда Стемиру приходилось, по разсчету, ударить на бориславовскую стражу.

Лѣсъ былъ по прежнему безмолвенъ, какъ-будто въ немъ живой души не было. Можетъ быть гдѣ-то стрѣла, безмолвно пущенная съ тугаго лука, воткнулась въ человѣческую грудь, прикрытую только бѣлою льняною рубашкой, или въ зоркій глазъ, смотрѣвшій не въ томъ самомъ направленіи, гдѣ былъ врагъ, и въ двухъ, трехъ мѣстахъ лежатъ уже мертвыя тѣла, и волкъ-сыромахъ жадно нюхаетъ воздухъ, чтобы бѣжать на готовую свѣжую добычу. А можетъ быть осторожные вѣстники, какъ змѣи, непримѣтно проползли между зоркою, но рѣдко разставленною стражей, и по рѣкѣ уже спускается стемирова дружина, и разсыпается по лѣсу, высматривая дерзкихъ оскорбителей старшины-князя.

Какъ то около полудня, когда наступила обычная

въ это время тишина, Моиславу, притаившемуся съ двумя товарищами въ густой орѣшинѣ, послышалось, что въ лѣсной чащѣ, вдали, раздался протяжный, страшный ревъ будто смертельно раненаго человѣка, когда въ мученіяхъ тяжелой раны и безсильной злобы вылетаетъ духъ изъ могучаго тѣла. Въ тотъ же мигъ изъ широкой груди полудикаго цереградскаго воителя вырвалось пронзительное, рокочущее, безсловесное рыканіе и раскатилось по безмолвному лѣсу, какъ вой разъяреннаго медвѣдя. Изъ за рѣки послышался такой же вопль Вадима, и военныя дѣйствія начались.

Вотъ ползетъ въ высокой травѣ на четверенькахъ какъ будто странный какой-то звѣрь. Спина его покрыта круглымъ щитомъ, сшитымъ изъ воловьей шкуры, сложенной вчетверо. На головѣ желѣзный шишакъ; въ правой рукѣ два легкія копья, употребляемыя для бросанія ими въ живую цѣль; въ лѣвой—короткій, не длиннѣе полутора аршина лукъ, и стрѣла; грудь прикрыта лоскутомъ кольчуги, связаннымъ и вокругъ шеи и за спиною мочальными веревками. Онъ движется медленно, съ лисьей осторожностью, безъ малѣйшаго шуму. Забравшись въ кустъ, онъ осторожно поднимается на ноги, обутыя въ мягкія лапти, осторожно раздвигаетъ вѣтви руками и зорко смотритъ во всѣ стороны, наладивъ стрѣлу и слегка натягивая тетиву своего тугаго лука. Пронизавъ глазами лѣсную чащу,

онъ опять безъ шуму пробирается дальше. Вотъ земля становится сырѣе, кусты мельче, и открывается небольшое озеро съ низменными берегами, поросшими тростникомъ. Опытный воинъ знаетъ, что здѣсь-то и надо ожидать непріятеля, а также и добычи. Изъ ближнихъ къ озеру кустовъ окидываетъ онъ глазами гладкую поверхность воды, и старается примѣтить гдѣ-нибудь неестественно погнутый тростникъ или не природой повернутые листы водяныхъ растеній. Малѣйшее отступленіе отъ первобытно-дикаго положенія растеній могло-бы дать опытному воину указаніе на присутствіе врага. Ему самому часто случалось по цѣлымъ днямъ подстерегать непріятеля, спрятавшись въ воду по самую шею, покрывъ себѣ голову какимъ нибудь водянымъ растеніемъ, и прятать въ воду и голову, если приближавшійся непріятель былъ не подъ силу. Не разъ случалось ему просиживать, спрятавшись такимъ образомъ, по нѣскольку часовъ, держа во рту тростинку, сквозь которую проходилъ воздухъ, необходимый для дыханія, когда сильнѣйшій непріятель располагался на берегу отдыхать... Но вотъ тростникъ въ одной сторонѣ задвигался, кто-то ползетъ... Лукъ натянутъ съ такою силой, что жилы на рукахъ, кажется, готовы лопнуть,— и въ травѣ показывается большая выдра съ рыбою въ зубахъ, и спокойно располагается обѣдать. Терпѣливый воинъ медленно опускаетъ лукъ, и съ прежнею осторожностью пробирается кустами вдоль берега,

порою останавливаясь и прислушиваясь къ каждому малѣйшему лѣсному шуму.

Вотъ вдали какъ будто загудѣла струна тетивы, какъ будто охнулъ кто-то, падая въ кустарникъ и шурша вѣтвями. Съ быстротою осторожнаго, но рѣшительнаго волка идетъ онъ кустами по направленію шума, высматриваетъ, спѣшитъ, останавливается, и въ одинъ мигъ мѣткая стрѣла его впивается въ заднюю часть шеи непріятеля, который только-что поднялся, набивъ свой колчанъ стрѣлами убитаго новгородца. Съ воплемъ оборачивается раненый, вновь натягиваетъ свой лукъ, но не видитъ притаившагося въ кусту врага, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы самому спрятаться, но толстая новгородская стрѣла опять пронизываетъ ему шею уже спереди, и онъ падаетъ, обливаясь кровью. На вопль подстрѣленнаго товарища сближаются еще два бориславовца: сзади слышенъ какой-то шорохъ, и осторожный новгородецъ притаился какъ мертвый, выжидая, что будетъ. Но съ этой стороны свои: вотъ Моиславъ въ цареградскомъ шишакѣ, и съ нимъ еще двое. Съ другой стороны въ кустахъ мелькаетъ четверо или больше. Еще стрѣла летитъ въ противниковъ, выскакиваетъ воинъ изъ куста и бросается впередъ съ крикомъ: «Съ нами Новгородъ!» За нимъ кидаются товарищи, а бориславовцы, не выжидая смертельнаго столкновенія, спасаются бѣгствомъ, бросая копья свои, и луки, и

топоры, и стрѣлы. Вотъ одинъ изъ бѣглецовъ споткнулся и упалъ.... Побѣдители останавливаются, окружаютъ его, поднимаютъ, и съ той-же минуты плѣнникъ изъ свободнаго человѣка становится рабомъ Моислава.

Въ другомъ мѣстѣ лѣса хитрый новгородецъ замѣтилъ нѣсколько большихъ камней, неестественно сваленныхъ въ кучу, и тотчасъ понялъ, что подъ ними должно быть зарыто что-нибудь очень дорогое. Въ тѣ времена жители деревень, угрожаемые постоянно возможностью непріязненнаго столкновенія съ сосѣдями, зарывали все, что подороже, въ лѣсу, а въ домахъ держали только вещи обиходныя. Но въ подобныхъ мѣстахъ неподалеку скрывалась обыкновенно засада, такъ что приняться за работу откапыванья было опасно. Надо было призвать на помощь двухъ или трехъ товарищей. Но какъ это сдѣлать? Гдѣ найти товарищей, которые разбрелись по лѣсу и каждый ведетъ одиночную войну, или сталкиваясь съ непріятелями, или случайно ихъ минуя на далекое разстояніе? Не лучше-ли выждать, не покажется-ли какъ нибудь неосторожная засада? Не оползти-ли завѣтную яму издали, не заснулъ-ли сторожъ, спокойно лежащій въ кусту и уже много часовъ сряду ожидающій врага? И какъ-бы придумать такую хитрость, которая не извѣстна была-бы всѣмъ славянамъ, нерѣдко воевавшимъ вмѣстѣ противъ общихъ враговъ?... Въ раздумьѣ новгородецъ сталъ понемногу

пробираться дальше, не замѣчая, что за нимъ давно слѣдитъ болѣе зоркій врагъ, что онъ проползъ отъ него въ трехъ шагахъ. Какъ-то осторожно выставляя голову изъ куста, чтобы хорошенько осмотрѣться, новгородецъ упалъ безъ дыханія, поражонный ударомъ топора по головѣ.

Еще въ другой сторонѣ лѣса хитрецъ, выбираясь на открытую въ лѣсу поляну, — любимое мѣсто собраній русалокъ, — и остановясь въ крайнихъ кустахъ, чтобъ оглядѣться, замѣтилъ съ другой стороны поляны врага, который былъ въ такомъ же точно положеніи, и накладывалъ уже стрѣлу на тетиву. Быстрѣе молніи и этотъ схватился за свой лукъ, и оба вмѣстѣ нацѣлились. Къ счастію, поляна была такъ широка, что стрѣла едва могла-бы долетѣть до своей цѣли, и оба воина оставались нѣкоторое время въ нерѣшимости. Наконецъ одинъ изъ нихъ крикнулъ: «Что-же ты, плотникъ, струсилъ? Выходи!»

Новгородцы въ тѣ времена слыли за лучшихъ плотниковъ, но назывались такъ и въ насмѣшку, въ видѣ поддразниванья. Къ удивленію, новгородецъ не обидѣлся, а опустилъ свой лукъ и вышелъ на поляну. Онъ по голосу узналъ своего закадычнаго друга, Ставра, съ которымъ особенно близко сошелся въ городѣ, прошлою зимою, въ праздникъ Коляды, когда солнце - Дажбогъ одолѣваетъ зиму и входитъ въ силу. Этому Ставру онъ отдалъ въ жены свою

сестру, отпустилъ ее съ богатымъ приданымъ и получилъ за нее еще болѣе богатое вѣно.

— Выходи и ты, ершъ озерной! — сказалъ онъ съ усмѣшкой, выступая на поляну.

— Потанюшка! голубчикъ мой! — вскричалъ Ставръ, опуская свой лукъ. — Чуть было у насъ бѣда не стряслась. Спасибо Чуру дѣдушкѣ, что не допустилъ онъ до великаго несчастья! Да какими ты судьбами сюда попалъ? Еще третьяго дня утромъ говорила жена, что не скоро ты съ невскаго устья воротишься: вѣдь ты ѣздилъ за желѣзомъ?

Крѣпко обнявшись, оба родственника не остались на полянѣ, а ушли въ самую чащу и говорили шопотомъ. Въ тѣ времена семейныя связи должны были на каждомъ шагу уступать гораздо болѣе важной связи, родовой. Старшина рода считался общимъ отцомъ обширнаго семейства всѣхъ своихъ родичей, такъ, что всѣ родичи считались какъ бы стоящими въ одинаково близкой между собою степени родства; за то всякій иной родъ считался совершенно чужимъ, иногда только союзнымъ, но очень часто непріязненнымъ.

— Съ желѣзомъ покончили счастливо еще въ волховскихъ порогахъ, — отвѣчалъ Потанъ. — Чудь бѣлоглазая, вишь-ты, поумнѣла: стала сама возить желѣзо поближе къ намъ. Избаловалась тоже, одной рыбой питаться не хочетъ, ужъ и за хлѣбомъ вы-

бирается изъ своихъ трущобъ. Ну, а что сестра? Опять, видно, строиться придется? Чай избу-то сожгли?

— До чиста выгорѣла, — отвѣчалъ Ставръ; — а жена, чтожъ? жена у меня, самъ знаешь, что за хозяйка и что за работница: дѣло у нея въ рукахъ такъ и кипитъ, работаетъ точно на спѣхъ, въ перегонку съ кѣмъ-то... Да и голосиста-же! Какъ стала она ругать нашего князя, такъ вѣрно въ полъ-озера было слышно.

— По правдѣ сказать, и есть за что. А гдѣ она теперь? Куда всѣ ваши подѣвались? На Шелонь?

— А то куда-же? Извѣстно. Тамошній-то князь не нашей козлиной бородѣ чета: со всѣми живетъ въ мирѣ, одной рукой держится за Псковъ, другой за Новгородъ.

— Что и говорить. Не даромъ онъ живетъ за сто лѣтъ и слыветъ кудесникомъ. Нашъ Гостомыслъ-то съ нимъ часто пересылается, и меня раза два на Шелонь посылалъ...

Въ это время въ лѣсу опять послышались вопли, стоны и свирѣпый кликъ нѣсколькихъ голосовъ, такъ что наши друзья должны были разстаться.

— Смотри-же, Ставрушка, — говорилъ Потанъ; — никому ни слова про то, что мы встрѣтились, и женѣ своей не говори; а то знаешь, женскій языкъ...

— Да и ты, гляди, не проговорись, — отвѣчалъ

Ставръ. — Вѣдь мы съ тобой незаконно дѣлаемъ. Надо-бы намъ, по настоящему, другъ дружкѣ голову свернуть, такъ наше старичье похвалило-бы насъ. А мы что?.. Со свѣту старики сгонятъ, если узнаютъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ они разстались, въ лѣсу опять воцарилась зловѣщая тишина, и невѣдомо, что тамъ еще творилось подъ густолиственнымъ покровомъ первобытныхъ сосенъ и елей.

V.

Въ тотъ день, какъ съ устья Назьи ушли на озеро нѣсколько лодокъ съ вооруженными людьми, къ стрѣлкѣ приставалъ небольшой челнокъ. Когда онъ приткнулся поднятымъ носомъ къ песчаной отмели берега, на кормѣ его медленно поднялась высокая, худощавая фигура, одѣтая въ длинный, широкій балахонъ изъ толстаго чорнаго сукна. Изъ подъ надвинутаго на самые глаза капишона виднѣлось болѣзненно-блѣдное лицо съ ясно-голубыми впалыми глазами и рыжею бородой. Тонкій острый носъ выдавался впередъ, точно у покойника, а синіе круги подъ глазами показывали, что путникъ истомленъ далекимъ путешествіемъ. Онъ медленно вышелъ на берегъ, отыскалъ глазами полуденную сторону неба, поднялъ вверхъ свои длинныя руки въ широкихъ

рукавахъ, прошепталъ что-то и упалъ ницъ на песчаномъ прибрежьѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ поднявшись на ноги, онъ пошелъ по Назьѣ, всматриваясь въ лица попадавшихся навстрѣчу людей и присматриваясь къ избамъ, какъ будто не въ первый разъ онъ присталъ къ этому гостепріимному берегу. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ варягъ Рангвальдъ, лѣтъ за пять передъ тѣмъ брошенный на Ловати товарищами. Храбрая дружина удальцовъ, отправляясь на службу въ Царьградъ, была на нѣсколько времени остановлена болѣзнью одного изъ товарищей: онъ весь горѣлъ, сильно кашлялъ и былъ слабъ, какъ малый ребенокъ. Видно, болѣзнь посѣщала и желѣзныя скандинавскія натуры. Товарищи оставили больнаго на попеченіи Предславы, и отправились дальше. Старая вѣщунья поила его какими-то травами, настоенными на особенной ключевой водѣ, кормила какимъ-то мохомъ, дула на него какимъ-то дымомъ, призывала Дажбога, щура, волхвовала, и поставила на ноги. Суровый варягъ поправлялся медленно и въ то время, когда еще былъ слабъ и едва бродилъ, возился съ деревенскими ребятишками, научился у нихъ говорить по славянски, строилъ съ ними кораблики, а когда поздоровѣлъ вполнѣ, дѣло было уже къ осени и ни одинъ варяжскій отрядъ не проходилъ по Ловати, по этому «великому пути въ Греки», такъ что Ранг-

вальдъ принужденъ былъ зазимовать. Въ теченіе длинной зимы онъ помогалъ богомиловцамъ въ охотѣ, забавлялся съ ними въ Коляду, когда на стрѣлкѣ старшина князь, среди религіозныхъ хороводовъ, сожигалъ чучелу Мараны, или смерти, или зимы, привѣтствуя возвращеніе болѣе продолжительныхъ дней. А весною, когда полая вода начинала спадать, онъ присоединился къ отряду проходившихъ варяговъ, ушелъ въ греки, и теперь возвращался оттуда по прошествіи четырехъ лѣтъ.

— Чей ты, малецъ? — спросилъ онъ ласково у ребенка, игравшаго одиноко, поодаль отъ другихъ дѣтей.

— Я перуновъ, — отвѣчалъ мальчикъ, спокойно налаживая какую-то не хитрую западню для ловли чижей.—Меня нельзя трогать. Отойди.

— А отецъ твой кто? — спросилъ опять странникъ, знакомый уже съ тѣмъ обычаемъ, который назначалъ мальчика въ жертву Перуну.

— Отецъ Стемиръ, а мать Любуша, — отвѣчалъ ребенокъ, продолжая свою затѣйливую работу.

— Старые друзья, — сказалъ про себя странникъ. — А гдѣ вашъ домъ?..

Мальчикъ тотчасъ бросилъ свою игру и побѣжалъ къ дому, крича съ торжествомъ: — Мать! мать! къ намъ гость идетъ!.... и очень радъ былъ, что избавлялся отъ странника, наводившаго на него страхъ.

Красавица Любуша показалась на порогѣ своей хижины и низкимъ поясным поклономъ привѣтствовала гостя, придерживая одной рукой Хоря, который крѣпко уцѣпился за ея подолъ.

— Добро пожаловать, странникъ,—сказала она дружелюбно и привѣтливо, —хозяина нѣтъ, но и безъ него Дажбогъ поможетъ мнѣ почествовать гостя.

Первою и священнѣйшею обязанностью славянина въ ту пору было гостепріимство, и надо замѣтить, что обязанность эта имѣла свою пріятную сторону. Славяне жили отдѣльными родами, сносились съ сосѣдями очень рѣдко и ничего не знали о томъ, что дѣлается на свѣтѣ. Гость, прибывшій изъ далекихъ странъ, своими разсказами приносилъ новыя свѣдѣнія, расширялъ тѣсный кругозоръ полудикихъ предковъ нашихъ, и потому всегда принимаемъ былъ съ удовольствіемъ и почетомъ. Говорятъ, что славянину позволялось даже украсть, если это было нужно, для приличнаго угощенія странника.

Гость поклонился ей не такъ низко, и торжественно, медленно осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ. Любуша смотрѣла на него съ удивленіемъ, принимая сдѣланный имъ знакъ за какой-то невѣдомый для нея пріемъ волхвованія; но не долго продолжалось ея недоумѣніе: она узнала стараго знакомца.

— Ужъ не Рангвальдъ-ли ты, старый пріятель? — спросила она его, всматриваясь въ зна-

комыя, но сильно измѣненныя худобою черты лица гостя.

— Я былъ, правда, Рангвальдомъ, — отвѣчалъ онъ неторопливо и спокойно, — когда еще благодать Божія не осѣнила мой бѣдный разумъ; а нынѣ во святомъ крещеніи смиренный рабъ Божій Родіонъ.

— Рангвальдъ, или Родіонъ, все равно, добро пожаловать! Только скажи ты мнѣ по старой дружбѣ: поѣшь ты прежде, а вечеромъ въ баню, или не слишкомъ голоденъ и въ баню сходишь теперь? У меня топлена сегодня...

— Печешеся о мнозѣ,—прошепталъ Родіонъ, но объявилъ, что всего охотнѣе перекусилъ-бы теперь чего нибудь, да выспался, потому что давно уже чувствуетъ сильный голодъ и большую усталость.

Пока Любуша приготовляла ему ржаныя лепешки и жарила окуней, Родіонъ разспрашивалъ ее о сродникахъ, о томъ, что дѣлаетъ Богомилъ, давно-ли вернулся Стемиръ, что дѣлаетъ добрая вѣдьма Предслава и двѣ внучки ея; узналъ и причину войны, которая затѣялась съ сосѣдями, узналъ и о другомъ гостѣ, Гуды, и о Людмилѣ, молодой женѣ Путши (вѣдь мальчишкой былъ, какъ я собрался въ Царьградъ), и невольно разговоръ возвращался къ войнѣ, по поводу которой и князя не было дома, и та сосѣдка можетъ сегодня овдовѣть, и другая можетъ

потерять брата, а тамъ сироты останутся безъ отца-кормильца.

Подкрѣпившись изобильнымъ обѣдомъ, Родіонъ досталъ изъ маленькой котомки своей небольшой образъ Божіей Матери, прикрѣпилъ его въ уголку убогой хижины, сотворилъ передъ нимъ продолжительную и усердную молитву, спокойно улегся на мягкой постели изъ еловыхъ вѣтвей, покрытыхъ овчиннымъ одѣяломъ, и скоро заснулъ.

Любуша воспользовалась этимъ временемъ, чтобы, захвативъ съ собой Хорька, пойти къ ближайшей сосѣдкѣ своей, Предславѣ, и сообщить ей кое-что о своемъ гостѣ. Старый Улѣбъ только что возвратился съ рыбной ловли и ѣлъ свой любимый овсяный кисель.

— И какой онъ сталъ чудной, — говорила Любуша; — точно какъ будто и не онъ. Говоритъ, что онъ ужъ не Рангвальдъ, а какой-то Родіонъ, а такого имени даже не бываетъ. Мудрено что-то такое говоритъ, а какъ поѣлъ, да собрался спать, вынулъ дощечку небольшую, вотъ этакую, сдѣлалъ на себѣ знакъ и поцѣловалъ ее. Я и думаю: заговоръ это у него какой-нибудь, отъ дурнаго глаза, что ли, отъ хворости, отъ бѣдъ и напастей въ путешествіи. Только послѣ онъ эту дощечку привѣсилъ въ углу и палъ передъ ней на колѣна. Поглядѣла я, и что же ты думаешь? На дощечкѣ, точно какъ будто вотъ когда

въ воду посмотришься, такъ видно ясно изображена Мать съ Дитятею на рукахъ. Ликъ у нея такой свѣтлый, ясный, добрый, а младенецъ сидитъ, словно задумался, и смотритъ, смотритъ, точно живой. Передъ этой дощечкой какъ онъ стоялъ, какъ онъ шепталъ, какъ онъ приклонялъ голову къ землѣ, это я тебѣ и разсказать не могу. Вѣдь мы знаемъ Рангвальда, что онъ за человѣкъ: жесткій, суровый, одно слово — варягъ. Другимъ онъ сталъ человѣкомъ и въ разговорѣ-то: мягче гораздо, и по женски какъ-то, ласковѣе. А передъ этой дощечкой, передъ образомъ Матери,—будто ласковый младенецъ какой передъ матерью, и покоряется, и проситъ, и молитъ, и вѣритъ, и любитъ, и надѣется... Нельзя разсказать, что это такое было: свѣтъ какой-то новый по лицу его прошелъ, и жесткаго Рангвальда нашего ни за что-бы не узнать... А Мать съ Младенцемъ, какъ живые, смотрятъ на него такъ милосердо и ласково... Очень хорошее что-то дѣлалось съ нашимъ Рангвальдомъ, и не кудесничество это какое новое, не волхвованье, нѣтъ, ты, бабушка, этого не говори... Чудное что-то дѣлалось и хорошее...

Предслава призадумалась и внутренно рѣшила, что это новый цареградскій способъ волхвованья, которому ей, извѣстной въ цѣломъ краѣ вѣщуньѣ, слѣдуетъ поучиться у Рангвальда. Она сама обращалась иногда къ своимъ божествамъ съ мольбами, и ей слу-

чалось до восторженности проникнуться умственнымъ прикосновеніемъ къ божеству, и потому ее не удивлялъ разсказъ Любуши; а то, что въ немъ казалось непонятнымъ, она надѣялась узнать у самого Рангвальда.

На другой день, съ разсвѣтомъ, Предслава пришла навѣстить Рангвальда и, по обычаю, принесла ему гостинецъ, сотъ, наполненный янтарнымъ душистымъ медомъ. Варягъ выразилъ столько радости при видѣ старухи, столько искренней благодарности за ея заботы о его выздоровленіи, что вѣщунья удивилась. Суровый Рангвальдъ не былъ такъ благодаренъ и въ то время, когда она только что поставила его на ноги, а съ тѣхъ поръ прошло цѣлые четыре года, такъ, что можно бы успѣть и позабыть.

— Вотъ кто заплатитъ тебѣ въ будущей жизни! — такъ кончилъ Родіонъ, съ благоговѣніемъ смотря на икону, и, сложа руки, шопотомъ прочелъ молитву.

Предслава смотрѣла на него пытливо, но не разспрашивая ничего, рѣшилась прежде отвести гостя къ тому ключу, изъ котораго она умывала его во время болѣзни, и тамъ, у громовой криницы, поговорить съ нимъ по душѣ. Родіонъ охотно согласился, и они пошли. Слѣдомъ за ними пошла Любуша, а за нею, крѣпко держась за подолъ, маленькій Хорь. Внучки предславины, замѣтивъ, что гость направляется къ самой торной изъ лѣсныхъ дорожекъ, къ

громовой криницѣ, пошли слѣдомъ. Со стороны гостя считалось какимъ-то долгомъ вѣжливости — поклониться уважаемой въ родѣ святынѣ, и этотъ обрядъ совершался обыкновенно въ присутствіи нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей, которые являлись туда безъ особаго приглашенія, какъ на маленькій полусемейный праздникъ. Эта криница, или этотъ ключъ, по преданію, былъ выбитъ изъ земли стрѣлою Перуна, почему въ немъ и осталась часть живительной и цѣлительной силы верховнаго божества. Нѣкоторыя изъ сосѣдокъ, примѣтивъ направленіе, взятое гостемъ, не торопясь направились туда же: имъ хотѣлось и гостя посмотрѣть, и оказать ему почетъ своимъ присутствіемъ, и просто—провести полчаса въ пріятной бесѣдѣ. Старый Улѣбъ, налаживая свой челнъ, замѣтилъ куда идетъ народъ, и тоже потащился слѣдомъ, бросивъ и молотокъ, и тростникъ, служившій для законопачиванія щелей.

Громовая криница расположена была у подошвы отлогаго пригорка. Еще при дѣдахъ посаженные дубы разрослись великолѣпнымъ большимъ кругомъ, а въ срединѣ, пуская корни въ разсѣлины большаго камня, изъ подъ котораго бѣжалъ студеный родникъ, разросся крупнолистный, раскидистый ольховый кустарникъ, обвѣшанный разными приношеніями усердныхъ почитателей и почитательницъ Перуна. Тутъ были и цареградскія ленты, и сережки, мѣдныя, серебряныя

и золотыя, и стрѣла, вынутая воиномъ изъ опасной, но благополучно зажившей раны, и перержавѣвшій мечъ, воткнутый въ землю еще дѣдомъ нынѣшняго старшины-князя, и много разныхъ мелочей, отъ времени потерявшихъ свой первобытный видъ. За дубами во всѣ стороны тянулся темный боръ.

Весело болтая, предславины внучки догнали гостя, разсмотрѣли его подробно, подивились его широкому черному одѣянію, его худобѣ и большому острому носу, успѣли обогнать всѣхъ и напиться изъ журчащаго родника. За ними подошла Предслава, подняла руки къ небу и шепча какія-то слова, повергглась ницъ передъ бьющею изъ земли струею воды.

Сначала Родіонъ смотрѣлъ на нее съ грустью и сожалѣніемъ, но потомъ, сложивъ руки на груди, тяжко вздохнулъ и громко произнесъ: «Боже, Боже! отпусти ей, не вѣдаетъ бо что творитъ!»

Предслава зачерпнула воды и поднесла гостю, чтобы онъ напился и умылся, но Родіонъ осторожно отстранилъ рукою берестяный ковшъ старой вѣщуньи и сказалъ:

— Бабушка, голубушка, оставь это, вылей ты свою поганую воду! Это дьявольская вода! Я испилъ отъ родника истины, вкусилъ отъ вѣчной правды и вѣчнаго спасенія, и не стану осквернять своего рта поганымъ питьемъ языческимъ...

Что ты, что ты, грѣховодникъ! — сказала то-

ропливо Предслава, закрывая ему ротъ костлявою рукою.—Что это ты толкуешь! Извѣстно, въ Царѣградѣ своя есть криница громовая, у насъ своя, только отъ этого она не хуже стала. Перуномъ данная вода, а ты—и поворотился у тебя языкъ!—говоришь: поганая. Испортили тебя въ Царѣградѣ, съ толку сбили; а вотъ ты умойся, родимый, да испей, и пройдетъ.

— Не испортили, бабушка, а глаза открыли, да и не люди открыли, а Божья благодать просвѣтила меня,—отвѣчалъ Родіонъ, тихо взялъ старуху за руку, отвелъ ее на нѣсколько шаговъ и усѣлся съ нею на камнѣ.—Потолкуемъ по душѣ, какъ ты говорила; я, по правдѣ сказать, за тѣмъ и изъ Царяграда ушелъ, чтобы толковать по душѣ со всѣми здѣшними добрыми людьми и со всякимъ, кто можетъ вмѣстить въ себѣ слова истины. Поди и ты сюда, Любуша, а Хорька своего давай мнѣ: я покажу ему, за что человѣкъ долженъ держаться душою, что спасло міръ и всѣхъ людей. Поди ко мнѣ, малецъ; вотъ нашъ символъ спасенія...

Онъ ласково взялъ мальчика къ себѣ на колѣна, вынулъ висѣвшій у него на шеѣ серебряный крестъ и далъ ему въ руки.

— Это ты отъ чего-же такое носишь? — спросила Любуша, чтобы свести разговоръ на предметъ болѣе близкій;—мой Хорь тоже носитъ на шеѣ ры-

сій зубъ, отъ лихорадки, да корень мать-и-мачихи, отъ сглазу. А это что?

— Это крестъ, дитя мое, крестъ, память крестнаго страданія и смерти Сына Божія, воплотившагося отъ Дѣвы Маріи. Я самъ былъ также слѣпъ какъ и вы, тоже ходилъ во тьмѣ, когда пріѣхалъ въ Царь-градъ. Поступилъ я въ варяжскую дружину и служилъ, и дрался, и вмѣстѣ съ товарищами справлялъ вашъ зимній праздникъ Коляды. Пошли мы разъ вдвоемъ съ товарищемъ такъ, отъ нечего дѣлать, посмотрѣть, какъ этотъ самый праздникъ справляютъ греки. Насъ впустили, безо всякаго спора, въ большую каменную храмину, какихъ вы и не видывали: вотъ больше этого всего круга изъ дубовъ, и сверху всего этого крыша. Какъ мы вошли, такъ даже стало жутко, и по головѣ точно мураши побѣжали: все золото, все камни дорогіе; народу тьма, и всѣ молчатъ, и слушаютъ чей-то сладкій, мягкій голосъ... и дымъ клубится благовонный. Не успѣли мы осмотрѣться—запѣли. Гдѣ, кто запѣлъ, не вѣдомо, только такъ сладко, тихо, вотъ какъ ручей журчитъ, когда возлѣ него засыпаешь, и въ просонкахъ не разберешь, вода это по камнямъ пробирается, птицы-ли гдѣ-то поютъ... И какъ запѣли, такъ народъ, сколько его тамъ ни было въ храминѣ, палъ на колѣна... И вотъ поютъ громче, громче, да такъ согласно, будто съ неба льется эта пѣсня

и всѣхъ насъ обдаетъ... Я вмѣстѣ съ другими палъ на колѣна и забылъ о нашемъ грозномъ богѣ Торѣ или о вашемъ сердитомъ Перунѣ, и душа моя почуяла, что это все ложь, обманъ, что есть иной Богъ, истинный и всеблагій... Какъ служба кончилась и какъ мы вышли, куда пошли, ничего этого не помню. Душа у меня ныла и просила истины. Я ходилъ, какъ въ воду опущенный, пока меня не направилъ на праведный путь одинъ старецъ пустынникъ съ горы Аѳонской. За нимъ я пошелъ-бы на конецъ свѣта: старецъ кроткій, мягкій, незлобивый какъ грудной младенецъ. Тамъ я познalъ истинный свѣтъ, истиннаго Бога, и жалко мнѣ стало васъ, добрыхъ людей, блуждающихъ во тьмѣ, и рѣшился я идти къ вамъ и открыть вамъ глаза. Всѣ ваши боги, Перунъ, Дажбогъ, Туръ, Велесъ, Дидъ, Ладо, все это ложь, обманъ...

Мало по малу народу собралось довольно много; слушатели расположились группами вокругъ Родіона и съ любопытствомъ внимали его словамъ. Ни особенной вражды, ни большаго сочувствія не возбуждала его проповѣдь, и только живо представленная картина страшнаго суда и вѣчныхъ мукъ грѣшниковъ произвела глубокое впечатлѣніе; да еще дики и странны казались слушателямъ слова любви и братскаго согласія въ устахъ суроваго варяга.

По этому, когда слушатели мало по малу разо-

шлись, между ними происходили самые разнообразные толки.

— Совсѣмъ не тотъ сталъ человѣкъ,—говорила женщина сосѣдкѣ;—какъ будто вовсе и не варягъ. Что это съ нимъ сдѣлалось?

— А видишь ты,—отвѣчала сосѣдка;—лежалъ онъ у насъ долго, нутро у него все и выболѣло, а Предслава, она вѣдь у насъ у! какая хитрая! и вложила ему новое нутро, телячье. Вотъ онъ и раскисъ.

— Вотъ дуры-то!—замѣчалъ Улѣбъ, услышавъ такое объясненіе;—извѣстно, что городъ, то норовъ. Это, что онъ говоритъ, царьградскій толкъ, больше ничего. Забылъ свое, родное, вотъ и все. А на счетъ того, какъ тамъ это хорошо все устроено, такъ я это не отъ перваго отъ него слышу.

— Это у него съ глазу!—говорила маленькая сгорбленная старушонка своей дочери, крупной, здоровенной бабѣ.—Предслава поправитъ его, это ничего. И не такихъ еще она поправляла...

Но слова любви, слова братскаго участія ко всѣмъ людямъ запали въ нѣкоторыя сердца, какъ сѣмя, брошенное въ землю, и впослѣдствіи, при обстоятельствахъ благопріятныхъ, пустили здоровые ростки. Особенно Предслава и Любуша долго послѣ того толковали между собою о перемѣнѣ, происшедшей въ давнишнемъ ихъ другѣ. Любуша находила, что она не все понимаетъ, что говоритъ Рангвальдъ, но что

ей хотѣлось-бы самой испытать то удовольствіе молитвы, какое онъ испытывалъ, а Предслава утверждала, что его ученіе все ей давно извѣстно. Старая никакъ не хотѣла признаться, что въ дѣлахъ, относящихся до тайнъ природы, жизни и божества, для нея можетъ открыться что нибудь новое.

Черезъ нѣсколько дней, когда Стемиръ и Гуды возвратились изъ похода и занялись заготовкою сѣна на зиму, Родіонъ помогалъ имъ въ этомъ съ большою охотою. Но Стемиръ принужденъ былъ отослать его домой, потому что въ его исхудаломъ тѣлѣ оставалось очень мало силы: онъ скоро уставалъ и въ сильной одышкѣ часто садился на землю, чтобы перевести духъ. За то у него было много времени для бесѣды съ Любушей и съ маленькимъ Хоремъ. Онъ открылъ Любушѣ кто та прекрасная Матерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ, передъ изображеніемъ которыхъ онъ такъ пламенно молился. Онъ уговорилъ предславиныхъ внучекъ не бояться играть съ Хорькомъ, и материнское сердце, подстрекаемое благодарностью, обратилось къ рѣчамъ Родіона еще съ большимъ довѣріемъ. Онъ каждый день костлявою, бѣлою рукою своею утромъ и вечеромъ осѣнялъ Хоря крестнымъ знаменіемъ, и мать находила, что мальчикъ съ тѣхъ-поръ становится здоровѣе, ѣстъ лучше и спитъ крѣпче. Только Стемиръ иногда дружески подсмѣивался надъ Родіономъ, ни за что не

хотѣлъ его называть иначе, какъ Рангвальдомъ, и еслибы его не удерживала обязанность гостепріимства, то его насмѣшки были-бы злы. Предслава, закоренѣлая язычница, постоянно съ нимъ спорила и не соглашалась.

— Богъ, такъ Богъ и есть, — твердила она, когда они были наединѣ. — Только по твоему Богъ никакъ не называется, а по нашему богъ - Перунъ-Сварогъ и два бога Сварожичи, Дажбогъ — солнце красное и Огонь—кормилецъ...

— Не богохульствуй, язычница нераскаянная, — говорилъ Родіонъ; — Богъ единъ, вѣченъ, всеблагъ, вездѣсущъ. Богъ сотворилъ и молнію — перуна твоего, и солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды, и всѣхъ тварей, и человѣка. Стало быть твой Перунъ и Дажбогъ твари, сотворены, понимаешь-ли ты это?

Но привыкнувъ въ теченіе семидесяти лѣтъ признавать Перуна и Дажбога божествами, старуха никакъ не соглашалась съ цареградскимъ толкомъ, и усерднѣе прежняго старалась умилостивить Перуна разными жертвоприношеніями.

VI.

Разоренные и униженные бориславовцы просили мира: военныя дѣйствія были прекращены; Богомилъ

спокойно вернулся домой; оставалось заключить формальный миръ.

И вотъ на Назьѣ заговорили, что шелонскій старшина-князь, столѣтній Крокъ, послѣ завтра будетъ самъ и привезетъ миръ, а съ Назьи перевалитъ черезъ озеро, свезетъ миръ въ Новгородъ. По этому приготовлялись большія торжества. На стрѣлкѣ складывался костеръ; сытно откармливались баранъ, козелъ и бѣлый пѣтухъ, а женщины и дѣвушки доставали изъ лѣсныхъ тайниковъ свои драгоцѣннѣйшіе наряды: вмѣстѣ съ шелонскимъ княземъ должны были пріѣхать и гости съ устья Ловати.

Въ назначенный день народъ собрался на стрѣлкѣ, и послѣ полудня на дальнемъ поворотѣ рѣки показался челнокъ съ бѣлымъ флагомъ, а за нимъ довольно большая ладья въ шесть веселъ. На кормѣ ея, между двумя стариками, сидѣлъ столѣтній шелонскій князь, съ рулевымъ весломъ въ рукахъ, и правилъ почти съ такою ловкостью и силой, какъ молодой рыбакъ. На немъ была высокая шапка изъ чорныхъ соболей, чистая бѣлая рубашка съ краснымъ кушакомъ, а сверху, въ накидку, наброшенъ длиннополый кафтанъ изъ толстаго сѣраго сукна. Обутъ онъ былъ въ лапти, искусно сплетенные изъ бѣлыхъ кожаныхъ ремешковъ, и такими же ремнями опутаны были ноги почти до самыхъ колѣнъ. Бѣлые волосы и пожелтѣвшая длинная борода обрамляли умное

лицо, изрытое глубокими морщинами и покрытое столѣтнимъ загаромъ. Князь Богомилъ съ стариками стоялъ у самаго берега, въ томъ мѣстѣ стрѣлки, гдѣ должны были пристать гости.

Едва только княжеская ладья притянулась къ отмели, два молодые гребца подхватили князя на руки, ступили съ нимъ въ воду, вынесли на берегъ и поставили. Старикъ медленно снялъ шапку, поклонился Богомилу, другой поклонъ отвѣсилъ міру, выпрямился и опять накрылъ голову. По обычаю, Богомилъ и народъ не отвѣчали на его поклоны, ожидая мирныхъ предложеній. Плывшіе за его ладьею челноки сближались, но становились одинъ возлѣ другаго кучей, не приставая къ берегу.

— Отецъ Богомилъ, и весь честной родъ! — сказалъ старецъ: — Съ устья Ловати отъ отца Борислава и всего его рода озернаго поклонъ.—Старикъ опять поклонился. — Попущеніемъ Перуна-Сварога проливалась между вами кровь, и много пролито крови. Вспоминать ли, за что эта кровь проливалась? Если вы вспомнили, то мнѣ не-по-что было къ вамъ приходить; а если вспоминать не хотите, то я вамъ принесъ миръ и братскую дружбу.

Богомилъ отвѣчалъ: — Ради шелонскаго князя и рода его, мы позабыли, за что проливалась кровь, а кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ. Изъ рукъ отца Крока принимаемъ миръ и братскую дружбу

на вѣки вѣковъ.—Тутъ онъ снялъ шапку и поклонился. Въ тоже время раздались рукоплесканія и крики на берегу и на всѣхъ лодкахъ, по обычаю не смѣвшихъ пристать къ берегу. Удары въ ладоши означали въ ту пору привѣтствіе и радость; всѣ жертвоприношенія и религіозные хороводы непремѣнно сопровождались ударами въ ладоши. Берегъ ожилъ; лодки гостей торопливо приставали къ стрѣлкѣ и бывшіе враги, давъ слово не вспоминать стараго, смѣшались въ дружную толпу.

Старый Крокъ былъ въ нѣсколько приниженномъ положеніи, когда просилъ мира, но какъ только церемонія заключенія мира кончилась, онъ занялъ принадлежащее ему и по старшинству, и какъ гостю, первое мѣсто. Богомилъ съ поклономъ вручилъ ему и жертвенный ножъ, когда они подошли къ костру, гдѣ приготовлены были жертвы. Въ ожиданіи церемоніи, народъ образовалъ огромный кругъ, въ центрѣ котораго былъ костеръ и собрались старики. Князь Крокъ затянулъ жертвенную пѣсню, въ которой славилъ обоихъ Сварожичей и просилъ ихъ принять жертвы и передать Перуну. Старики подхватили, а за ними грянулъ хоромъ весь народъ. Въ тоже время хороводъ медленно задвигался кругомъ, въ направленіи солнца. Когда жертвы были убиты и сложены на костеръ, оба старшины подожгли его съ двухъ сторонъ, и вмѣстѣ съ прочими стариками пали ницъ вокругъ огня.

Во время хоровода никто не видалъ Предславы, и только нѣкоторые изъ присутствовавшихъ знали, что она сидитъ у изголовья страдающаго раной Буривоя и прикладываетъ къ груди его разныя травы и шепчетъ свои заклинанія и заговоры. Любуши и Хорька тоже не было, такъ какъ съ нихъ еще не была снята рука Перуна. Стемиръ участвовалъ въ хороводѣ, Гуды любовался на него издали, а больной и кроткій Родіонъ стоялъ возлѣ него въ своемъ чорномъ одѣяніи, съ упрекомъ смотрѣлъ на костеръ, и изъяснялъ своему сосѣду какое онъ чувствуетъ омерзѣніе при видѣ языческихъ обрядовъ. Но Гуды только улыбался своимъ широкимъ ртомъ.

Передъ вечеромъ, между группами гостей. показалась Предслава. Она шла тихо, но твердо, и не говоря ни съ кѣмъ ни слова направлялась прямо къ старшинѣ-князю, который сидѣлъ съ стариками у подошвы жертвеннаго холма, гдѣ догорали послѣднія головни костра, и, угощая почетнаго гостя, попивалъ съ нимъ старый стоялый медъ. Бѣлый платъ покрывалъ старуху почти до пятъ и опускался на лицо. Какъ привидѣніе проходила она между веселыми гостями, и тамъ, гдѣ она проходила, смолкалъ смѣхъ, прекращался говоръ, и пляшущій парень вдругъ опускалъ поднятыя кверху руки и останавливался, какъ окаменѣлый. Опущенный на лицо Предславы платъ обозначалъ, что она принесла вѣсть о смерти.

Ея заговоры, заклинанія и травы не пособили. Желѣзная натура бѣднаго Буривоя долго боролась со смертью; но важныя поврежденія, причиненныя въ то время, какъ вынимали изъ его груди стрѣлу съ зазубреннымъ лезвеемъ, не дали ему возможности поправиться. Онъ умеръ, и надо было позаботиться о приличномъ погребальномъ обрядѣ. Затѣмъ-то Предслава и шла къ Богомилу. Подойдя къ нему и не раскрывая лица, она сказала:

— Перунъ-Сварогъ призвалъ къ себѣ твоего сына, старшина-князь. Буривою не съумѣла я пособить одолѣть мрачную, холодную Марану, и тѣло его теперь стынетъ. Пусть же нашъ родъ и наши гости проводятъ родича на послѣднее огненное ложе; пусть огонь жертвеннаго костра, угодный Перуну, сожжетъ и тѣло Буривоя. Еслибы не былъ еще заключенъ миръ, то одинъ изъ нашихъ озерныхъ полоняниковъ проводилъ бы твоего сына въ подземное царство Мараны.

Князь Богомилъ снялъ шапку, взялъ щепоть песку и посыпалъ себѣ на голову въ знакъ печали; старики молча повторили тотъ же обрядъ, и праздникъ мира тотчасъ превратился въ похоронное торжество.

Ближайшіе родственники покойнаго затянули печальную, протяжную погребальную пѣснь и въ тоже время носили хворостъ и толстыя полѣнья для образованія новаго костра; но весь Богомиловъ родъ счи-

тался, и былъ въ самомъ дѣлѣ, въ родствѣ съ Буривоемъ, по этому печаль была общая. Дядя покойнаго сдѣлалъ себѣ на лицѣ три порѣза, два на щекахъ и одинъ на лбу, и кровь струилась по его русой бородѣ; обѣ сестры покойнаго изцарапали себѣ лицо ногтями тоже до крови, и произносили свои причитанья съ жалобными завываніями. Костеръ между тѣмъ сложенный изъ толстыхъ сухихъ дровъ въ перемежку съ хворостомъ, возвышался выше и выше, причемъ съ одной стороны образовалась какъ бы лѣстница, для того, чтобы можно было удобно взнести тѣло на самый верхъ. Четверо молодыхъ людей принесли челнокъ Буривоя и установили его на кострѣ. Другіе несли старыя рыболовныя сѣти, оставляя тѣ, которыя были по-новѣе, и тоже складывали ихъ наверху, а бабы, снимая съ себя красныя украшенія, замѣняли ихъ бѣлыми, и не теряя дорогаго времени, вели между собою оживленную бесѣду. Въ самомъ дѣлѣ, предстояло обсудить важный вопросъ. У Буривоя осталась вдова, взятая имъ лѣтъ десять тому назадъ съ Волхова, съ пороговъ, стало быть здѣсь на Назьѣ она была чужая и послѣ смерти мужа ей некуда было дѣваться. Была на Назьѣ еще волховская женщина, жена самого Богомила, старая Малуша, но у нея была къ Буривоевой вдовѣ, Ольгѣ, давнишняя вражда, еще съ Волхова: мать Ольги поссорилась когда-то съ Малушей за жениха. Въ

такихъ случаяхъ всѣми оставленная женщина сжигалась обыкновенно на одномъ кострѣ съ покойнымъ мужемъ, или уходила въ свой родъ обратно. Выборъ участи предоставлялся обыкновенно самой вдовѣ и родичи воздерживались въ этомъ случаѣ отъ всякихъ совѣтовъ, потому что вдова была подъ рукою Перуна и къ ней никто не подходилъ до окончанія похоронной церемоніи.

— Вотъ вамъ, дѣвки, урокъ,—говорила маленькая сгорбленная старушонка:—что ей дѣлать теперь? Куда дѣваться? Одна дорога—на костеръ. И по дѣломъ: не бросай своего рода, не уходи въ другой! И казнись!

— Есть и другая дорога, бабушка, — замѣчала востроглазая дѣвушка;—на Волховъ ей дорога; у нея тамъ родня, сестры есть, братъ...

— Да, поди-ка, сунься она на Волховъ!—отвѣчала старуха, будто гнѣваясь на молодую.—Сестры за мужемъ, у брата своя семья, отецъ и мать померли. Да что ей тамъ дѣлать? Кому ее надо, когда она сама отреклась отъ своего рода-племени? Какъ заплачено вѣно, такъ дѣвушка—отрѣзанный ломоть, и назадъ ее ничѣмъ не приставишь. Костра ей, гляди, не миновать ни за что.

— Ужъ и костеръ!—отвѣтила востроглазая: — а сама-то ты, бабушка, вѣдь изъ Кривичей, и овдовѣла

лѣтъ двадцать тому назадъ, а вѣдь ходишь-же, и ничего, еще другихъ на костеръ посылаешь...

— Вотъ дура-то простоволосая! — отвѣчала разгнѣванная старуха; — я изъ Кривичей! Конечно я не здѣшняя, да развѣ мнѣ приходилось костра отвѣдать, когда у меня дѣти были? Дѣтей надо было вскормить, вспоить послѣ мужа-то, а она: костеръ! Четверо сыновъ у меня осталось, четыре такіе молодца, что всей Назьѣ на удивленье, а что стали бы они безъ меня дѣлать? И что это, какъ я посмотрю, нынче за народъ молодой сталъ неразумный, стараго обычая не знаютъ и знать не хотятъ!...

— Это ты, бабушка, напрасно на насъ нападаешь, — сказала со смѣхомъ другая дѣвушка; — мы знаемъ, что Ольгу никто не заставитъ насильно на костеръ лѣзть, и что дорога на Волховъ не дальняя. Старый Крокъ пожалуй свезетъ ее домой: онъ вѣдь не любитъ тоже, чтобы понапрасну жизнь человѣчья тратилась....

— Смотри ты у меня! — обратясь къ ней закричала старуха: — ужъ и ты не хочешь ли въ Новгородъ! Вотъ, сколько дѣвку ни корми, все въ лѣсъ глядитъ!...

— Нѣтъ, бабушка, милая! Въ лѣсъ я не гляжу, а только знаю, что Ольга не маленькая была, когда уговаривалась съ Буривоемъ, вѣдомо ей было, что ее ждетъ въ случаѣ смерти мужа, и стало быть

крѣпко-же она его любила, беззавѣтно, безъ торгу... и хорошо ей было жить съ такою любовью къ мужу...

— Хорошо-ли, нѣтъ-ли, а вотъ каково-то будетъ за эту жизнь расплачиваться!...

Солнце опустилось уже за лѣсъ и ночныя тѣни начинали густѣть на стрѣлкѣ. Наступало время удобнѣйшее для похоронной церемоніи. Вскорѣ по Назьѣ показалось нѣсколько десятковъ огней, а въ срединѣ ихъ на нѣсколькихъ жердяхъ, покрытыхъ густою постелью изъ свѣжихъ еловыхъ вѣтвей, молодые люди несли тѣло, покрытое бѣлою простынею. За тѣломъ шагахъ въ десяти шла вдова, одинокая, покинутая всѣми. Если кто и сочувствовалъ ея горю, если кому нибудь и хотѣлось утѣшить бѣдную и протянуть ей руку, чтобы поддержать въ безнадежномъ одиночествѣ, то обычай не позволялъ этого: она должна была оставаться одна до тѣхъ поръ, пока сама не рѣшала своей участи. Толпа, окружавшая костеръ, разступилась и носильщики, поднимая ношу свою выше головы, съ трудомъ взобравшись по дровамъ, опустили тѣло на самой срединѣ. Тогда старому Богомилу подали копье, топоръ, лукъ, колчанъ со стрѣлами. Все это одно за другимъ было уложено возлѣ покойника, и такъ какъ онъ раненъ былъ на войнѣ, то копье всунуто ему было въ руку.

Во время этихъ приготовленій, вдова, закутанная бѣлымъ покрываломъ, сидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ

отъ костра, на землѣ, охвативъ свои колѣна руками и опустивъ на нихъ голову. Родъ и гости широкимъ кругомъ охватывали костеръ и бѣдную одинокую вдову. Она сидѣла молча, неподвижно, и не вѣдомо о чемъ она думала, или можетъ быть ожидала только когда затрещатъ дрова и сучья, составляющія погребальный костеръ. Вся толпа молчала и задвигалась только тогда, когда Богомилъ взглянулъ на небо и видя, что вечерняя заря догорѣла, взмахнулъ зажженною сосновою вѣтвью и бросилъ ее на костеръ. Запѣли печальную пѣсню и медленно задвигались всѣ кругомъ, въ одну сторону, противъ направленія солнца. Старый Богомилъ удалился и изчезъ въ толпѣ. Костеръ понемногу разгорался, пылалъ ярче и ярче, дрова трещали, а вдова не перемѣняла своего положенія и не поднимала головы. Всѣ взоры обращены были на эту скорбную бѣлую фигуру, и пламя костра какъ будто сильнѣе свѣтило на нее, нежели на толпу. Бѣлымъ пятномъ свѣтилась она на травѣ, и слушала печальную пѣсню и слышала какъ понемногу осѣдали горящія дрова, переложенныя сухимъ хворостомъ. Далеко раздавалась по водѣ заунывная пѣсня; вода по берегамъ какъ будто остановилась, превратясь въ расплавленный чугунъ; откуда-то принесся бѣлый голубокъ, покружился надъ огнемъ и пропалъ. Женщины, не теряя дорогаго времени, совѣщались о томъ, чего слѣдуетъ теперь ожидать.

— Да, какъ-же,—говорила одна: — нашли дуру! Полѣзетъ она въ огонь! Гляди, тетка, вотъ разгорѣлось-то! Такъ жарко еще никогда, кажется, не горѣло: видно Перуну угоденъ сталъ Буривой, за то что на войнѣ свой вѣкъ кончилъ. Неужели въ такую печку живому человѣку лѣзть?

— И полѣзетъ, — отвѣчала сгорбленная старушонка, — потому что одна эта дорога ей и осталась. Здѣсь никому ее не надо, а отъ своего рода-племени она сама отреклась. И полѣзетъ, когда дѣваться некуда. — Проговоривъ это торопливо, старуха подхватила общую пѣсню.

— Ничего, отсидится! — замѣтилъ молодой парень; — баба она молодая, жить еще можно, еще и замужъ пойдетъ...

— Молчи ты, озорникъ окаянный! — накинулась на него старуха, опять бросивъ пѣсню. — Мало у насъ дѣвушекъ въ родѣ, что-ли, что кто-нибудь вдову возьметъ! Вишь, нынче народъ-то какой сталъ!...

— Бабушка! — сказала съ состраданіемъ дѣвушка:—да вѣдь она не жива! гляди-ко, сидитъ сколько времени, не шелохнется.

Между тѣмъ, пока погребальный хороводъ густою стѣною двигался противъ солнца, сквозь толпу съ трудомъ проталкивался Родіонъ въ своемъ черномъ одѣяніи. Выбравшись въ кругъ, онъ подошелъ къ не-

подвижной вдовѣ и остановясь возлѣ нея, совершилъ молчаливую молитву.

— Дочь моя, —сказалъ онъ потомъ; —покорись волѣ Провидѣнія и не осмѣливайся посягнуть на свою собственную жизнь. Богъ живой, Богъ истинный, Отецъ нашъ небесный посылаетъ людямъ испытанія, и люди должны безропотно покоряться святой его волѣ. Ты потеряла друга, и прими этотъ ударъ, какъ особенную милость Божію, вынеси это тяжкое испытаніе, и если Богу будетъ угодно, я просвѣщу твой умъ свѣтомъ истины...

Много еще говорилъ благодушный Родіонъ, но вдова не слышала его, не поднимала головы и какъ будто была въ забытьи. Родіонъ рѣшился возвратить ее къ дѣйствительности и осторожно прикоснулся къ ея плечу. Она быстро поднялась, торопливо раскрыла свое покрывало, взглянула на чорнаго собесѣдника своего. Раздался раздирающій душу дикій вопль, и въ два прыжка она бросилась въ средину пылавшаго костра.

Протяжная похоронная пѣсня сдѣлалась живѣе, громче, а бѣдный Родіонъ, упавъ на колѣна, пламенно, со слезами молился за бѣдныхъ, добрыхъ, но ослѣпленныхъ братій своихъ, блуждающихъ во тьмѣ, за душу погибшей женщины, за душу хотя и не крещеннаго, но все-таки раба Божія Буривоя.

VII.

На другой день была тризна, похоронный пиръ въ память падшаго Буривоя; но старый Крокъ этого не дождался. Онъ только присутствовалъ при томъ, какъ прахъ собрали въ небольшой сосудъ и отнесли на перекрестокъ, туда, гдѣ дорога въ Кривичи пересѣкала дорогу на Шелонь. Тамъ на высокомъ, врытомъ въ землю дубовомъ столбѣ поставили сосудъ, и князь Крокъ простился съ княземъ Богомиломъ. Да и пора было: Новгородъ ждалъ мира.

По Ловати посольство, несшее миръ, спустилось благополучно, но на озерѣ сильная буря разметала лодки, едва не потопила и жестоко измочила пловцовъ. Старый Крокъ, весь мокрый, продѣлалъ съ Гостомысломъ туже самую церемонію, что и съ Богомиломъ; но Гостомыслъ держалъ себя нѣсколько иначе: онъ не только отвѣчалъ на всѣ поклоны старца, но еще раньше него снималъ свою шапку и ниже его кланялся. На крутой берегъ поднялся Крокъ не останавливаясь и не переставая разговаривать съ Гостомысломъ. Тутъ узналъ онъ, что въ Новѣгородѣ собралось много старшинъ сосѣднихъ родовъ, чтобы обсудить нѣсколько важныхъ спорныхъ вопросовъ.

Незадолго передъ тѣмъ въ порогахъ Волхова явился гонецъ съ устья Ловати — требовать помощи

противъ Новагорода и Назьи. За тѣмъ-же самымъ гонецъ былъ и на Мстѣ, и этотъ поплылъ выше, поднимать другіе роды все на Новгородъ и хотѣлъ пробраться дальше, въ Весь, на Бѣло-озеро. Князья-старшины съ вооруженною стражею рѣшились сами побывать въ Новѣгородѣ и посмотрѣть въ какомъ положеніи дѣла, прежде нежели на что нибудь рѣшиться. Въ тоже время пришли послы изъ Пскова, просить защиты противъ Изборска, который сталъ отбивать у псковичей всю озерную торговлю съ Чудью и Наровой. Случайно столкнулись они съ послами изъ Ладоги, съ самаго устья Волхова. Эти пришли просто за хлѣбомъ, потому что у нихъ весь озимой посѣвъ, по случаю гнилой зимы, вымокъ, такъ что урожая ждать нельзя было никакого. Такъ стариковъ собралось много, и было о чемъ потолковать. Особенно пріятно имъ было бесѣдовать съ Гостомысломъ, потому что это былъ человѣкъ необычайно привѣтливый, сговорчивый, уступчивый, примирительный, искренно преданный порядку и избѣгающій по мѣрѣ возможности крутыхъ мѣръ. Не разъ сосѣдямъ случалось прибѣгать къ его посредничеству въ очень важныхъ дѣлахъ, и нерѣдко удавалось ему помирить несогласныхъ. И старшина-князь любилъ давать судъ сосѣдямъ, а его родъ, новгородцы, гордились своимъ княземъ, пріобрѣтавшимъ все болѣе и болѣе значенія не только между ближними, но и между дальними

славянами. Сосѣднія финскія племена, Чудь на невскомъ устьѣ и Весь на Бѣлѣ-озерѣ, считали его вѣрнымъ и надежнымъ совѣтникомъ; и дальше къ югу, въ Кривичахъ, въ Смоленскѣ и Полоцкѣ, его имя произносилось съ уваженіемъ.

Въ особо устроенной для совѣщаній избѣ собраны были старшины и представители многихъ дружественныхъ родовъ; въ ту же избу пригласилъ Гостосмыслъ и измоченнаго дождемъ и волнами Крока.

— Слава Перуну-Сварогу! — сказалъ, входя въ избу, Гостомыслъ:—вотъ отецъ Крокъ привезъ намъ миръ съ Ловати; одна обуза съ плечъ свалилась, и какъ-то легче теперь на душѣ. Просимъ милости, отецъ; садись, да отвѣдай медку: обогрѣйся.

Крокъ при входѣ поклонился во всѣ стороны и сѣлъ на первую попавшуюся скамью. Почти всѣ собравшіеся старшины и послы были ему знакомы: съ однимъ онъ воевалъ Чудь, съ другимъ, лѣтъ сорокъ передъ тѣмъ, три года сряду торговалъ по Волгѣ, доходилъ до самаго ея устья, до хазарскаго города Итиля; съ третьимъ ходилъ на Каменный Поясъ, добывать золоторогаго тура, проходилъ два года, узналъ доподлинно, что такихъ туровъ на свѣтѣ нѣтъ, но привезъ такихъ чорныхъ лисицъ, какихъ до того и не видывано; съ иными просто встрѣчался на совѣщаніяхъ, а псковскіе посланники нерѣдко гащивали у него на Шелони.

— Да, трудныя, трудныя нынче времена пришли, — говорилъ старикъ съ рѣки Мсты: — народу что-ли много больно стало, или Дажбогъ прогнѣвался на насъ, только и рыбы въ рѣкахъ, и звѣря въ лѣсахъ стало меньше, и хлѣбъ уже не такъ обильно родится, какъ встарину, и вражда поднялась, и не покорна становится эта молодежъ. Да вотъ, погоди, постарѣетъ молодежъ-то, не то заговоритъ: увидитъ, что и старики тоже на что нибудь годятся.

— Да, дѣдушка, правда твоя, — отвѣчалъ столѣтній Крокъ, — тяжелыя времена пришли, только въ нихъ всего тяжеле, по моему, знаешь что?

— А что по твоему?

— А сто зимъ, что на плечахъ лежатъ, вотъ что всего тяжеле, да такъ, что ежели еще пятокъ другой накинуть, такъ и не снести. Сквозь этотъ горбъ на что ни посмотри, все тяжело покажется. Ну что, кажется, сегодняшняя буря: будь она лѣтъ семьдесятъ пять назадъ, такъ только посмѣялся-бы ей въ лицо, а теперь—нѣтъ, истомила такъ, окаянная, что косточки всѣ болятъ...

— Нѣтъ отецъ, это я не въ шутку говорю, — замѣчаетъ первый: — я про то, что молодежъ то отъ рукъ отбилась, новые порядки заводить хочетъ. Вотъ хоть-бы весла, ну самъ ты скажи: зачѣмъ это весла длиннѣе дѣлать? У отцовъ и дѣдовъ дѣланы такія, а они норовятъ чуть не вдвое пустить. Это ужъ не поря-

докъ, когда отъ обычая отходить станемъ. Такъ ли отецъ я говорю?

— Подлинно правильно ты говоришь,—отвѣчаетъ старецъ;—отъ обычая отходить не годится; только признаться, не вижу я какъ тутъ они отошли? Весла они вмѣсто парусовъ что-ли ставятъ, а парусами гребутъ? Если такъ, то правда, не годится...

— Нѣтъ, постой, что я тебѣ скажу, такъ подлинно чудо,—пристаетъ къ Кроку посолъ изъ Пскова.—Рѣку нашу знаешь, Великую?

— Ну, знаю. А что?

— А яромировъ дворъ знаешь?

— Яромира знаю, точно, а двора его, нѣтъ, не видалъ.

— Такъ вотъ его-то дворъ нынче въ половодье снесла наша Великая. Вотъ на какую вышину она эту весну хватила.

— Ладно. А ты скажи-ка лучше, какъ это Изборскъ-то васъ обижать сталъ? Говорятъ торговать не пускаетъ въ Чудь?

— Изборскъ-то? А Изборскъ носъ поднимаетъ, вотъ что. Самъ ты скажи: Изборскъ сыномъ приходится Пскову, или нѣтъ?

— Пущай сыномъ или хоть зятемъ. А что?

— А сынъ долженъ отца уважить, или не долженъ? Ты скажи.

— И говорить нечего. Безъ этого міръ стоять не будетъ.

— То-то-же. А они, изборцы-то, не стали къ намъ Чудь пускать. Изборскъ-то въ узкомъ мѣстѣ стоитъ, и острова тутъ по озеру. Такъ они желѣзо-то у нихъ и скупаютъ, нашимъ-же хлѣбомъ имъ платятъ, да послѣ намъ-же и перепродаютъ. Годится это такъ дѣлать? Скажи ты самъ...

— Это точно, не по сосѣдски, не хорошо.

— Нѣтъ, что тутъ по сосѣдски? Ты скажи: изъ Пскова выселился Изборскъ или нѣтъ? Сыномъ онъ приходится Пскову, или нѣтъ?..

— Постой, погоди, отецъ, — пристаетъ старшина съ волховскихъ пороговъ; — приходитъ ко мнѣ гонецъ отъ Борислава. Такъ и такъ, говоритъ, Новгородъ идетъ войной на Ловать, а мы — выручать кидайся. Хорошо, думаю, а самъ никакъ въ толкъ не возьму: за что такъ вдругъ война? Спрашиваю, изъ за чего у васъ все дѣло пошло, и какъ было? Онъ и понесъ околесную. И Новгородъ у него загордился, и Назья старшинствомъ похваляется, и то, и другое. Насилу я у него выспросилъ всю подноготную, да и думаю: это чтобъ я, да на моего друга закадычнаго, на князя Гостомысла новгородскаго руку поднялъ? Я вѣдь всегда по душѣ поступаю. Пойду прямо къ нему, да такъ и спрошу: Эй, хо

зяинъ, дяденька Гостомыслъ! Правда, что ты загордился, носъ сталъ поднимать?

А ловкій хозяинъ, переходя отъ одного гостя къ другому, былъ уже тутъ, и не теряя своей степенной важности, отвѣчалъ: — Гордиться мнѣ нечѣмъ, дядя, развѣ тѣмъ, что Новгородъ великій почтилъ меня выборомъ въ свои старшины. Я самъ по себѣ — ничего, а какъ Новгородъ, такъ и я. А если городъ противъ деревни немножко носъ поднялъ, такъ уже тутъ ничего не подѣлаешь. Въ деревнѣ жизнь непостоянная, опасливая, а въ городѣ народъ сидитъ твердо. Деревня такъ уже устроена, что мало мальски вражда какая загорѣлась, — народъ опрометью бѣжитъ въ лѣсъ, или вдаль по рѣкѣ, или вотъ какъ бориславовцы — черезъ озеро. А городъ за тѣмъ и поставленъ, чтобы изъ него уже ни шагу, чтобы въ случаѣ бѣды въ немъ отсидѣться можно было. Какъ народъ срубилъ городъ, такъ и засѣлъ крѣпко, и избы себѣ поставилъ по крѣпче, и богатство, у кого что есть, все на виду, потому что изъ города ужъ не уйдешь, не бросишь его врагу на сожженіе. И не мудрено, что городъ противъ деревни постояннѣе и крѣпче. Выходитъ, господа старшины, по моему глупому разуму, вамъ слѣдуетъ города рубить, если уже вы не хотите давать здѣшнему городу лишняго ходу...

— Постой, дядя, — прервалъ его старый Крокъ; —

есть на свѣтѣ птица малая чижъ, и есть птица побольше, дятелъ крѣпконосый; есть звѣрь лѣсной волкъ-сыромахъ, и есть бобръ домострой. У всякаго свое логово, какъ кому показано; чижу нечего дѣлать въ гнѣздѣ у дятла, а волку не годится бобровый домъ: задохнется онъ въ немъ. Такъ и люди: какъ кому Дажбогъ велѣлъ жить, такъ и живутъ. Задохнусь я въ твоихъ хоромахъ рубленыхъ, если подольше тутъ поживу; давитъ меня твой потолокъ струганый. Да и хорошо городъ срубить, частоколомъ дома обнести, когда есть кому стеречь городъ, есть дружина. А у насъ, деревенскихъ, дружины нѣтъ, а поля хлѣбныя частоколомъ не обнесешь... Стало быть городу своя часть, а деревнѣ своя. Пусть городъ торгуетъ, пусть разживается и дружину держитъ: придется-же и ему поклониться деревнѣ, какъ хлѣбушка захочется, да откормленный боровъ понадобится для почестнаго пира. Нѣтъ, дядя, ты насъ въ городъ не сажай. Къ тому же и толку отъ этого мало: вотъ Псковъ—городъ, и Изборскъ—городъ, а согласія нѣтъ между ними. А дѣло теперь въ томъ, чтобы города и деревни наши помирить, чтобы не было этого разоренья, какъ разорили нынче Ловать и бориславовцевъ...

Гостомыслъ очень хорошо зналъ, что нельзя рубить города, гдѣ вздумается, что на это нужно и много народу, и удобное для торга и для обороны мѣсто;

но онъ любилъ иногда прикинуться простоватымъ, и такъ отвѣчалъ старому Кроку:

— Какъ помирить? Это такое хитрое дѣло, что никакъ и ума не приложу. Чужихъ людей, да не сосѣдей, помирить еще можно, между чужими людьми споръ бываетъ простъ и весь на чистоту, такъ что можно его въ трехъ словахъ разсказать, а споръ между родными не въ примѣръ труднѣе. Спорятъ и не соглашаются, кажется, о пустякахъ, объ одномъ словѣ, а посмотришь поближе, такъ этого слова лучше и не тронь, а копай глубже. Доберешься до начала, и выйдетъ конечно вздоръ какой-нибудь, что двѣ бабы за пустое лукошко подрались пять лѣтъ тому назадъ. И объ этомъ-бы, кажется, толковать нечего, да за бабьей дракой въ пять-то лѣтъ накопилось, что въ хорошемъ хлѣву навозу, и жесткихъ словъ, и косыхъ взглядовъ, и крупныхъ обидъ и прорубленныхъ и оскверненныхъ лодокъ, замѣшалась и зависть одного рода къ другому, и гордость тоже: не хочу, молъ, не только покориться, а чтобы и виду не было, что я покоряюсь; знай, дескать, нашихъ, и мой родъ не хуже твоего, и не только не хуже, а можетъ быть лучше, потому что не Псковъ изъ Изборска выселился, и Изборкъ изо Пскова. Стало-быть сынъ онъ ему, или нѣтъ?...

— Сынъ и есть, — отвѣчалъ псковскій посолъ; — а если сынъ отца не уважитъ, то и міръ

стоять не будетъ, вотъ и дядюшка Крокъ это говоритъ.

— Ну къ этому дѣлу, любезный мой, подходить надо осторожно и подумавши, — замѣтилъ новгородскій старшина.

— А что?

— Да недалеко отъ вашей Великой живетъ Литва? Знаешь? И обычай тамошній вѣрно слыхалъ? Отецъ состарится, станетъ негоденъ къ работѣ, ослабѣетъ, сынъ долженъ, изъ жалости къ такому старому горемыкѣ, веревкой стянуть ему глотку и задушить. Кажется, Пскову еще рано-бы состарѣться, а только Изборскъ по литовскому обычаю, не хочетъ-ли придушить его, отца-то роднаго?

— Душитъ, какъ есть душитъ, и дождется онъ, вотъ увидишь, что мы соберемся, да его по бревнушку и разнесемъ.

— Какъ же вамъ пособить въ этомъ дѣлѣ, чтобы Изборскъ васъ не разнесъ; или чтобы вы Изборска не трогали, я ума никакъ не приложу. Новугороду за васъ вступиться нельзя; это было-бы все равно, что въ чужомъ пиру похмѣлье; а если половина всѣхъ нашихъ родовъ станетъ за одну сторону, а другая за другую, то еще того хуже: по всей славянской землѣ пойдетъ одно разоренье.

Бесѣда стариковъ тянулась долго; старшины, большею частію, толковали о дѣлахъ своихъ родовъ, а

Гостомыслъ съ особенною ловкостью сворачивалъ разговоръ на общій вопросъ о примиряющемъ посредничествѣ какого нибудь особо избираемаго судьи и, мало по малу приготовивъ умы, держалъ такую рѣчь:

— Если два человѣка въ родѣ поспорятъ, то прямо идутъ къ старшинѣ и судятся. Старшина разберетъ все дѣло, выслушаетъ, дастъ имъ наговориться и разсудитъ дѣло по совѣсти. Ну, это и хорошо. Если два рода поспорятъ, надо-бы тоже къ старшинѣ идти на судъ, да бѣда въ томъ, что нѣтъ старшины надъ родами, и всякій родъ самъ себѣ господинъ. Не разъ случалось, и всякій изъ насъ это видалъ, что выберутъ кого ни есть изъ третьяго рода, отдадутъ дѣло на его судъ, и покорятся, и бывало, что споръ оканчивался благополучно. Такъ не установить-ли намъ вотъ какъ. Есть у насъ изо всѣхъ старшинъ старшина, шелонскій Крокъ. Пусть онъ рѣшаетъ всѣ споры, пусть ему покоряется всякій спорщикъ, если не умѣетъ самъ помириться.

— Скажу я тебѣ на это, дядя Гостомыслъ, — отвѣчалъ Крокъ, — что я этого шелонскаго старшину знаю, и онъ на это ни за что не согласится. Ему, вишь ты, за сто лѣтъ; это ему хлопотно будетъ, да и не къ лицу. Съ тѣхъ поръ, какъ я старшина въ своемъ родѣ, ни съ кѣмъ еще ссоры у меня не было, не доходило до ножей. А какъ выставишь меня такъ на позорище, да станутъ меня тормошить, да за вся-

кимъ разомъ то одна сторона, то другая станетъ на стараго Крока злиться, то не удержать мнѣ мира на спокойной Шелони, и родъ мой разорится, и хотя живемъ мы въ сторонѣ, а меньше покою у насъ будетъ, чѣмъ на великомъ пути въ греки. И не старшинство здѣсь важно, я тебѣ скажу; старшинство еще помѣшать можетъ. Къ старшему идти на судъ— похоже какъ будто по закону ему покориться приходится. А вотъ молодаго выбрать на это, хоть-бы лѣтъ пятидесяти, шестидесяти, да съ головой, да въ добавокъ на великомъ пути, да еще въ городѣ, хоть-бы напримѣръ старшину Гостомысла, то лучше и не надо.

— А старшину Гостомысла я хорошо знаю. — отвѣчалъ честолюбивый Гостомыслъ, совершенно довольный оборотомъ, какой принимало дѣло; — и скажу тебѣ, что онъ на это ни за что не согласенъ...

Гостомыслъ наотрѣзъ отказался отъ хлопотливой обязанности быть судьею въ дѣлахъ между сосѣдними родами, отговариваясь и трудностью этого дѣла, и опасностью столкновеній, въ особенности тѣмъ, что старшины не захотятъ подчиниться его рѣшеніямъ, точно такъ, какъ это и было въ спорѣ Богомила съ Бориславомъ. Но старикамъ такъ понравилась мысль, подсказанная Гостомысломъ и выраженная Крокомъ, то они принялись усердно уговаривать новгородскаго таршину. Они доказывали, что положеніе Новагорода.

торговаго пункта на великомъ пути въ греки, для этого очень удобно, что Гостомыслу не занимать стать ума-разума и что старшины готовы присягнуть безропотно подчиняться всякому рѣшенію, за которымъ они къ Гостомыслу обратятся. За кружками крѣпкаго меду имъ казалось это такимъ удобнымъ и простымъ рѣшеніемъ всѣхъ старинныхъ споровъ, всякой ненависти и вражды, что они сами себя поздравляли съ наступленіемъ вѣчнаго и прочнаго мира между славянскими родами. На другой день, перецѣловавшись, они стали одинъ за другимъ разъѣзжаться, довольные, спокойные, увѣренные въ томъ, что каждый изъ нихъ, скрѣпляя и обезпечивая миръ, оказалъ важную услугу своему роду. Но почти всѣмъ имъ пришлось очень скоро разочароваться.

Старшина съ волховскихъ пороговъ только что сѣлъ въ свою ладью, какъ долженъ былъ усомниться въ прочности и дѣйствительности заключеннаго договора. Изъ жалобъ своихъ молодыхъ гребцовъ онъ узналъ, что новгородская молодежь обращается съ ними высокомѣрно, и что по этому случаю произошло даже столкновеніе, по поводу котораго оказалось нѣсколько подбитыхъ глазъ.

Старшина съ рѣки Мсты засталъ свою вооруженную стражу не на берегу, а на ладьяхъ среди рѣки. Стража не вытерпѣла оскорбленій новгородцевъ, которые, узнавъ о вчерашнемъ рѣшеніи стар-

шинъ, въ насмѣшку говорили съ вооруженными людьми какъ съ малыми дѣтьми и обѣщали ихъ помирить между собою розгой, въ случаѣ если они повздорятъ. Стража была раздражена въ высшей степени и черезъ рѣку перебранивалась съ новгородцами.

— Плотники!—кричали одни.

— Луко́вники!—кричали другіе:—луку, зеленаго луку!

— Ершеѣды озерные! — кричали первые.

— А вы бы сюда, поближе къ берегу, такъ мы задали-бы вамъ такого луку, что вѣкъ помнить станете!...

Съ лодокъ полетѣли стрѣлы: съ берега полетѣли камни; пролито уже было нѣсколько капель крови, когда на высокомъ берегу показался Гостомыслъ, провожавшій своего гостя. Въ тотъ же мигъ сраженіе прекратилось. Молодые люди привыкли къ безусловной покорности передъ своими старшинами; раненые не смѣли показывать своихъ ранъ. а старики дѣлали видъ, будто ничего не замѣтили. Но видѣнная ими сцена была не совсѣмъ хорошимъ предзнаменованіемъ.

VIII.

Псковскіе послы стали звать Изборскъ на судъ въ Новгородъ; а Изборскъ на это имъ только на-

смѣялся, называя псковичей новгородскими данниками, и война готова была вспыхнуть. На повѣрку выходило, что уговоръ, заключенный въ Новѣгородѣ, никуда не годился, потому что никто не хотѣлъ ему подчиняться. Даже сами участники договора находили, что такъ и слѣдовало постановить для всѣхъ случаевъ, кромѣ одного или двухъ, по которымъ они приготовились расправиться оружіемъ.

Время приближалось къ зимѣ. Заготовленное сѣно стояло въ стогахъ; обмолоченный хлѣбъ ссыпанъ былъ въ ямы; охотники приготовляли разные капканы, ловушки и поставушки для ловли пушныхъ звѣрей. Съ юга, изъ Царяграда, прошли три или четыре ватаги варяговъ, возвращавшихся на родину, прослуживъ и поторговавъ «въ грекахъ» года по три и по четыре. Отошло нѣсколько шумныхъ базаровъ на стрѣлкѣ, и приближалась пора, когда морозы прекращали водяныя сообщенія, и великій путь «въ греки» становился пустыннымъ и глухимъ на цѣлые пять мѣсяцевъ.

Въ это время къ старшинѣ Богомилу совершенно неожиданно явился гонецъ отъ Гостомысла съ чудиномъ Карномъ. Этого чудина прислали дружественные роды съ устья озера Нево, Ижора и Водь, повѣстить о новомъ, неслыханномъ дѣлѣ: пришли варяги и на невскихъ порогахъ стали рубить острогъ, какъ будто собирались зимовать. Никогда этого не

бывало: пройдутъ, бывало, поторгуютъ или пограбятъ какую нибудь мелочь, чего не успѣютъ жители запрятать, да и дальше. А тутъ острогъ рубятъ, да жителей сгоняютъ на работу!... Для точнаго разсказа присланъ и очевидецъ, гонецъ изъ Чуди, Карнъ. При такомъ необычайномъ слухѣ, Гостомыслъ рѣшился созвать большой совѣтъ и поговорить о дѣлѣ; для этого зоветъ въ Новгородъ и Богомила, а также Стемира, который знакомъ съ разными варяжскими хитростями и повадками. Стемиръ собрался тотчасъ, взялъ съ собой пріятеля своего Гуды и вмѣстѣ съ Богомиломъ поплылъ внизъ по Ловати. Только что лодка ихъ собиралась выйти въ озеро. какъ навстрѣчу — нѣсколько варяжскихъ ладей.

Подобная встрѣча въ такое позднее время года была необычайна. Варяги пробирались къ югу всегда въ началѣ весны, пользуясь половодьемъ, во время котораго дальше могли плыть по неглубокой Ловати, чтобы, спустившись по Днѣпру, успѣть перевалить черезъ море въ Царьградъ еще лѣтомъ, потому что осеннія бури тамъ опасны. Что же имъ надо было теперь?..

Стемиръ очень легко узналъ своего стараго знакомца, конунга Труана, стоявшаго на кормѣ передовой ладьи, а съ нимъ еще Рюара и Ивора, съ которыми воевалъ вмѣстѣ въ грекахъ. Они перезвали его въ свою ладью и не останавливаясь пу-

стились вверхъ по Ловати. Богомилъ поворотилъ тоже домой вслѣдъ за гостями.

Стемиръ былъ очень радъ увидѣться съ своими товарищами по оружію и съ конунгомъ Труаномъ, предводившимъ на этотъ разъ весьма значительною шайкой. Тутъ же Стемиръ узналъ, что на невскихъ порогахъ въ строющемся острогѣ осталось двѣнадцать варяговъ; повыше волховскихъ пороговъ тоже заложенъ острогъ, и въ немъ будетъ зимовать гарнизонъ въ восемь варяговъ подъ начальствомъ храбраго Фарлафа; въ Новѣгородѣ оставлено человѣкъ двадцать; на устьѣ Назьи тоже будетъ острогъ для зимовки, а остальные съ самимъ Труаномъ пойдутъ дальше и остановятся въ Кривичахъ, въ городѣ Смоленскѣ, оберегать волокъ и строить новыя ладьи. Тутъ же узналъ Стемиръ и цѣль поздняго осенняго похода Труана. Онъ рѣшился навсегда занять великій путь, чтобы облегчить его. Варяги, поднявшись по Ловати, должны были обыкновенно перетаскивать свои ладьи по сухопутью въ Двину, тамъ плыли нѣкоторое пространство и опять сухимъ путемъ тащили ладьи въ Днѣпръ. Чтобы избавить себя отъ тяжкой работы перетаскиванья лодокъ, они рѣшились оставлять одни въ Ловати, переходить волоки на легкѣ и, имѣя другія въ Днѣпрѣ, садиться въ нихъ и спускаться дальше. Но чтобы оставлять ладьи въ безопасномъ мѣстѣ, надо было укрѣпиться, обезпечить себѣ спо-

койную и удобную зимовку. Труанъ, уже два раза проходившій по великому пути, хорошо узналъ мѣстность и разсчитывалъ оставить Двину вовсе въ сторонѣ, чтобы на ней не имѣть особеннаго запаса лодокъ. Стемиру понравился этотъ планъ: онъ съ перваго раза не понялъ, что если варяги «осядутъ» на землѣ, то уже не уйдутъ, и придется всѣмъ родамъ, живущимъ по великому пути, имъ покориться. Ему казалось пріятнымъ только сосѣдство добрыхъ товарищей, храбрыхъ воиновъ, съ которыми можно будетъ еще разъ-другой навѣдаться въ богатую Грецію, поторговать тамъ съ выгодою, или пограбить, смотря по обстоятельствамъ.

Но пока они плыли по Ловати, начинались уже морозы; погустѣвшая вода текла лѣниво; по берегамъ, въ затишьѣ, окраины затягивались уже льдомъ, такъ что на устьѣ Назьи пришлось остановиться. Труанъ приказалъ вытянуть ладьи на прибрежный песокъ, а за ночь Ловать покрылась уже тонкимъ слоемъ прозрачнаго льду.

Такъ Варяги въ первый разъ остались зимовать на Ловати. Это было въ 859 году.

На другой же день, пока земля еще не совсѣмъ скована была морозомъ, Труанъ приказалъ ставить острогъ неподалеку отъ стрѣлки. Рубились столѣтнія деревья, всѣ вѣтви съ нихъ тщательно обрубались, потомъ бревна стаскивались въ одно мѣсто, и заостренныя съ од-

ного конца, другимъ глубоко и прочно вкапывались въ землю. Это была трудная и мѣшкотная работа, и потому варяги тотчасъ потребовали помощи мѣстныхъ жителей. Богомилъ приказалъ своему роду помогать гостямъ, и работа закипѣла.

Предслава съ утра отыскивала и поджидала Богомила; она не хотѣла подойти къ нему, пока онъ толковалъ съ варягами, но только что онъ освободился и пришелъ въ свою избу, чтобы перекусить, Предслава остановила его на порогѣ. Она была страшна. Сѣдые волосы ея были растрепаны; по лицу и по рукамъ сдѣлано нѣсколько свѣжихъ кровавыхъ разрѣзовъ; глаза на выкатѣ; загрязненное бѣлое покрывало сдвинуто на сторону; босыя ноги въ крови. Взглянувъ на нее, Богомилъ остановился, будто окаменѣлый, и смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Что ты дѣлаешь, отецъ! Что ты дѣлаешь! — говорила страшная старуха:—Въ кабалу варяжскую отдалъ ты свой родъ, въ вѣчное рабство ты отдалъ своими руками и по доброй волѣ своихъ дѣтей родныхъ! Или ума ты рехнулся? Или Дажбогъ отвратилъ отъ насъ навсегда ликъ свой ясный?...

Богомилъ еще съ утра смутно понималъ, что дѣлается что-то неладное, и боялся самому себѣ объяснить дѣло такъ ясно, какъ толковала его Предслава. Какъ обухомъ пораженный въ лобъ, опустилъ онъ голову, отстранилъ рукою старуху отъ дверей, во-

шелъ въ избу и какъ разслабленный опустился на скамью. Ему все стало ясно, и зашибленный горемъ, онъ чувствовалъ болѣзненное удовольствіе, слушая упреки старухи; онъ даже дополнялъ ихъ, обвиняя себя больше и больше.

— Пусть-ка наши попробуютъ,—говорила между прочимъ Предслава, — не пойти завтра на работу, бревна таскать: анъ не смѣютъ не пойти, и пойдутъ, какъ рабы полоняники пойдутъ, оттого что старшина князь своими руками въ неволю ихъ отдалъ. А если кто не пойдетъ, того они плетью погонятъ, какъ скотину, да и старшину погонятъ плетью на работу, чтобъ онъ примѣръ показывалъ своему роду, какъ надо повиноваться господину своему Труану.

— Что-же дѣлать? Что-же дѣлать? — шепталъ Богомилъ, ухватясь за голову. — Ихъ не одолѣешь! Такой людной ватаги у насъ никогда еще не проходило!...

— Какъ что дѣлать?... Старшина - князь спрашиваетъ старуху, что ему дѣлать? Что на душѣ лежитъ, то и дѣлай. Поди ты къ Труану, снеси ему дары, поклонись ему и скажи: оставьте насъ, мы народъ бѣдный, мы народъ малый, у насъ нѣтъ ни цареградскихъ, ни хозарскихъ богатствъ. Оставьте насъ; мы любимъ свои лѣса, свои болота, — на что вамъ они? Ступайте, какъ всегда проходили, въ Царьградъ, и пусть онъ хоть весь будетъ вашъ со

всѣми своими богатствами, а намъ оставьте только наши лѣса...

Бѣдная старуха не знала еще, что завоевателя нельзя словами отклонить отъ его намѣреній, что варяги собираются осѣсть на великомъ пути, потому что это имъ удобно и выгодно, и что они очень мало заботятся объ удовольствіи завоеванныхъ. Наивный и добродушный Богомилъ повѣрилъ старухѣ, собралъ что у него было запасено бѣличьихъ и горностаевыхъ мѣховъ, взвалилъ все это на сына и пошолъ съ нимъ къ тому мѣсту, гдѣ работалъ его родъ вмѣстѣ съ варягами надъ постройкой варяжскаго городка. Тамъ Труанъ сидѣлъ на бревнѣ и съ усмѣшкою слушалъ пламенныя рѣчи бывшаго своего соперника, Рангвальда, во святомъ крещеніи Родіона, который говорилъ ему о вѣчномъ спасеніи, о будущей жизни и о суетѣ всѣхъ благъ мірскихъ. Конунгъ слушалъ его снисходительно, хотя не былъ согласенъ ни съ однимъ его словомъ. Христіанское ученіе любви къ ближнему было такъ чуждо суровой, неумолимой его натурѣ, что онъ считалъ Родіона помѣшаннымъ, и потому оставлялъ его говорить, а самъ между тѣмъ распоряжался установкою стѣнъ новаго городка. Въ это время подошелъ къ нимъ Богомилъ и отвѣсилъ конунгу, какъ гостю, мѣрный поклонъ.

— Конунгъ великій Труанъ! — сказалъ старшина тихимъ голосомъ, въ которомъ выражалась скорѣе

грусть, чѣмъ просьба: — Что мы тебѣ сдѣлали, мудрый варягъ? Чѣмъ прогнѣвили мы твою силу? За что разгнѣвался на насъ твой родъ? Или мы злое что сдѣлали твоему роду? Или мы не соблюли обычая и гостей varяговъ принимали недружелюбно? Или мы не пріютили больнаго варяга? Что мы тебѣ сдѣлали? За что чело твое нахмурилось и, какъ Перунъ-Сварогъ, ты строишь на насъ темную тучу, которая не пройдетъ, ни отъ солнца Дажбога, ни отъ Мараны разлучницы? И чего вамъ надобно на бѣдной рѣчкѣ Назьѣ? У насъ нѣтъ ни парчей цареградскихъ, ни золота, ни самоцвѣтныхъ камней. Лѣсъ нашъ родимый у насъ, да пчелы, да звѣрь дикій, вотъ все наше добро. Шкуръ тебѣ надо звѣриныхъ? Вотъ я принесъ: бери, вставай и уходи, мудрый варягъ. Не гонимъ мы тебя, какъ гостя, конунгъ великій. Если любо тебѣ, то погости зиму, поживи, но не руби, не строй этого города. Гостямъ мы всегда рады; родъ мой великъ; на десять дымовъ не придется и одинъ твой воинъ. Живите по домамъ. Хлѣба у насъ вдоволь, рыбы у насъ много, бараны есть жирные, медвѣди и лоси въ лѣсахъ. Ловите ихъ, или родъ мой будетъ вамъ ловить, и живите въ довольствѣ до весенней поры. Но не городите этого города, не рубите этого тына: вѣдь всякая тынинка въ душу нашу острымъ концомъ впивается!...

— Что онъ такое говоритъ? — спросилъ Труанъ, обратясь къ Родіону. Конунгъ понималъ изъ славянскаго языка лишь самыя необходимыя для торговли и для обыденныхъ запросовъ слова, а длинная рѣчь старшины поставила его въ тупикъ.

Родіонъ перевелъ ему рѣчь, какъ умѣлъ, на скандинавское нарѣчіе и прибавилъ уже отъ себя краснорѣчивыя мольбы о томъ, чтобы Труанъ оставилъ мирные берега Назьи или прекратилъ работу постройки городка.

— А что онъ такое принесъ съ собою?—спросилъ опять Труанъ.

— Это подарки тебѣ, дары,—отвѣчалъ съ упрекомъ Родіонъ.

— Пусть развернетъ и покажетъ.

Варягъ своими руками перебралъ и пересчиталъ каждую шкурку. Оказалось больше пяти сотъ шкурокъ бѣличьихъ и столько-же горностаевыхъ.

— А сколько дымовъ во всемъ его родѣ, спроси-ка его?

Богомилъ отвѣтилъ, что къ его роду принадлежитъ четырнадцать сотенъ избъ.

— Ну вотъ и хорошо, — сказалъ съ твердостью Труанъ, вставая;—такъ скажи-же ты ему, что этотъ даръ беру, а за зиму чтобы мнѣ было добавлено, чтобы съ каждаго дыма пришлось по бѣлѣ и по векшѣ. Теперь всего недостаетъ девяти сотенъ. Такъ и ска-

жи. Тоже скажи, что гостей гнать не годится, и что я стану гостить сколько мнѣ надобно.

Горько призадумался бѣдный Богомилъ, выслушавъ переводъ Родіона; потомъ слезы потекли по его щекамъ, голова опустилась на грудь; онъ весь задрожалъ и сѣлъ на землю тамъ-же, гдѣ стоялъ.

Но онъ мѣшалъ работникамъ, которые возились при постройкѣ. Одинъ изъ варяговъ, несшій впереди другихъ тяжелое бревно, толкнулъ его колѣнкой въ плечо и свалилъ старика, не замѣчавшаго, что вокругъ него дѣлается. Родіонъ помогъ бѣдняку подняться на ноги и отвелъ его домой.

Цѣлый день послѣ того никто не могъ добиться отъ Богомила ни слова.

Предслава пришла домой, разбитая горемъ. Внучки, увидя ея истерзанное лицо, перепугались и бросились ее обнимать. Старый Улѣбъ ждалъ ее съ нетерпѣніемъ. Вѣсти, принесенныя ею, были нерадостны. Она рыдала и съ трудомъ отвѣчала на разспросы Таны и Лилюши.

— Бабушка, милая, разскажи, чтоже тамъ на стрѣлкѣ дѣлаютъ варяги? Убили они кого изъ нашихъ? Или опять уводятъ въ Царьградъ?

— Хуже, глупенькая! Дань наложили.

— Чтоже, бабушка? У насъ всего много. Мы имъ дадимъ....

— Ну, вотъ видишь, что глупенькая! Не мѣ-

ховъ жалко, не меду, не воску, а стыда и позору жалко!....

— Не плачь, бабушка, милая! Чтоже за бѣда? Имъ нужны мѣха, вотъ мы имъ и дадимъ, и больше ничего....

— Экая ты какая! Поймай ты вотъ птичку вольную, выдери ты у нея изъ крылушка одно перушко,— оно бы и ничего; а свяжи ты ей крылушки, или обрѣжь, да всякій день выдергивай еще по перушку, хоть изъ хвостика.... Птичка-ли это будетъ?

— Какая-же птичка, когда летать не будетъ?

— Ну вотъ такъ-то и мы. Жили мы волей вольною, какъ птички небесныя, а вотъ пришли варяги, да крылушки намъ и скрутили, и у всѣхъ у насъ теперь руки связаны и подрѣзаны.... Прошло золотое наше времячко!...

— Вздоръ мелешь, баба!—замѣтилъ тутъ угрюмый Улѣбъ;—Ловать не потекла изъ озера Ильменя назадъ въ Кривичи! Земля славянская не вся еще вверхъ дномъ стала, и не всѣ мы еще вымерли! Ну пусть у насъ на стрѣлкѣ строится чужое гнѣздо: захватили насъ эти варяги врасплохъ, и все тутъ.... И всегда такъ-то у насъ бывало, что мы соберемся съ духомъ поздненько, да за то крѣпко. Неужли таки у насъ ни рукъ не стало, ни мечей, ни топоровъ.... Не тужи баба, не убивайся! Вотъ и внучекъ моихъ въ слезы ввела.... Поди ко мнѣ, Лилюша, поди сюда,

Тана. Не вѣрьте вы бабѣ! Не такова славянская земля, чтобъ не подняться, если Перуну-Сварогу и угодно было ее пригнуть....

И костлявыми руками своими онъ гладилъ бѣлокурыя головки внучекъ. и мозолистыми ладонями вытиралъ имъ глазки.

— Да, не убивайся! — отвѣчала сквозь слезы Предслава; — а увидѣлъ-бы ты дѣло, какое одна я видѣла, да Родіонъ, такъ не то бы заговорилъ: князя-то нашего, старшину, отца всего рода нашего, колѣнками они толкали.... на земь повалили.... Словно съ презрѣннымъ рабомъ-полоняникомъ сдѣлали, а послѣ этого выходитъ, что всѣ мы рабами стали....

— Полно, баба; говорятъ тебѣ! Ну чтожъ. что на земь повалили? Не такія бѣды бывали, да ничего, проходитъ, такъ и эта бѣда пройдетъ. Помяни ты мое слово: отольются волку овечьи слезки!...

IX.

Стемиръ вернулся домой довольно поздно и съ горькою усмѣшкою сказалъ своей Любушѣ: — Ну, моя бѣдная? Слышала?

— Дань наложили, — отвѣчала сердито кроткая Любуша.

— И поработали мы по заказу.... чего споконъ

вѣку не бывало,—прибавилъ помолчавъ Стемиръ — Поработали, и никто спасибо не сказалъ, и завтра велѣли приходить на работу.

— Перестань, Стемиръ, горевать, а вотъ поѣшь-ка лучше: смотри, какихъ блиновъ я тебѣ напекла.... Нашли рабовъ эти гости, чтобъ на нихъ работать! Да вѣдь недолго они погостятъ, Стемиръ? Правда? Вѣдь недолго? Вѣдь найдутся у насъ и руки, и копья на нихъ?

— Вишь ты у меня прыткая какая! — сказалъ Стемиръ, дружески глядя на свою жену: —только не знаешь ты этихъ варяговъ, душа моя. Ихъ немного, едва-ли насчитаешь одного на насъ десятерыхъ, да сила въ нихъ велика. Обычны они къ бою, и когда надо, то стоятъ такъ дружно, что будь хоть сто на одного, они не подадутся. У нихъ такой законъ и зарокъ постановленъ, чтобы всякій разъ одолѣть; а у насъ этого нѣтъ: и привычки нѣтъ драться, и не дружно стоимъ. Въ дракахъ своихъ, домашнихъ, у насъ всякій за себя стоитъ, будто отъ себя воюетъ, а они стоятъ стѣной, и ни чѣмъ ихъ не проймешь, хоть всѣхъ до одного переколи. Ну, и мечи-же у нихъ хороши: своими глазами видалъ, какъ размахнется, такъ барана пополамъ перерубитъ и съ потрохами совсѣмъ. Трудно, трудно будетъ намъ справляться....

— Да вѣдь не въ овечье-же стадо они попали,—

сказала задумчиво Любуша; — неужели наши мужи, какъ бараны, будутъ смирно протягивать шею, когда варягамъ вздумается пробовать свои мечи? Если такъ, то лучше не жить!...

— Погоди, Любуша, погоди, душа моя. — съ упрекомъ возразилъ Стемиръ; — нельзя такъ, очертя голову, въ омутъ бросаться. За сегодняшней-то работой можетъ быть не у одного руки чесались попробовать топора по варяжской головѣ, а дѣлать нечего, пришлось терпѣть, до поры довремени....

Гораздо позже, когда глухая морозная ночь закрыла землю и мелкій, но частый снѣгъ, тихо падая, застилалъ все, будто туманомъ, въ избу Стемира кто-то постучался. Хозяинъ отнялъ жердь, припиравшую дверь, ворвался холодный воздухъ со снѣгомъ и вошелъ гость.

— Я Вадимъ,—сказалъ вошедшій тихимъ голосомъ; — вслѣдъ за варягами пустился я по берегу, гналъ во весь духъ, былъ на Шелони, — а тамъ ничего и не слыхали, и вотъ поспѣшилъ къ тебѣ Ну что?

— Да что? Дань наложили, да на работу согнали, вотъ и все.

— А кровь не лили?

— Нѣтъ, ничего. А что?

— А вотъ какъ было дѣло въ порогахъ, на Волховѣ, слушай: варяги облюбовали себѣ мѣсто —

городъ рубить и заложили угловыя тынины. Говорятъ: хотимъ погостить, а сколько погостимъ, невѣдомо. Толкуетъ народъ, что будутъ рубить *погостъ*, а не городъ. Труанъ сталъ просить, чтобы помогли, а старшина и развѣсилъ уши. Согналъ свой народъ, а кто-то и заупрямился, чуть-ли не Лютъ, что такъ шибко торговалъ съ Чудью бѣлоглазою. Ну, варягъ его подъ затылокъ и ударь. Какъ взвоетъ Лютъ! какъ обернется! Однимъ махомъ и отрубилъ варягу руку. Скрутили его, связали крѣпко и привели къ этому Труану, къ пріятелю твоему. Судилъ не долго, а хорошо разсудилъ. Говоритъ, что для примѣра, чтобы впередъ ни у кого рука не поднялась на варяга. Этому Люту снесли голову, да отобрали еще девятерыхъ, и тоже избили. Нашихъ-же заставили яму копать возлѣ самой стѣны этого новаго *погоста*, покойниковъ туда побросали одного за другимъ, безъ головъ, да и зарыли. А головы, вишь, всѣ какъ есть, взоткнутъ на тынинки своего городка.

Стемиръ молча и угрюмо слушалъ Вадима и спросилъ его, за чѣмъ-же онъ явился на Назьѣ и какія надежды у сосѣдей?

— Меня послалъ Гостомыслъ, — отвѣчалъ Вадимъ, мало по малу одушевляясь; —онъ велѣлъ мнѣ не спускать глазъ съ варяговъ и послѣ все подробно разсказать ему; а также велѣлъ всѣмъ повѣстить, чтобы не горячились, чтобы выждали, чтобы приго-

товились. Онъ велѣлъ всѣмъ сказать, что тутъ нельзя дѣло дѣлать въ одиночку, потому что варяги осѣли и на невскихъ, и на волховскихъ порогахъ, и у насъ двадцать человѣкъ оставлено, вотъ опять здѣсь, да конечно не всѣ тутъ останутся: что имъ такой ватагѣ тутъ дѣлать?

— Уйдутъ они, уйдутъ въ Кривичи, —отвѣчалъ Стемиръ; — главное становище у нихъ будетъ въ Кривичахъ, на переволѣ изъ Ловати въ Днѣпръ. Но и здѣсь ихъ останется не мало. Гляди, какой городъ затѣяли: на четыре угла, и каждая сторона, отъ угла до угла, шаговъ будетъ сорокъ.

— Такъ слушай-же вотъ что: уговоръ такой, чтобы ласкать ихъ какъ гостей и слушать какъ господъ, чтобъ они спали спокойно и главное, чтобы привыкли спокойно спать въ своей берлогѣ. А придетъ пора, выберемъ денекъ, и разомъ ударимъ. Врозь потому нельзя, что слухъ изъ одного становища скоро дойдетъ до другаго, и тогда .. да тебя учить нечего, ты ихъ довольно знаешь: пойдетъ расправа, какъ съ Лютомъ, на Волховѣ....

— Ну, ужъ времячко! Вотъ до какого тяжелаго времени мы съ тобой дожили, Вадимъ! Жили беззаботно, припѣваючи, «сами въ собѣ володѣли», а тутъ—смотри какая напасть!... Да погоди, не долго они тутъ попразднічают: мы имъ уладимъ *погостъ* такой, какъ они устроили на Волховѣ.... Постой,

однако: у васъ какъ-же, въ Новѣгородѣ? Рубятъ городокъ, тоже?

— У насъ? Ты вѣдь знаешь Гостомысла... Это такая голова, что, можетъ быть, по всей землѣ первая голова. Онъ встрѣтилъ Труана, какъ самаго почетнаго гостя, а дружину его велѣлъ разобрать по домамъ и угостить. Варяги заупрямились-было, да онъ съумѣлъ какъ-то ихъ умаслить. Выходитъ какъ будто такъ, что онъ покорился, а тоже и такъ, пожалуй, что въ союзъ съ ними пошелъ. На его голову оставили они у насъ двадцать варяговъ; будутъ они жить въ сборной избѣ, а Гостомыслъ взялся самъ поставить вокругъ нихъ тынъ, для всякаго, говоритъ, случая. Труанъ заикнулся-было на счетъ дани, по одной бѣлѣ и по одной векшѣ съ дыма, а Гостомыслъ говоритъ, что онъ на это никогда не согласится, что для общаго дѣла, для успѣшной торговли съ Царемъ-градомъ этого мало, и что онъ даетъ въ даръ вмѣсто двухъ, по три шкурки отъ дыма. И вышло не дань, а даръ. Оно хотя и по тяжеле, да не такъ зазорно выходитъ....

Ночная бесѣда кончилась тѣмъ, что славяне во всякомъ случаѣ будутъ терпѣть до праздника Коляды, то есть до того времени, какъ усилятся морозы, а солнце пойдетъ на лѣто и дни будутъ становиться длиннѣе, а тамъ особый гонецъ повѣститъ о назначенномъ днѣ.

Труанъ дождался, что ледъ на Ловати окрѣпъ, оставилъ въ новомъ городкѣ человѣкъ десять подъ командой Ивора, собралъ сколько можно было лошадей и уѣхалъ въ Кривичи, къ тому мѣсту, гдѣ Ловать, близь болотистыхъ истоковъ своихъ, становится мелка и, какъ онъ зналъ по опыту, уже не поднимаетъ варяжской ладьи. Тамъ, среди небольшаго славянскаго рода Кривичей, онъ заложилъ еще городокъ, и отправился дальше, къ Днѣпру. Повсюду, какъ невидимая тѣнь, слѣдовалъ за нимъ новгородскій гонецъ Вадимъ, замѣчалъ каждый шагъ, вымѣрялъ каждый новый городокъ, толковалъ съ старшинами и со многими родичами, уговаривалъ подождать и потерпѣть, и уже не задолго до праздника Коляды возвратился въ Новгородъ съ подробнымъ отчетомъ. Изъ разсказовъ Вадима узналъ новгородскій старшина, что всѣ городки строются одинакіе: ставится тынъ четыреугольникомъ, каждая сторона длиною шаговъ тридцать-пять или сорокъ; бревно къ бревну пригоняется плотно, а гдѣ оставляются промежутки, то такіе узкіе, что едва стрѣла пролетитъ. Для входа и выхода оставляется въ двухъ стѣнахъ по два бревна, которые можно отнять и опять приставить, а въ особенно сдѣланныя зарубки приставляются колья, крѣпко подпирающіе эти подвижныя бревна. Въ срединѣ каждаго такого городка варяги рубятъ избу, живутъ тамъ всѣ вмѣстѣ, и каждую ночь одинъ изъ

воиновъ отъ сумерекъ до утра ходитъ кругомъ избы за тыномъ и не спитъ. Днемъ варяги работаютъ, а иногда по два и по три ходятъ въ лѣсъ, пропадаютъ подолгу и возвращаются черезъ нѣсколько дней или съ медвѣдемъ, или съ лосемъ, или съ какою нибудь мелочью. Въ случаѣ самаго малѣйшаго неповиновенія со стороны славянъ, они расправляются не иначе, какъ смертью. Въ Кривичахъ, на верховьѣ Днѣпра, Вадимъ своими глазами видѣлъ, какъ за какой-то вздоръ, по случаю какого-то спора между двумя родичами, одинъ не хотѣлъ уступить другому, а надо было работать: бревна таскать. Труанъ потребовалъ ихъ къ себѣ. Выслушалъ ихъ споръ, да не совсѣмъ, и говоритъ одному: а съумѣешь ты не смигнуть, какъ я мечемъ взмахну?—Тотъ и говоритъ: отчего смигнуть? не смигну.—Вытащилъ онъ мечъ, да какъ взмахнетъ, какъ свиснетъ мечъ-то — голова и слетѣла. Вотъ они какъ мирятъ спорщиковъ-то. А другой спорщикъ — бѣжать. Варяги разсмѣялись, и кричатъ ему вслѣдъ: воротись, погоди! Куда торопишься?...

Вѣсти были нерадостныя, и бѣдный Гостомыслъ не зналъ на что рѣшиться. Онъ зналъ очень хорошо, что открытая борьба — не въ нравахъ славянскихъ родовъ, и что варяги такой закаленный въ бояхъ народъ, что они такъ смѣло и безтрепетно смотрятъ въ глаза смерти, что кроткимъ, смирнымъ

славянамъ трудно будетъ справиться съ ними. Одно только было ему совершенно ясно, что надобно подождать, потерпѣть, приготовить наложенную дань, отложить расправу на нѣкоторое время, а между тѣмъ предупредить родичей, что въ наступающій праздникъ Коляды ничего не будетъ. Тотчасъ-же разослалъ онъ гонцовъ и принялъ мѣры къ сбору въ Новѣгородѣ обѣщанныхъ звѣриныхъ шкурокъ.

Зимній праздникъ Коляды прошелъ очень скучно. По прежнему, молодые парни и дѣвушки ходили отъ избы къ избѣ, славить Дажбога-солнце-красное, благодаря его за возвращеніе, за начало болѣе долгихъ дней. Но по приказу старшинъ, всякій подавалъ славильщикамъ, вмѣсто медовыхъ лепешекъ, блиновъ или жаренаго поросенка, какъ это было въ обычаѣ, только бѣличьи и горностаевыя шкурки. Рыбаки по прежнему выѣзжали на озеро, прорубали ледъ и ловили рыбу; охотники по прежнему уходили въ лѣса бить дикаго звѣря или ловить пушныхъ звѣрковъ. Съ виду ничто не измѣнилось; но каждая душа болѣла и ныла въ ожиданіи доброй вѣсти изъ Новагорода. А вѣсть эта не приходила, и нетерпѣливые роды на невскомъ устьѣ, на волховскихъ порогахъ, на озерѣ Ильменѣ, на Назьѣ, на верховьяхъ Ловати и въ Кривичахъ, у истоковъ Днѣпра, начинали сердиться и роптать на Гостомысла.

Однажды Стемиръ съ своимъ пріятелемъ Гуды

выбрались на охоту. Долго бродили они по глубокому снѣгу, отыскивая лося или медвѣдя, но удачи имъ не было. Уже два дня прошло въ утомительныхъ поискахъ; двѣ ночи они проночевали на снѣгу. И прежде такого рода неудачи случались съ ними, но тутъ они во всемъ обвиняли варяговъ, которые будто бы перебили всего звѣря и собираются голодомъ уморить славянское племя. На третій день къ вечеру они наткнулись на два свѣжіе слѣда, но не медвѣжьи, а человѣчьи. Стемиръ остановился и задрожалъ. Гуды подошелъ къ нему и тоже уставился глазами на свѣжую снѣговую тропу. До половины вытащивъ мечъ изъ ноженъ, Стемиръ тронулъ плечо своего товарища, показавъ ему въ ту сторону, куда направились слѣды, и въ это время глаза его такъ сверкнули, какъ будто Перунъ въ него вселился. Гуды понялъ въ чемъ дѣло, кивнулъ головою и схватился за рукоять своего цареградскаго меча.

Ни слова не говоря, не совѣщаясь, крались они, осторожнѣе дикихъ звѣрей, по слѣду варяговъ. По снѣгу видѣли они, что враги прошли недавно, что они могутъ быть недалеко, и высматривали непріятелей, какъ рысь высматриваетъ зайца. По обычаю славянскому, хотѣлось имъ напасть врасплохъ, не дать врагу приготовиться: но это удалось только вполовину. Сквозь кусты увидѣли они, что два варяга, напившись крови только что убитаго медвѣдя, возились

около него: обматывали ему переднія лапы и голову мочальною веревкою, чтобы тащить по снѣгу домой. Стемиръ остановился, наложилъ стрѣлу, спустилъ ее и бросился впередъ съ легкимъ копьемъ въ рукѣ. Раненый варягъ выхватилъ мечъ, и началась схватка. Гуды, не отставая отъ товарища ни на шагъ, бросился на другаго. Ловкій варягъ увернулся отъ тяжкаго удара цареградскаго меча, и въ тоже время ранилъ чудина въ бокъ; а Гуды, разсвирѣпѣвъ отъ боли, еще разъ махнулъ мечемъ и отрубилъ варягу руку совсѣмъ съ плечомъ. Оборотясь потомъ къ другому, который отчаянно дрался съ Стемиромъ, Гуды другому всадилъ мечъ въ спину, и самъ, обливаясь кровью, покатился на снѣгъ. Стемиръ кинулся къ своему другу. Рана его была не очень опасна: концомъ меча разсѣченъ былъ бокъ, и вытекло уже много крови. Стемиръ ощупалъ дно раны пальцемъ и убѣдился, что она не проникала въ глубину, хотя одно ребро было почти перерублено. Такая рана требовала внимательнаго и продолжительнаго ухода, а бѣдный Гуды былъ безъ чувствъ. Съ большимъ трудомъ ворочая и переворачивая гиганта-чудина, Стемиръ кое-какъ перевязалъ его, и кровь унялась. Къ счастію, въ десяти шагахъ оттуда была берлога того самаго медвѣдя, который былъ убитъ варягами. Стемиръ съ большимъ трудомъ перетащилъ своего раненаго товарища въ берлогу, помѣстилъ его какъ

можно удобнѣе и сѣлъ отдыхать. Передъ нимъ лежали тѣла варяговъ, и видъ ихъ доставилъ ему несказанное удовольствіе; лежалъ и медвѣдь. Не думая долго, онъ отрѣзалъ себѣ хорошій кусокъ еще теплаго мяса и принялся подкрѣплять свои силы. Не въ первый разъ приходилось ему ѣсть сырое мясо. Въ дальнихъ походахъ это было дѣломъ очень обыкновеннымъ, а на этотъ разъ огонь разводить было и не совсѣмъ безопасно: кто знаетъ, не бродитъ-ли неподалеку еще кто-нибудь. Дымъ могъ бы привлечь его, а Стемиру никакъ не хотѣлось, чтобы еще чьи бы то ни были глаза видѣли варяжскія тѣла.

Перекусивъ вплотную, Стемиръ обложилъ голову своего друга снѣгомъ и принялся за трудную работу: надо было убрать тѣла и кровь такъ, чтобы они не бросались въ глаза, въ случаѣ если когонибудь судьба привела-бы въ эту трущобу. Среди работы, онъ вдругъ услышалъ слабый стонъ своего раненаго друга и тотчасъ подошелъ къ нему.

— Ну, что душа моя? — спросилъ онъ, наклонясь къ самому уху больнаго.

— Марана близко или далеко? — спросилъ въ отвѣтъ на это Гуды.

— На этотъ разъ мимо проскочила, — отвѣчалъ Стемиръ.—Хорошо, что ты проснулся, а то я ушелъбы не простясь. Слушай. Ты тутъ лежи у меня смирно. Захочешь ѣсть, такъ на это будетъ лежать

возлѣ тебя ломоть медвѣжатины. А я пойду прямо домой и притащу сюда Предславу. Можно-бы и тебя взять домой, еслибы придти за тобой съ товарищами, да боюсь этихъ варяговъ: пронюхаютъ они, что на деревнѣ кто-то раненъ, да хватятся своихъ товарищей. такъ худо будетъ и намъ съ тобой, и цѣлому роду. Такъ ужъ ты потерпи, голубчикъ. Завтра къ вечеру вернусь съ нашей вѣдьмой, и живо поставимъ тебя на ноги...

Оставивъ своего раненаго товарища въ берлогѣ, Стемиръ пошелъ по прямому направленію домой. Его вело и знаніе роднаго лѣса, и то странное чутье, которое такъ вѣрно выводитъ лѣснаго жителя къ цѣли его похода.

Дорогою онъ успѣлъ о многомъ передумать, и порѣшить, что будетъ дальше. Придя домой около полудня, онъ весело поздоровался съ Любушей и на вопросъ ея, отчего-же съ нимъ нѣтъ Гуды, отвѣчалъ, что онъ оставилъ его въ лѣсу, караулить медвѣдя. Потомъ тихимъ голосомъ разсказалъ онъ ей, что рѣшился оставить родную Назью и выселиться съ великаго варяжскаго пути подальше, къ востоку, въ Мерю, за озеро Селигеръ, на большую рѣку, какой она еще не видала, на Волгу.

— Милый мой! — отвѣчала печально Любуша:—развѣ всякая надежда пропала, и варяги навсегда здѣсь остались?

— Не останутся они, будь покойна, — сказалъ еще тише прежняго Стемиръ: — сегодня только двоихъ мы съ Гуды отправили къ Маранѣ; да бѣднаго друга моего царапнули они крѣпко, и ему придется проваляться еще долго. Раненаго держать намъ нельзя, чтобъ не узнали варяги, а если узнаютъ, да смекнутъ, что онъ раненъ какъ разъ въ то время, когда пропали у нихъ два воина, то ты знаешь, что будетъ, ты слыхала, какъ расправляются варяги. Не только меня, да и Хорька нашего, и тебя не пожалѣютъ.

— Что-же? заходилъ ты къ Предславѣ? Вѣдь Гуды одинъ, въ лѣсу!... волки, вьюга, а онъ вѣдь безъ памяти!.. Возьмемъ лошадь у Прастѣна, другую у Путши...

— Постой, постой! Вишь какъ заторопилась. Погоди. Гуды припрятанъ у меня въ берлогѣ, а волкамъ будетъ чего перекусить и безъ него; не побрезгаютъ и варягами, и медвѣжатиной, а теплаго человѣка безъ нужды они ѣсть не станутъ. А что времени терять не слѣдуетъ, такъ это правда. Ступай ты къ Предславѣ, разскажи все дѣло какъ есть, да не кричи. Гуды лежитъ у меня отсюда на востокъ, пѣшему человѣку будетъ ходу полдня. А еще дня три — и Меря, народъ бѣлоглазый, такой-же, какъ Чудь, и озеро большое, Селигеромъ зовется, и рѣка привольная, и житье вольное, безваряжное.

Любуша на ходу накинула на себя овчинный тулупъ и скрылась.

Собраться въ дальнюю дорогу въ ту пору было очень легко. Все имущество славянъ было въ то время такъ немногосложно и такъ дешево, что захвативъ съ собою оружіе, платье, да женскія украшенія, да мѣшка два три хлѣба, остальное не жалко было бросить на произволъ судьбы. Не такъ легко было уговорить Предславу къ окончательному переселенію въ Мерю, на Волгу. Съ одной стороны постыли ей Ловать и Назья, съ тѣхъ поръ какъ на стрѣлкѣ выстроилось варяжское воронье гнѣздо, но съ другой—она тутъ выросла, она пріобрѣла между славянами почетную извѣстность своими врачеваніями и волхвованіями, и переѣзжать въ Мерю, въ среду чуждую, иноплеменную, на старости, ей казалось страшно. А если опять она думала о томъ ужасномъ мщеніи, какое постигнетъ родъ Богомила, если варяги откроютъ виновниковъ смерти двухъ воиновъ, то ей хотѣлось въ ту же минуту быть какъ можно дальше отъ Ловати; но вновь думая о криницѣ Перуна, о завѣтныхъ дубахъ, ей хотѣлось остаться. Послѣ многихъ колебаній, однако, она рѣшилась, и уже сама стала торопить сборы въ дорогу. Мужа своего она не спрашивала: онъ уже лѣтъ тридцать какъ привыкъ безусловно слушаться совѣтовъ своей вѣщуньи, и молча сталъ собирать свои крючки, удоч-

ки, мережи и другія рыболовныя снасти. Сосѣди охотно промѣняли двѣ лошади съ санями на оставляемые запасы хлѣба, на овецъ и ульи, и скоро все было готово. На первые сани уложили Хорька и двухъ внучекъ Предславы, прикрыли ихъ рогожами, какъ будто никого не было, а возжи дали въ руки старому Улѣбу; на другихъ саняхъ Любуша и Предслава сидѣли на своихъ мѣшкахъ. Неутомимый Стемиръ ушелъ впередъ, и не на востокъ, а прямо на западъ, чтобы обмануть бдительность варяговъ, которые могли замѣтить принятое имъ направленіе. Пройдя довольно далеко берегомъ Назьи, онъ углубился въ лѣсъ, сдѣлалъ большой крюкъ, повернулъ къ востоку и уже гораздо выше варяжскаго городка перешелъ черезъ Ловать. По его слѣду, глубокимъ снѣгомъ, тронулись лошади и скоро пропали изъ глазъ нѣсколькихъ сосѣдей и особенно сосѣдокъ, выглядывавшихъ изъ своихъ избъ.

Среди ночи добрались путники наши до своего раненаго друга. Онъ стоналъ и бредилъ. Осторожно и съ большимъ трудомъ переложили они его на приготовленную въ саняхъ кучу овчинныхъ шкуръ, а дѣти остатокъ ночи провели въ берлогѣ. Поутру двинулись они дальше, и только молили Сварога-Перуна, чтобы онъ послалъ хорошаго снѣгу съ вьюгой, чтобы закрыть и замести глубокій слѣдъ, оставленный санями на снѣгу.

— Тана! Тана! смотри, какая равнина! и холмы какіе хорошіе кругомъ! — говорила черезъ нѣсколько дней Лилюша своей сестренкѣ. — Это вѣрно озеро... У, какое большое!

— Это Селигеръ, — сказалъ имъ Улѣбъ. — Озеро хорошее, рыбное.

— Дядя! — вскричала Тана: — Послушай, здѣсь мы и будемъ жить?

— Не знаю, — отвѣчалъ Стемиръ; — осмотримся, поглядимъ: не съ озеромъ жить придется, а съ людьми. Вотъ еслибы снѣжокъ эти дни выпалъ, то пожалуй здѣсь бы и остановились. Давно пора успокоить бѣднаго Гуды. Да вотъ бѣда! Слѣдъ мы слишкомъ глубокій оставили, а варяги....

— Поѣдемъ! Поѣдемъ поскорѣе дальше, дядя!..

И еще нѣсколько дней сряду дѣвочки просили, чтобы какъ можно скорѣе ѣхать и подальше забираться отъ варяжскаго гнѣзда. Они ѣхали по ледяному покрову Волги, и уже не разъ попадались имъ то небольшія, то довольно многолюдныя селенія финскаго племени Мери, которое жило по всѣмъ верховьямъ Волги и по рѣкамъ, въ нее впадающимъ. По рѣкѣ вилась дорожка отъ нѣсколькихъ саней, проѣхавшихъ прежде нашего каравана, такъ что путь былъ легкій и удобный.

Выбравъ отдаленное, глухое мѣсто на одномъ изъ притоковъ покрытой лѣсами Волги, они остано-

вились возлѣ двухъ лачужекъ бѣдныхъ финскихъ рыбаковъ. «Живите съ миромъ»!—сказали имъ финны, и измученнаго дорогою больнаго внесли наконецъ въ закопченую, черную, низенькую финскую избушку.

X.

Но не одинъ Стемиръ съ своими ближними переѣхалъ въ Мерю. И съ волховскихъ пороговъ, и съ озера Ильменя, и изъ Кривичей весьма многіе славяне, не вытерпѣвъ того положенія, въ которое поставили ихъ варяги, бросили свои дома, свои запасы хлѣба, свои лодки, и искали убѣжища среди смирнаго финскаго племени на великой рѣкѣ. Весною, только что вода выступила изъ береговъ и ледъ уплылъ въ море, весело и беззаботно принялись мужчины строить себѣ новыя жилища; женщины, неутомимыя работницы, ловили рыбу; дѣти, еще съ большею неутомимостью, строили маленькіе домики и ловили маленькихъ рыбокъ. Казалось, что возвратилось время прежняго, спокойнаго и мирнаго житья.

Но варяги не дремали. Досадуя на то, что изъ-подъ ихъ власти вырвалось нѣсколько сотенъ славянскихъ семействъ, они выслѣдили ихъ путь, увѣрились, что они всѣ пустились на востокъ, и вслѣдъ за ними, въ самомъ началѣ весны, цѣлая ватага ва-

ряговъ явилась у истоковъ Волги. Бѣдные финны покорились безропотно, согласились платить установленную дань, а славяне скрывались въ лѣса, не столько уже для избѣжанія дани, сколько спасая себя и свои семейства отъ кроваваго мщенія Труана и свирѣпыхъ его варяговъ. Тѣ, которые не успѣвали скрыться, были обезглавлены безъ всякаго суда: варяги признавали бѣглецомъ всякаго, у кого славянскія черты лица и высокій ростъ выдавали его не финское происхожденіе.

Такъ варяги укрѣплялись въ странѣ и увеличивали число своихъ данниковъ. А весною на великомъ пути явились новыя ватаги пришельцевъ; многіе изъ нихъ проходили дальше, въ греки; нѣкоторые оставались въ погостахъ, построенныхъ по рѣкамъ, и новгородскій старшина, при видѣ огромнаго наплыва новыхъ и свѣжихъ враговъ, начиналъ терять всякую надежду. Но у него былъ надежный помощникъ, Вадимъ, который съ изумительною неутомимостью переходилъ отъ одного рода къ другому, изъ села въ село, ободрялъ упадавшихъ духомъ, просилъ потерпѣть, скрѣпиться и дождаться вѣсти, чтобы всѣмъ славянамъ въ одно время, въ одинъ день, ударить на варяжскіе городки, на *погосты* ненавистные.

Весенній праздникъ Красной горки отошелъ нерадостно по всему великому пути; варяговъ не встрѣчали уже какъ проѣзжихъ купцовъ съ царeград-

скими товарами, а какъ враговъ, скрывались отъ нихъ и только насильно отдавали хлѣбъ и прочіе товары, для нихъ необходимые. Отошелъ и Купальный праздникъ, и во время лѣтнихъ работъ добродушные славяне начали меньше прежняго обращать вниманіе на чужеземцевъ, между ними жившихъ. Многіе ворчливые старики находили даже, что оно и не совсѣмъ худо, оттого что молодежъ нынче вовсе отъ рукъ отбилась, все наровитъ ссориться, а при варягахъ—нѣтъ, не смѣетъ. Чтоже касается до дани, то они говорили, что это пустяки: пару шкурокъ отдалъ, и знать ничего не знаю, по крайности не боюсь, что придутъ какіе нибудь озорники сосѣди, да ни съ того ни съ сего и выжгутъ домъ. Другіе не соглашались съ этимъ. Пары шкурокъ не жалко,— говорили они; — въ наши поставушки попадается звѣря столько, что иной разъ дѣвать некуда, а главное дѣло, что они занозой у насъ засѣли и надобно намъ эту занозу вонъ выдернуть. У меня съ сосѣдомъ ссора, и никому до этого нѣтъ дѣла, я самъ эту ссору покончу какъ знаю: захочу — помирюсь, не захочу — подерусь. Наше это дѣло, и чужому человѣку не слѣдъ мѣшаться. Повздорили мы съ бориславовцами, ну, и подрались какъ слѣдуетъ, а теперь друзья-пріятели такіе, какихъ только поискать. Нѣтъ, варяги только помѣха въ нашемъ житьѣ, не говоря уже того, что дань платить—какъ-то зазорно.

Наступила опять зима. Самые дѣятельные люди ждали ее съ нетерпѣніемъ, посылали отъ себя гонцовъ къ Гостомыслу, требуя скорой и окончательной рѣшимости. Гостомыслъ всѣмъ отвѣчалъ, что около нынѣшней Коляды онъ непремѣнно повѣститъ, какой день назначенъ, но чтобы дань непремѣнно была собрана, какъ и въ прошлый разъ, славильщиками Дажбога Сварожича.

Въ самомъ дѣлѣ, передъ самымъ праздникомъ коляды, то тамъ, то здѣсь сталъ опять являться Вадимъ, повеселится, покричитъ, повздоритъ, поживетъ день другой, и опять пропадетъ. Послѣ праздника уже онъ показался и на Волгѣ; но тамъ варяги не настроили своихъ погостовъ, и потому Вадиму не было надобности скрываться, и онъ пріѣхалъ къ Стемировой избѣ среди бѣла дня. — Что ты строишь, человѣчекъ?—спросилъ онъ Хорька, который возился передъ домомъ въ снѣгу.

— Погостъ варяжій строю,—отвѣчалъ шестилѣтній кудрявый Хорь.

— Зачѣмъ тебѣ? Развѣ мало ихъ безъ тебя настроено?

— Затѣмъ, чтобъ весной растаялъ. Бабушка Предслава говоритъ, что имъ до весны только и стоять.

— И вправду вѣдьма твоя бабушка Предслава. А отецъ гдѣ?

— Отецъ дома. Во какого лося съ Гудой приволокъ! Пойдемъ, я тебѣ покажу.

Вѣсти, привезенныя Вадимомъ были очень радостны, такъ что расшевелили даже неподвижнаго Гуды, который совсѣмъ поправился и даже нѣсколько отяжелѣлъ на привольномъ житьѣ. — Былъ я вездѣ, гдѣ быть надо, братцы вы мои, — говорилъ Вадимъ, закусывая блиномъ кусокъ лосьяго мяса, — и васъ не забылъ, потому что пріятели, а также и потому, что время есть, да и рука расходилась. Какъ есть у всякаго погоста погостилъ, и все готово. Остается только завернуть къ двумъ-тремъ добрымъ людямъ подальше, внизъ по Волгѣ; а можетъ быть кого изъ здѣшнихъ залучу: Меря народъ хорошій.... Немного уже намъ приходится потерпѣть, всего только до распутицы. Въ самый тотъ день, какъ тронется ледъ на Волховѣ, назначена варягамъ баня по всей землѣ, отъ самаго невскаго устья и вплоть до Днѣпра. Думаю себѣ, что Стемиръ тутъ на праздникѣ не лишній будетъ, и пригодится тоже цареградскій мечъ нашего пріятеля.

— Постой. Какъ же рѣшено? Днемъ напасть, или ночью?

— Гостомыслъ говорилъ, что вольному воля, и какъ гдѣ будетъ выгоднѣе, такъ и дѣлать. Толковалъ я съ разными лучшими людьми въ разныхъ мѣстахъ, такъ всякій толкуетъ по своему. Только

у насъ въ Новѣгородѣ едва-ли мы ихъ бить будемъ. Гостомыслъ пообѣщалъ имъ выстроить тынъ, да такъ на посулахъ и съѣхалъ: умаслилъ, успокоилъ, и уже такъ подружился, что душа въ душу съ ними живетъ. Чуть-ли не хочетъ онъ обобрать у нихъ оружіе, да и выпроводить за море. У насъ это такъ можно еще сдѣлать, а вотъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ городки настроены, пожалуй что ихъ придется либо выжечь, либо вырѣзать — ну, какъ гдѣ сподручнѣе будетъ, какъ тамъ знаете. Только не такой это народъ, чтобы по доброй волѣ ушли. Варяги, одно слово.

— Кто же у насъ на Назьѣ воеводой будетъ? Выбрали, что ли?

— Долго-ли выбрать воеводу? Это дѣло неважное; всего только двое, трое на селѣ въ воеводы смотрятъ, они и извѣстны, ну, одного народъ и назначитъ, какъ соберется. Только думается мнѣ, что тебѣ не къ чему идти на Назью. Тамъ есть и безъ тебя народъ и крѣпкій, и бывалый, концомъ копья вскормленный. А вотъ въ порогахъ, на Волховѣ, народу мало: избили многихъ эти варяги. Такъ тебѣ дорога туда. Знаешь ты новаго-то старшину?

— Гдѣ мнѣ его знать? Кто такой?

— Ну, все равно. Приди ты къ нему, скажи, что молъ Вадимъ кланяться велѣлъ, да стрѣлу при немъ и переломи. Онъ ужъ будетъ знать, кто ты такой, я уже сказывалъ ему. А Гуды пойдетъ. тоже?

— Туды пойдетъ, — отвѣчалъ чудинъ, — а отъ пороговъ недалеко и невское устье: домой навѣдаюсь, давно не бывалъ.

— Погоди. А что нашъ старшина? Живъ еще? Пожалуй уже вовсе изъ ума выжилъ?

— Богомилъ-то? Да съ тѣхъ поръ, какъ его варяги побили, или толкнули, я уже не знаю, съ тѣхъ самыхъ поръ носъ повѣсилъ. Едва слово скажетъ, и замолчитъ. Ни во что не мѣшается, ни на одномъ хороводѣ не былъ, совсѣмъ старикъ раскисъ.

Когда Предслава узнала о приготовленіяхъ, тотчасъ-же объявила, что она ѣдетъ тоже домой: — Будетъ много работы, — говорила она, — будетъ много крови, и старуха Предслава еще разъ послужитъ своему роду. Скоро, скоро старуха уйдетъ съ этого свѣта, такъ пусть не забудетъ ее родъ, пусть помнитъ, что въ великій день Предслава потрудилась на своихъ и не одному родичу облегчила мỳки тяжкихъ ранъ. Внучки пусть останутся тутъ, съ Любушей и Хорькомъ; мой старый пусть имъ помогаетъ покамѣстъ своей рыбой, а тамъ, понемножку, выбирайтесь домой, чтобы весну намъ встрѣтить на родимой Назьѣ нашей....

Въ тотъ самый день, какъ тронулся Волховъ, въ Новѣгородѣ была странная сцена: двадцать пять обезоруженныхъ и связанныхъ варяговъ стояли рядомъ, ожидая, что сейчасъ-же имъ начнутъ одному за другимъ рубить головы. Они не могли ждать ничего другаго, потому что сами не съумѣли-бы иначе распорядиться съ своими плѣнниками. Правда, что они нерѣдко продавали плѣнниковъ въ неволю, но только такихъ, которые были кротки и послушны; а варяга никто не купитъ. Сообразно нравамъ своей страны, они ждали смерти безъ страха; они бранили своихъ побѣдителей, смѣялись надъ ними и всячески старались оскорбить, чтобы поскорѣе прекратилось то положеніе неизвѣстности, которое всегда бываетъ такъ тягостно. Вооруженная стража окружала ихъ плотною стѣною и въ глубокомъ молчаніи ожидала появленія старшины. Наконецъ Гостомыслъ вышелъ изъ сборной избы и быстро вошелъ въ нестройную толпу, среди которой стояли варяги.

Онъ снялъ шапку и низко имъ поклонился. — Почтенные гости, — сказалъ онъ кротко: — прошла ваша пора и настала наша. Но мы не желали и не желаемъ вамъ зла. Пока вы только проходили по нашему великому пути, мы жили мирно. Идите же и теперь съ миромъ, но не возвращайтесь къ намъ больше. Впередъ мы будемъ «сами въ собѣ володѣти,»

и васъ къ себѣ не пустимъ ни за что. Ладьи готовы; мои люди вывезутъ васъ за невское устье, и тамъ оставятъ на низменномъ Котлинѣ островѣ. Придутъ другіе варяги и вывезутъ васъ за море. Но скажите всему своему роду, что здѣсь нѣтъ больше пути въ греки, что кромѣ смерти варягу ждать здѣсь нечего. Простите, почтенные гости! Простите!

Онъ опять имъ поклонился и приказалъ вести ихъ къ ладьямъ.

Дня черезъ два одно за другимъ стали приходить извѣстія съ варяжскихъ погостовъ. Первымъ явился Стемиръ, и Гостомыслъ принялъ его какъ сына роднаго.—Ну, сказывай прежде всего,—сказалъ онъ;—м эго-ли нашихъ погибло?

— Нашихъ легло двадцат два человѣка, да искалѣчили человѣкъ пять, а они легли всѣ двѣнадцать.

— И какъ-же? на копье взяли, или хитрость какую придумали?

— Какъ есть на копье. Раздѣлились мы, вишь ты, пополамъ: у старшины дружина, у меня дружина. Я засѣлъ въ лѣсу, а старшина вышелъ прямо съ берега. Ну, какъ водится, пустили стрѣлы съ огнемъ, еще пустили по другой, по третьей. Человѣка два изъ варяговъ принялись тушить, а остальные выскочили, стали всѣ въ рядъ, да на нашихъ бѣгомъ. Пока они схватились, мы изъ лѣсу тоже бѣгомъ, да

и окружили ихъ. Ничего, жарко-таки было. Старшину убили, да и моего дурака Гуды какой-то варягъ наповалъ хватилъ: угодилъ поперегъ горла. Послѣ того мы варяжскую избу разметали, городъ ихъ изрубили, ихъ всѣхъ въ землю зарыли, тутъ же, на погостѣ, а тѣла нашихъ, какъ водится, по обычаю, сожгли во славу Перуна Сварога, всѣхъ вмѣстѣ, и костеръ изъ варяжскаго города соорудили.

— Ну вотъ, и слава Сварожичамъ! — сказалъ Гостомыслъ; — остается однако великое дѣло: какъ народу соберется отъ разныхъ погостовъ побольше, то надо будетъ подумать: дальше то что будетъ?—Не пришли-бы они расплачиваться, не вздумали-бы они опять попробовать съ насъ дань собирать? Вѣдь это съ нихъ станется, народъ они упорный!

Мало-по-малу получены были самыя пріятныя извѣстія со всѣхъ погостовъ: варяги были истреблены поголовно. Не теряя времени, Гостомыслъ собралъ изъ своихъ новгородцевъ дружину охотниковъ, человѣкъ въ полтораста, приказалъ имъ засѣсть на островкѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ озеро Нево начинаетъ течь къ морю, и безъ пощады истреблять всякій отрядъ варяговъ, какой ни покажется. Вооруживъ ихъ какъ можно лучше, онъ обѣщалъ имъ еще помогу. Другому отряду велѣлъ онъ засѣсть на самомъ устьѣ Волхова, чтобы добивать тѣхъ, кто успѣетъ проскользнуть мимо перваго отряда.

Ликованіе по всей землѣ было великое, и праздникъ Красной горки, въ этомъ году отложенный на цѣлые десять дней, по случаю изгнанія и избіенія варяговъ, былъ такъ шуменъ и радостенъ, какъ еще никогда не бывалъ. Въ Новѣгородѣ собралось множество старшинъ и съ великаго пути, и изъ Мери, и изъ Веси, и пока молодежъ веселилась, старики совѣщались о томъ, какія должны быть приняты мѣры для общей защиты: извѣстно было, что варяги не легко оставляютъ свои намѣренія и планы.

На Назьѣ старый Богомилъ какъ будто ожилъ. Выпрямился его сгорбленный станъ, опять засверкали потухшіе глаза, и собравшійся на стрѣлкѣ родъ съ прежнимъ почтеніемъ разступился передъ нимъ, когда онъ, въ бѣлой рубашкѣ своей и въ собольей шапкѣ, подходилъ къ костру, воздвигнутому для жертвоприношеній. Сначала онъ прочелъ обыкновенное воззваніе къ Перуну-Сварогу, а потомъ обратился ко всему своему роду съ такою рѣчью:

— Дѣти мои милые! Спасибо вамъ отъ всей земли за подвигъ ратный; спасибо тебѣ, воевода Путша, что ты, крови своей не жалѣючи, впереди всѣхъ напалъ на варяжье гнѣздо и свалилъ перваго варяга, страшнаго Ивора. Спасибо. Великое горе было по всей землѣ; Перунъ - Сварогъ, во гнѣвѣ своемъ, отвратилъ отъ насъ ликъ свой грозный, ибо тяжко прогнѣвали мы его. Не тѣмъ прогнѣвали мы его,

что весь прошлый годъ жертвъ не приносили: мы не смѣли, мы не были вольны, а только вольный народъ можетъ обращаться къ Перуну-Сварогу. Раньше еще, всѣми грѣхами нашими прогнѣвали мы Сварога, и тѣмъ, что жалѣли ему жертвъ, не давали ему избранниковъ его, а приносили скотовъ. Прогнѣвался онъ на насъ и разогналъ нашъ родъ, и ушли наши въ Мерю, въ Весь, въ чуждыя страны, оставили насъ однихъ расправляться съ врагами. Родъ избралъ Перуну жертву; мы не хотѣли найти ее, хоть изъ подъ земли достать, и вотъ въ тотъ же годъ, припомните это, въ тотъ-же самый годъ варяги осѣли на великой славянской землѣ. О Перуне-Свароже! какъ намъ теперь заслужить твою милость?

Старшина-князь поднялъ руки къ небу и потомъ повалился ницъ. Весь народъ, сколько его ни было на стрѣлкѣ, повалился вмѣстѣ съ нимъ. Грубѣйшіе предразсудки владѣли тогда всецѣло душами полудикихъ славянъ. Они въ самомъ дѣлѣ увѣрены были, что Перунъ прогнѣвался на нихъ, и многіе вспоминали, какъ на праздникъ Красной горки, ровно два года тому назадъ, Перунъ избралъ себѣ въ жертву маленькаго Стемирыша и не получилъ своей жертвы. Сама Предслава, любившая Хорька точно внука роднаго, съ трепетомъ помышляла о гнѣвѣ грознаго божества, поразившаго цѣлый народъ за то, что она сама, по непростительной слабости, помо-

гала укрывательству избранника. Отецъ убитаго въ свалкѣ съ варягами Прастѣна внутренно упрекалъ Стемира за то, что онъ самъ ушелъ въ безопасное мѣсто и не принималъ никакого участія въ опасномъ и кровопролитномъ избіеніи варяговъ. На Назьѣ не было еще извѣстно, что Стемиръ дрался въ другомъ мѣстѣ, и всѣ на него роптали.

Страшное молчаніе всего повергшагося на землю народа обозначало, по мнѣнію суевѣрныхъ славянъ, что Перунъ-Сварогъ въ это время выбираетъ себѣ жертву, а имя ея будетъ названо родомъ, только что онъ поднимется на ноги.

— Меня, меня старуху возьмите! — вскричала вставая растрепанная, сѣдая Предслава, сверкая глазами;—я укрывала въ лѣсу Стемирыша! Я навела на нашу землю гнѣвъ Перуна-Сварога! За меня лилась вся эта кровь, изъ за меня земля терпѣла униженіе!...

Народъ поднялся; но всякій чувствовалъ, что не старуха, на этотъ разъ,—избранница Перуна. Никому не приходила она въ голову, и потому Богомилъ подозвалъ ее къ себѣ, отвергъ ея жертву, сказалъ, что она роду нужна, такъ какъ у нея на рукахъ человѣкъ десять раненыхъ родичей, и тутъ же закололъ бѣлаго козленка, заранѣе приготовленнаго. Это означало, что избраніе жертвы, угодной Перуну, отложено до завтра. Только что запылалъ костеръ,

какъ раздались пѣсни, хороводъ пришелъ въ движеніе, и до самаго вечера не прекращалось веселье.

Уже довольно поздно вечеромъ на другомъ берегу широко разлившейся Ловати показалась Любуша, и громкимъ, веселымъ голосомъ крикнула, чтобы Стемиръ или кто нибудь изъ родныхъ перебрался за ней черезъ рѣку въ лодкѣ. Она стояла близь воды, держа за руку своего кудряваго Хорька, а за нею по сырому лугу спускался усталый, ветхій Улѣбъ, держась за руки двухъ своихъ внучекъ. За шумомъ и говоромъ хоровода ея голосъ не сразу былъ услышанъ. Когда къ ней подошелъ Улѣбъ съ своими внучками, то она условилась съ Лилюшей и Таной крикнуть вмѣстѣ: авось тогда услышитъ загулявшійся хороводъ. И вотъ, смѣясь и подшучивая, собрались онѣ и закричали своими ясными, звонкими голосами:

— Ауу! лодку давайте!

Хороводъ остановился. Всѣ разомъ увидѣли за рѣкой веселую группу, а впереди ея кудряваго Стемирыша, и у всѣхъ разомъ мелькнула мысль, что Перунъ самъ посылаетъ свою жертву! Произошла большая суматоха. Десять лодокъ разомъ бросилось на ту сторону. Цѣлые десятки совѣтовъ летѣли вслѣдъ за удалявшимися гребцами, и можно было разобрать только, что Любушу надо подержать покамѣстъ на той сторонѣ. Многіе усердные люди принялись та-

скать дрова и хворостъ, спѣша заготовить угодный Перуну костеръ; другіе побѣжали за старшиной...

XI.

Въ это время Стемиръ, спокойно сидя въ новгородской сборной избѣ, толковалъ со старшинами и представителями разныхъ славянскихъ родовъ, а также Мери и Вѣси. По обыкновенію своему, ловкій Гостомыслъ направлялъ всѣ разговоры и велъ дѣло такъ, какъ ему казалось наиболѣе выгоднымъ для общей пользы. Защита, конечно, должна была состоять въ томъ, чтобы окончательно запереть варягамъ самый входъ на великій путь въ греки; но такъ какъ всю тягость защиты несправедливо было-бы возложить на однихъ новгородцевъ, то старики охотно согласились, что всѣ роды одинаково должны были вносить свою долю крови въ дѣло общей обороны. Всѣмъ дружинамъ приходилось являться въ Новгородъ и оттуда уже смѣнять сторожевые полки на озерѣ Нево. Опредѣлено было, что смѣна будетъ происходить каждый мѣсяцъ. Болѣе долгій срокъ службы казался уже тягостнымъ для славянъ, привыкшихъ къ спокойной и мирной жизни. Особенно на первое время положено было усилить сторожевые полки, чтобы сразу осадить варяговъ, если они

вздумаютъ снова попытаться завоевать себѣ великій путь.

Совершенно довольные такимъ рѣшеніемъ, старики разъѣхались по домамъ, чтобы тотчасъ распорядиться высылкою подкрѣпленій къ новгородскимъ сторожевымъ отрядамъ. Но уже дорогою стали являться противорѣчія и неудовольствія. Шелонскій старшина, преемникъ столѣтняго Крока, умершаго за годъ до изгнанія варяговъ, разговорился съ своимъ племянникомъ о новгородскомъ рѣшеніи. Договорились они до того, что племянникъ выразилъ сомнѣніе въ честности Гостомысла.

— Ловокъ онъ тоже! — сказалъ племянникъ; — чужими руками думаетъ жаръ загребать! Новгородъ, вишь, ему надо оборонить, такъ вся славянская земля слугъ ему подавай, а онъ станетъ самъ распоряжаться... Вишь, Труанъ какой нашелся....

— Полно врать-то! — возразилъ старшина; — а развѣ Шелонь тоже дань не платила? Ты самъ развѣ не приносилъ шкурокъ на Ловать, на погостъ? Не кланялся варягамъ?

— Дань! Чтоже за важность дань! Отдалъ пару шкурокъ, и правъ, и знать никого не хочу. А тутъ эти ершеѣды озерные, новгородцы, носы только поднимаютъ, да вмѣсто бѣличьихъ шкурокъ, крови человѣческой требуютъ, и все вѣдь на свою только защиту!...

Многіе славянскіе роды, сдерживавшіе свою вражду, изъ опасенія варяжскаго вмѣшательства, принялись за оружіе, только что варяги были изгнаны. Жители Изборска и Пскова давно порывались посчитаться изъ за того, что Изборскъ отбиваетъ у псковичей всякій торгъ съ чудью бѣлоглазою. Старшина съ рѣки Мсты давно собирался пощипать сосѣднюю Весь; но за что именно началась между ними вражда, этого никто не могъ-бы сказать. Когда-то, вѣроятно, была какая нибудь причина, давно всѣми забытая. Изъ за этой причины была какая нибудь месть съ одной стороны, а потомъ, съ другой, отместка; дальше и дальше, дѣло дошло наконецъ до кровавой расправы.

Если въ наше время государства, одно отъ другаго независимыя, образованныя, просвѣщенныя свѣтомъ евангелія и науки, рѣдко живутъ въ мирѣ между собою въ продолженіи многихъ лѣтъ сряду, то ничего нѣтъ удивительнаго, что слишкомъ за тысячу лѣтъ тому назадъ дикіе, во мракѣ язычества ходившіе рòды не уживались мирно и враждовали нерѣдко. А на этотъ разъ скопилось нѣсколько поводовъ неудовольствій и вражды. Ссоры, затаенныя присутствіемъ варяговъ, разыгрались свободно, только что рòды начали по прежнему сами владѣть собою, то есть сдѣлались независимы. Прибавилось къ этому глухое неудовольствіе на Новгородъ, который будто-

бы присвоивалъ себѣ власть распоряжаться вооруженными силами всей земли, которая платила дань варягамъ. Союзники не стали высылать въ сторожевые полки той помоги, какую обѣщали; другіе роды пробовали принудить ихъ къ этому силою, и опять лилась кровь. Къ этому еще прибавились внутреннія неудовольствія въ различныхъ родахъ. Такъ на Назьѣ Стемиръ, узнавъ о гибели своего кудряваго Стемирыша, вспыхнулъ какъ греческій огонь, прибилъ своего старшину-князя и едва его не убилъ. Послѣ долгаго пребыванія своего въ Греціи, онъ разучился принимать приказанія Перуна за непреложныя и отвыкъ уважать старшину, въ которомъ соединялась власть отца и верховнаго жреца. Многіе товарищи приняли сторону Стемира, и загорѣлось междоусобіе. Бѣдной, убитой горемъ Любушѣ не было житья въ родномъ селѣ, и потому Стемиръ перевезъ ее въ Новгородъ и отдалъ на попеченіе Родіону, который тамъ нашелъ себѣ пріютъ въ семьѣ самого Гостомысла.

Все лѣто 861 года прошло въ такихъ кровопролитіяхъ, какихъ и не видано было на славянской землѣ. Старшины, утомленные борьбою съ сосѣдями, въ непрерывномъ ожиданіи нападенія и конечнаго разоренія, стали помышлять о томъ, чтобы какъ-нибудь привести дѣла въ порядокъ.

Первымъ пріѣхалъ въ Новгородъ, посовѣтоваться

съ Гостомысломъ, старшина Богомилъ, едва поправившійся отъ полученныхъ побоевъ.

— Житья нѣтъ, отецъ! — говорилъ онъ Гостомыслу, разводя руками. — Молодежъ вовсе отъ рукъ отбилась, передралась, перессорилась, разбѣжалась, и, главное, отца своего знать не хочетъ. До какихъ это временъ мы дожили, такъ и подумать страшно!

— Чтоже, отецъ?—отвѣчалъ Гостомыслъ:—уже не лучше ли было варяжское время? Они хорошо умѣли мирить: безъ разговора—голову долой!

Но мало по малу вѣсти приходили хуже и хуже: изборцы вплоть до земли выжгли Псковъ; шелонцы прогнали старшину и не дали ни одного человѣка въ сторожевой полкъ на озеро Нево, обвиняютъ Гостомысла и хотятъ воевать Новгородъ; Весь передралась съ Мстою; въ Кривичахъ, близь Смоленска, легло съ двухъ сторонъ почти сто человѣкъ лучшихъ воиновъ; самъ передовой полкъ провинился: отогналъ двадцать четыре барана съ волховскихъ пороговъ; Меря̀ на половину ушла внизъ по Волгѣ, въ Муро̀му....

Призадумались съѣхавшіеся старшины, изъ которыхъ многіе не смѣли и домой вернуться, боясь мщенія расходившихся родичей своихъ. Самъ Гостомыслъ считалъ въ опасности свой Новгородъ. Случилось такъ, что въ ту минуту, когда старики, наперерывъ разсказывая разныя домашнія и внѣшнія

непріятности, наконецъ устали и на время примолкли, — въ сборную избу вошелъ Родіонъ. Медленно перекрестился онъ и сѣлъ на одну изъ пустыхъ лавокъ, вопросительно поглядывая на Гостомысла. Видно было, что у нихъ было условлено дальнѣйшее направленіе спора.

Увидя новаго собесѣдника, новгородскій старшина-князь обратился къ нему, говоря: — Ну, Варягъ-голубиная-душа! Разсуди, какъ по твоему? Вотъ Богомилъ говоритъ, будто при варягахъ лучше было. порядку больше.

— Есть у насъ, — отвѣчалъ тихимъ голосомъ Родіонъ, — въ землѣ варяжской, разные роды, какъ и у васъ, и также ссоры между ними не рѣдки. Свеи (*) часто воюютъ съ англянами; урмане (**) нерѣдко нападаютъ на русь; готы часто задѣваютъ и урманъ, и русь, и свеевъ. И много есть другихъ родовъ, и часто бываетъ вражда между ними. И разный въ этихъ родахъ обычай. У свеевъ обычай суровый и жадный до крови; да вы знаете ихъ: Труанъ и его дружины были изъ свеевъ. Готы еще жесточе свеевъ, но на великій путь они, кажется, не заходили: имъ дорога въ другую сторону, черезъ море. А есть ва-

---

(*) *Свеи* значитъ *шведы;* (**) *урмане — норвежцы:* за англянами осталось прежнее имя, нѣсколько измѣненное: англичане: названіе рода Русь осталось и принадлежитъ теперь величайшему въ свѣтѣ государству.

ряги—могучій родъ, хотя и не многочисленный, это русь. Обычай у нихъ, правду сказать, суровый, твердый, но справедливый, и если вашей землѣ нужна защита и правда, то зовите ихъ....

При этихъ словахъ въ сборной избѣ поднялся шумъ неслыханный.

— И видно, что варягъ! Гляди-ка что посовѣтовалъ!—кричалъ одинъ.

— Нашелъ правду! Отъ варяга-то?—кричалъ въ тоже время другой.

— Пусти ихъ опять сюда, такъ вѣкъ не выгонишь!—вопилъ тутъ-же третій.

— Они станутъ передовой полкъ держать! — замѣтилъ кто-то.

— Да онъ самъ видно изъ руси! Сказывай, русь ты или нѣтъ?—приставалъ еще кто-то къ Родіону.

— Отъ Труана защитили бы насъ только! Придетъ, такъ всѣхъ вырѣжетъ.

— А полкъ-то на что мы держимъ на озерѣ? Оборонимся!

— Тогда станемъ дома рыбу ловить, а они воевать будутъ! Платить имъ станемъ, по уговору.

— А точно, что воевать они здоровы!

— Наймемъ ихъ, какъ Царьградъ нанимаетъ, вотъ и все!

— Найми-ка, поди, варяга! А онъ на тебя хомутъ надѣнетъ!

— По крайней мѣрѣ порядокъ будетъ! А теперь что! Молодежъ отъ рукъ отбилась!

— Да, узнаешь порядокъ, какъ голову снесутъ!

Крикъ и споры долго не унимались. Почтенные старшины охрипли, представляя собою въ сокращенномъ видѣ тотъ хаосъ, который былъ тогда во всей славянской землѣ. Гостомыслъ сидѣлъ пригорюнившись и упорно молчалъ, пока наконецъ къ нему не обратились нѣкоторые изъ стариковъ.

— А хозяинъ-то? Чтоже хозяинъ ничего не говоритъ?

Гостомыслъ дождался, чтобы собраніе немного постихло, и началъ такъ своимъ тихимъ голосомъ: — Господа гости все сказали, а мнѣ, худому, что-же еще сказать? Кто у насъ справится съ нашими порядками? Въ передовомъ полку народу у насъ мало; осень на исходѣ; того и гляжу, что нагрянетъ этотъ Труанъ, и тогда не только Новагорода не останется, а даже золу онъ въ рѣку покидаетъ. Прошу, молю: отцы-старшины! дружины мало! Одному Новугороду не въ моготу держать такой полкъ на озерѣ. А тамъ не устоимъ, такъ вся земля пропала. По моему глупому разуму выходитъ такъ, что уже намъ приходится нанять варяговъ и платить имъ — сколько тамъ уговоръ будетъ. Мы имъ и льготы кое-какія положимъ, чтобы только сидѣли смирно, да, главное дѣло, чтобы другихъ не пускали на великій нашъ

путь. Эти варяги только мѣшали намъ торговать и нипочемъ сбывали не покупное, не вымѣненное, а награбленное добро. И не много имъ надо; если-же будемъ жить въ мирѣ, то не мудрено будетъ наторговать на столько, чтобы по шкуркѣ или по двѣ съ дыма имъ заплатить. Главное, намъ-бы отъ Труана и его свеевъ оборониться, а порядокъ уже мы заведемъ. Правду сказалъ шелонскій старшина, что они воевать здоровы, а мы тѣмъ временемъ, чѣмъ на озерѣ то сидѣть, да ждать погоды, дома стали-бы рыбку ловить, хлѣбъ сѣять, а то такъ торговать. А впрочемъ я знать ничего не знаю, и рѣшать не берусь. Пусть отцы-старшины рѣшаютъ, только безъ наемнаго войска плохо, какъ хотите!

Тутъ поднялся Вадимъ, одинъ изъ младшихъ вождей во время изгнанія варяговъ, но самый дѣятельный устроитель всего этого дѣла. Отвѣсивъ одинъ поклонъ Гостомыслу, а другой всему собранію, онъ сказалъ:

— Отцы-старшины рѣшатъ по справедливости. Они рѣшатъ, пускать-ли въ землю славянскую тѣхъ, кого мы изгнали? Свеи, русь, готы, англяне, это все одно — варяги. Нынѣшней весной, вѣдь не дальше, сколько мы крови своей пролили, чтобъ отъ нихъ избавиться? Сколько лѣтъ мы собирались, уговаривались, ждали, а потомъ умирали и ранами смертельными мучились, и за что же? За то, чтобы опять

отдать себя въ хомутъ тому же Ивору какому-нибудь или Рулаву. Рѣшайте, отцы-старшины, но знайте, что какъ вы ни рѣшите, земля наша не приметъ варяговъ, и Вадимъ съумѣетъ опять поднять ее....

— Я тебя хвалю, сынъ мой Вадимъ,—отвѣчалъ кротко Гостомыслъ,—и человѣку молодому пристало принимать къ сердцу родной край. Но помни, что какъ бы ни рѣшили отцы-старшины, это рѣшитъ міръ, а противъ міра идти нельзя никому. Самъ Перунъ-Сварогъ говоритъ устами міра. Къ тому-же ты пойми, умная твоя голова, что мы ихъ нанимаемъ, пустимъ къ себѣ по уговору, станемъ по уговору-же имъ платить, пожалуй приставимъ къ нимъ кого по умнѣе изъ земскихъ людей, чтобы въ случаѣ чего—попридержать. Родіонъ сказывалъ, что они, эти самые русь, и дома не въ мирѣ живутъ съ сосѣдями, а тутъ, за наше жалованье, они драться будутъ съ какимъ хочешь Труаномъ....

Нѣсколько дней сряду собирались старшины, толковали, спорили до слезъ, десять разъ выслушали Родіона, который расхваливалъ своихъ родичей, русь, и наконецъ рѣшили: не дожидаясь заморозковъ, отправить за море большое посольство и съ нимъ Родіона, разыскать русь и призвать ихъ. Въ этомъ рѣшеніи главнымъ двигателемъ, конечно, было опасеніе, чтобы не вернулся Труанъ съ своими свеями и страшнымъ, кровавымъ мщеніемъ.

XII.

Весною 862 года отъ посольства явился въ Новѣгородѣ передовой гонецъ. Онъ извѣщалъ, что Родіонъ розыскалъ своихъ сродниковъ и уговаривалъ ихъ не мало. Сначала они ни за что не хотѣли идти, потому что слышали, какъ жестоко избиты были свеи по всей славянской землѣ, однако потомъ согласились, но только съ уговоромъ: сидѣть въ самомъ началѣ великаго пути, и лишь оборонять сѣверные доступы къ славянскимъ землямъ, рѣчные пути, Волховъ, Нарову и Вытегру. Такъ какъ больше ничего и не надо было, то посольство окончательно съ ними уговорилось, и они идутъ, всѣмъ своимъ родомъ, съ конунгомъ Рюрикомъ во главѣ. Предусмотрительный Гостомыслъ, услышавъ о такомъ рѣшеніи, придумалъ, что всего выгоднѣе — самому войти съ конунгомъ Рюрикомъ въ прямыя и ближайшія сношенія, потому что такой человѣкъ можетъ и понадобится, при нуждѣ можетъ и пособить, а также дастъ и стражу, чтобы поберечь кое-какіе склады въ Новѣгородѣ, да кое-какіе товары съ низовьевъ Волги и изъ Царяграда. Гостомыслъ обѣщалъ себѣ и своему Новугороду большія выгоды, если удастся не только ласковымъ, но и пышнымъ пріемомъ сразу задобрить русскаго конунга и съ перваго шага на славянскую

землю расположить его въ свою пользу. Такъ и было сдѣлано. Снарядили большую ладью, убрали ее по праздничному, и Гостомыслъ съ нѣсколькими стариками отправился на волховское устье, встрѣчать нанятую дружину. Не долго онъ прожилъ на берегу бурливаго озера Нево. Стража, нарочно для этого поставленная, дала ему знать, что вдали показались паруса русскихъ судовъ. Весь берегъ пришелъ въ движеніе: сотни людей высыпали встрѣчать дорогихъ гостей; но тревога была напрасная: это были лодки славянской сторожевой дружины, оберегавшей отъ варяговъ невское устье. Дружина разсказывала, что русскихъ лодокъ идетъ столько, сколько никогда не приходило,—что наше посольство приказало всѣмъ славянамъ плыть домой, а въ стражу вступила дружина, состоящая изъ одной руси. Не много отдохнувъ, остальные варяги—сегодня, а можетъ быть и завтра—придутъ къ Волхову, чтобы смѣнить и тамошній сторожевой отрядъ.

— А гдѣ же оружіе ваше?—спросилъ Гостомыслъ:—гдѣ мечи, копья, луки со стрѣлами и щиты?

— А на что намъ теперь оружіе?—отвѣчалъ воевода сторожеваго полка, близкій родственникъ новогородскаго старшины, извѣстный своею недальновидностью.—У насъ теперь есть войско наемное, а намъ одно дѣло осталось: торговать, да разживаться.

— Чтоже, вы побросали оружіе въ воду, что ли?—

спросилъ опять Гостомыслъ, обращаясь уже не къ воеводѣ, а къ его подручному, который былъ гораздо дѣльнѣе своего начальника, но не имѣлъ сильнаго родства и не велъ никакой торговли ни съ хозарами, ни съ Царемъ-градомъ.

А подручный воевода стоялъ тутъ-же, унылый и печальный, опустя голову и не зная куда дѣвать свои обезоруженныя руки.

— Дѣло въ томъ,—отвѣчалъ онъ съ грустью,— что русская дружина остановилась въ невскомъ устьѣ, выслала къ намъ на островъ Орѣшекъ Родіона съ нашими послами и приказала садиться въ лодки и уходить, только безъ оружія. Конунгъ Рюрикъ велѣлъ сказать, что онъ шагу впередъ не ступитъ и уйдетъ къ себѣ за море, если мы не оставимъ всего своего оружія на Орѣшкѣ. Мы повиновались, отецъ Гостомыслъ, по приказу воеводы; только, знаешь, мнѣ сдается, что если это точно наемное войско, то такъ-бы дѣлать не годилось....

Гостомыслъ призадумался не на шутку, но подумавъ хорошенько, отослалъ въ Новгородъ и обезоруженный передовой полкъ, и тотъ отрядъ, который жилъ въ устьѣ Волхова, а самъ остался дожидаться Рюрика, разсчитывая войти съ нимъ въ подробные переговоры обо всемъ, что онъ обязанъ будетъ дѣлать и что имѣетъ право требовать.

На другой день явился варяжскій флотъ, и де-

сятка три судовъ разомъ пристали къ берегу Волхова. Гостомыслу не трудно было отыскать конунга, который вышелъ изъ своей ладьи вмѣстѣ съ другими. Высокая, худощавая, въ черномъ одѣяніи фигура Родіона, близкаго сродника Рюрика, легко видна была въ толпѣ и суматохѣ высадки. Родіонъ показалъ Гостомыслу конунга, который въ то время сидѣлъ на землѣ и перевязывалъ покрѣпче распустившіеся ремни своей обуви. Твердо держась обычая предковъ, Гостомыслъ поклонился гостю богатыми дарами: два сорока дорогихъ соболей, да на деревянномъ блюдѣ три сорока цареградскихъ золотниковъ или золотыхъ монетъ. Въ довольно длинной рѣчи онъ звалъ его къ себѣ въ гости, предлагалъ свою дружбу, веселое житье въ торговомъ и богатомъ по тогдашнимъ понятіямъ городѣ.

— Что это за человѣкъ? — спросилъ конунгъ своего друга Родіона, который тотчасъ и объяснилъ ему значеніе новгородскаго старшины и перевелъ содержаніе его рѣчи.

— Скажи-же ты этой старой лисицѣ,—отвѣчалъ конунгъ,—чтобы онъ держалъ ухо востро. Я знаю его предательскій Новгородъ и дальше не пойду. Здѣсь срублю себѣ городъ, а что мнѣ слѣдуетъ по уговору, за тѣмъ самъ буду ходить, да не одинъ, а человѣкъ триста дружины всякій разъ со мной будетъ. Стало быть если и со мной ему вздумается

съиграть такую штуку, какъ съ Труаномъ, то его голова полетитъ прежде всѣхъ.

Гостомыслъ понималъ варяжское нарѣчіе, хотя объяснялся на немъ съ трудомъ, и отвѣчалъ конунгу по славянски, прося Родіона перевести:

— Великій конунгъ! Свеи сѣли у насъ насильно, а тебя съ твоимъ родомъ, русью, призвали мы по доброй волѣ и хотимъ жить съ тобою въ мирѣ и согласіи. Мы твердо держимъ свое слово, не утянемъ и не утаимъ ничего, что обѣщано; за то же и никому не уступимъ ни сухой щепки сверхъ уговора. Покамѣстъ пошли ты ко мнѣ своего мужа, дай ему и дружину: пусть поживутъ у меня въ городѣ, присмотрятся, послушаютъ и разскажутъ тебѣ. Наши люди ѣздятъ къ болгарамъ, на Волгу, и дальше, къ морю Хвалынскому, въ хозары. Также ѣздятъ по великому пути въ греки, привозятъ много дорогихъ и рѣдкихъ товаровъ. Оберегай только насъ отъ обидъ, чтобы на великій путь въ греки по Волхову и на путь въ хозары по Вытегрѣ и Волгѣ не попадалъ ни одинъ свей, то и тебѣ будетъ хорошо, и мужи твои будутъ довольны....

— Знаю, знаю, дядя, что ты старая лисица,— отвѣчалъ конунгъ;—умѣешь расписать и разукрасить. Да я торопиться не буду, и останусь пока здѣсь. Завтра братъ мой Синеусъ поѣдетъ дальше и осядетъ на Бѣлѣозерѣ, оберегать подходы къ Волгѣ,

а братъ Труворъ вернется въ Нарову и выберетъ себѣ мѣсто поудобнѣе гдѣ нибудь, хоть въ Чуди на озерѣ. Съ тобою пойдетъ тоже кто нибудь изъ моихъ, въ городъ, и человѣкъ сорокъ дружины. Посмотримъ, что за городъ у васъ. Да смотри, чтобы люди мои были цѣлы, а то будешь безъ головы. Ну, ступай! Не люблю я долго разговаривать!

Гостомыслъ ушелъ, и послѣ, плывя по Волхову въ Новгородъ въ своей праздничной ладьѣ, все раздумывалъ, что вѣдь въ самомъ дѣлѣ, наемному войску не годилось бы такъ дѣлать. Но особенно заботило его то, что Рюрикъ со всѣмъ родомъ пришелъ: женщинъ пропасть выходило изъ лодокъ, дѣтей цѣлая куча!... Развѣ такъ дѣлаетъ наемное войско?... И его самого, старшину князя новгородскаго съ глазъ своихъ прогналъ!... Это уже и вовсе плохо: наемникъ хозяина съ глазъ гонитъ!... Горько, горько призадумался Гостомыслъ....

Но года черезъ два, когда власть перваго русскаго князя Рюрика укрѣпилась, Гостомыслъ окончательно переманилъ его въ Новгородъ и сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ его совѣтниковъ.

Неугомонный заговорщикъ Вадимъ попался въ злыхъ умыслахъ противъ Руси и былъ казненъ вмѣстѣ съ двадцатью товарищами.

Предслава въ своихъ гаданіяхъ предсказала вѣковѣчную славу и силу Руси. Внучки ея выросли и научились ея кудесничеству. Онѣ были послѣ извѣстными на Руси вѣщуньями.

Стемиръ прежде всѣхъ славянъ поступилъ въ Рюрикову дружину, и былъ, наровнѣ съ другими, уже русскимъ воиномъ.

Бѣдная, неутѣшная Любуша, разбитая горемъ послѣ страшной гибели своего краснощекаго и кудряваго Хорька, научилась у Родіона находить успокоеніе и утѣшеніе въ покорныхъ мольбахъ и сладкихъ слезахъ передъ ликомъ Пречистой Матери съ Младенцемъ на рукахъ.

КОНЕЦЪ.

